Проф. П. А. РАСТОРГУЕВ

СЕВЕРСКО-БЕЛОРУССКИЙ ГОВОР

Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров

ИЗДАНИЕ ИНСТИТУТА БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ЛЕНИНГРАД
1927

Главлит БССР № 20131. — 14½ печ. л. — Тираж 1000.
Государственная Академическая Типография. В. О., 9 линия 12.

Предисловие.

Никогда я не предполагал делать свой родной говор предметом специального исследования: мне казалось невозможным найти в памятниках прошлого подтверждение своего предположения о принадлежности его к потомкам древних Северянских говоров. Когда почти десять лет тому назад мною решался вопрос о теме для специального исследования, внимание мое было всецело приковано к памятникам литературного языка Белоруссии и Украины XVII века, но настоятельный совет покойного академика Алексея Александровича Шахматова, рекомендовавшего мне заняться родным говором, победил мою нерешительность.

К великой скорби, смерть унесла в могилу Алексея Александровича, прежде чем в тяжелых условиях жизни была закончена работа. Представляю свои выводы на суд беспристрастной критики.

Не все, разумеется, время с момента начала работы было уделено ей: работать приходилось с интервалами часто в несколько месяцев, а иногда и лет. Закончена была работа в марте 1924 года. В настоящее время при переписке для печати она в частностях подверглась некоторым изменениям, прежде всего благодаря привлечению разысканных вновь источников.

Идя навстречу пожеланию Института Белорусской Культуры видеть мой труд в форме изложения, доступной для широкого круга читателей, а не для отдельных только специалистов, я 1) изменил изложение некоторых отделов работы, особенно фонетики, в смысле возможного упрощения их и 2) отказался от транскрибирования в работе своих примеров, приняв для них современную белорусскую орфографию. Лишь после характеристики говора в современном его состоянии даю небольшое количество транскрибированных мною примеров.

Что же касается примеров, приводимых из рукописных и печатных источников, то здесь всецело удержана орфография подлинников со следующими изменениями: а) устранены буквы *ъ* и *ѣ*, при чем пред *я*, *ю* и *е* в сре-

дине слова вместо *ъ* ставится ’, б) аффрикаты из *д* и *т* мягких, передаваемые кое-где М. Н. Косич чрез *дзь- ць-*, передаются мною без *ь*, в) буква *i* везде заменена буквою *и* и г) устранено также встречающееся в некоторых источниках *й* пред гласной в начале слова и между гласными внутри слова.

Наиболее часто встречающиеся авторы записей и ответов на программы передаются в большинстве случаев сокращенно: М. Н. Косич — М. Н. К., А. Д. Нечаев — А. Д. Н., Ан. Ф. Полевой — Ан. Ф. П., Ал. Ф. Полевая — Ал. Ф. П., М. В. Ушаков — М. В. У., Л. Г. Самосадный — Л. Г. С. и Ив. М. Гневушев — Ив. М. Г.

П. Расторгуев.

Москва. 24 III 1926.

Северско-белорусский говор.

Предмет исследования.

Северско-белорусским говором в настоящей работе назван говор, находящийся на территории бывших северных уездов Черниговской губернии, т.-е. говор Стародубского, Мглинского, Суражского и Новозыбковского уездов,[1] и говор западной полосы Трубчевского уезда б. Орловской губернии.

Разумеется, не во всем объеме в их бывших административных границах бывшие северные уезды Черниговской губернии могут быть отнесены к этому говору. Из дальнейшего будет ясно, какую именно территорию бывших северных уездов Черниговской губернии следует отнести к Северско-белорусскому говору.

Название говора Северско-белорусским впервые вводится здесь и является одним из выводов, к каким приводит его изучение. Подробнее об этом смотри ниже.

До сих пор этот говор не выделялся в особую группу и относился исследователями к общей массе северовосточных белорусских говоров. К северовосточным белорусским относит его акад. Е. Ф. Карский[2] и составители карты русского языка в Европе.[3]

Выделять этот говор в особую группу и делать его предметом специального исследования побуждает ряд следующих обстоятельств:

1) При ближайшем ознакомлении с говором оказывается, что он в некоторых своих чертах отличается как от других белорусских говоров вообще, так и от соседних с ним в частности.

---

1 Из них в настоящее время только часть Невозыбковского уезда принадлежит к Черниговской губернии; остальные уезды, кроме восточной части Мглинского, отошедшей входят в состав Гомельской губернии.
к Почепскому уезду Брянской губернии,

2 «Белорусы», т. I, стр. 193—196. «Белорусская речь», стр. 58—59, «Русская диалектология», стр. 118.

3 «Труды Москов. Диалект. Комис.», вып. 5, стр. 52—54.

2) От XVII и XVIII вв. имеется значительное количество документов, писанных на территории Северско-белорусского говора и заключающих в себе не лишенный интереса лингвистический материал.

3) Северско-белорусский говор занимает значительную часть территории бывшего Стародубского полка, т.-е. часть так называемой «Старой Малороссии».[1]

Все это вместе взятое вызывает особенный интерес к говору и определению его места среди других белорусских говоров.

Литература о говоре и источники для его характеристики.

Северско-белорусский говор до сих пор не был предметом научного исследования, и литература, трактующая о говоре и его особенностях, не велика. Имеются следующие статьи и заметки, касающиеся говора:

1) Статья М. Н. Косич «Звуковые особенности белорусского говора Черниговской губернии» в ее сборнике песен из этой губернии — «Литвины-Белорусы Черниговской губернии» (стр. 113—128).

2) Статья А. В. Маркова «Данные по говору Стародубского уезда Черниговской губернии.[2]

3) Статья Ан. Ф. Полевого «Описание говора Новозыбковского уезда Гомельской губернии.[3]

4) Небольшие заметки акад. А. И. Соболевского в его «Опыте русской диалектологии» (вып. I) о говоре: а) г. Погара бывш. Черниговской губернии (стр. 23), на основании материалов в «Путевых письмах» Е. Якушкина[4] и «Сказок» А. Н. Афанасьева, б) Суражского уезда, на основании «Материалов для изучения быта и языка русского населения северо-западного края», т. I, ч. 2-я, собранных П. В. Шейном, стр. 495 и статьи Н. Дорогунцева «Село Попова-Гора»,[5] и в) Новозыбковского уезда, на основании тех же «Материалов» П. В. Шейна, т. II, стр. 161—163, 168—170.

[1] А. Лазаревский. «Описание Старой Малороссии», т. I. Полк Стародубский. Киев. 1888 г.

[2] «Известия Отдел. русск языка и словесн. Акад. Наук», 1910 г., т. XV, кн. 1, стр. 184—198.

[3] «Сборник материалов Гомельских губернских курсов по переподготовке сельских школьных работников в г. Новозыбкове». 1924 г.

[4] «Основа», 1862 г., № 1.

[5] «Записки Черниговск. Губернск. Статистич. Комитета», 1872 г., кн. 2.

5) Краткая характеристика А. Аф. Потебней говора города Погара, на основании названных уже «Сказок» А. Н. Афанасьева, в «Заметках о малорусском наречии».[1]

6) Заметки проф. Ив. Гр. Голанова о говоре Старопочепья и Юськовой (Бялковой) слободы Почепского (бывш. Мглинского) уезда.[2]

7) Несколько замечаний проф. Н. Н. Соколова о говоре бывш. северных уездов Черниговской губернии в описании поездки его в Белоруссию в 1908 г.[3]

8) Указание, на основании записей М. Н. Косич, некоторых черт говора акад. А. А. Шахматовым при характеристике им «Белорусского наречия».[4]

9) Указание типов яканья в уездах: Стародубском, бывш. Мглинском и бывш. Суражском Черниговской губ. и Трубчевском уезде б. Орловской губ., данное проф. Н. Н. Дурново в его «Диалектологических разысканиях в области великорусских говоров», ч. I, вып. 2-й, сделанное на основании записей А. Д. Нечаева, ответов на Академич. великорусск. программу № 282 и белорусскую №№ 6, 221, на южновеликор. прогр. Московск. Диалектол. Комис. № 91 и записей П. В. Шейна.

10) Имеющееся в рукописи описание студентом 2-го Московского Государствен. Университета М. В. Ушаковым говора сс. Луговца и Новой Романовки Почепского (бывш. Мглинского) уезда и г. Мглина.

Из названных здесь статей и заметок статья М. Н. Косич касается только звуковых особенностей говора сравнительно с русским литературным языком и нуждается в значительных изменениях и поправках.

Статья А. В. Маркова представляет характеристику говора села Кустич-Бряновых Лыщицкой волости Стародубского уезда, сделанную на основании наблюдений над языком песен, записанных им в 1897 году от солдата из с. Кустич-Бряновых. Говор охарактеризован А. В. Марковым, как «малорусский, с сильным белорусским влиянием и слабым великорусским» (стр. 198). Относить говор Кустич-Бряновых к украинским мешает А. В. Маркову то обстоятельство, что «самые характерные черты этих говоров: *і* вместо *о* и *е* в закрытых слогах и вместо *ѣ* встречаются лишь эпизодически», и он признает его «одним из архаичных северномалорусских

[1] «Филологические записки», 1871 г., стр. 3.

[2] «Труды Московск. Диалект. Комиссии», вып. 3, стр. 161—162.

[3] «Труды Московск. Диалект. Комиссии», вып. 2, стр. 99—100.

[4] «Курс истории русск. языка», читан. в 1909—1910 уч. году, 2-е изд., часть II, в. 2.

говоров, переходных к белорусским»[1] (ib). Такая характеристика говора, как в основных его частях, так и в отдельных частностях, противоречит материалам по говорам других соседних с ним сел и является результатом неверного понимания украинских особенностей в говоре, сквозь которые пробиваются основные его черты: аканье, твердое *р* пред гласными переднего ряда и т. д. Неизвестно, к сожалению, прошлое объекта наблюдения А. В. Маркова — его отношение до солдатчины к отхожим промыслам; в них, повидимому, следует искать причину пестроты языка песен, записанных от него А. В. Марковым. Сам А. В. Марков признает, что использованный им материал «не может быть признан таким, который давал бы полную и точную характеристику говора села Кустичей-Бряновых» (ib), хотя причину этого видит в другом, правда, не менее важном явлении: материал «содержит значительное количество фактов, присущих поэтическому языку» (ib). Таким образом, статья А. В. Маркова содержит сведения, к каким следует относиться с большой осторожностью.

Статья Ан. Ф. Полевого, за исключением недостатков, происходящих от отсутствия надлежащей лингвистической подготовки у ее автора,[2] заключает более или менее надежный в некотором отношении материл, в сравнении его с русским литературным языком, со всего почти Новозыбковского уезда.[3]

В «Опыте русской диалектологии» акад. А. Ив. Соболевского говор г. Погара отнесен в 1897 году к смешанным говорам великорусского юга и востока,[4] а говор бывш. Суражского и Новозыбковского уездов признан здесь белорусским.[5]

По Ал. Аф. Потебне, говор г. Погара великорусский, составляющий переход к малорусскому наречию.[6]

Такая характеристика говора г. Погора дана прежде всего на основании неточности звуковой передачи в названных материалах. Дополненные сведениями из других источников эти материалы дают в настоящее время иную картину говора.

[1] В докладе об этом говоре, читанном в Московск. Диалект. Комиссии 10 XI 1907 г., А. В. Марков пришел к иному несколько выводу о говоре с. Кустич-Бряновых, но под влиянием сделанных ему возражений отказался от него.

[2] Ан. Ф. Полевой студент общественно-экономист; языком раньше не занимался, прослушал у меня лишь курс Белорусского языка.

[3] Исключая части уезда, лежащей к юго-востоку от линии Блешня — Семеновка, где, по имеющимся у автора сведениям, говор представляет смешение украинского с белорусским.

[4] «Опыт русской диалектологии», стр. 23.

[5] ib., стр. 99.

[6] «Заметки о малорусском наречии» («Филол. Зап.», 1871 г., стр. 3).

Заметка проф. Ив. Гр. Голанова о говоре Старопочепья и Юськовой (Бялковой) слободы Почепского (бывшего Мглинского) уезда — фонетическая запись отдельных слов, но, к сожалению, весьма не велика и не содержит указаний на некоторые черты говора. Наблюдения сделаны им в Клетневской пустыни Орловской губ. Брянского уезда и на базаре в г. Брянске в 1911 г.

Замечания проф. Н. Н. Соколова о бывших северных уездах Черниговской губернии не велики и касаются преимущественно аканья в этих уездах.

Акад. А. А. Шахматов касается в своих лекциях главным образом аканья и других более мелких явлений.[1]

В исследовании проф. Н. Н. Дурново указаны лишь типы аканья и рассмотрен вопрос о происхождении яканья вообще.

Описание говора сс. Луговца, Новой Романовки и г. Мглина, данное в 1924 г. М. В. Ушаковым, довольно подробно, по крайней мере, в основных чертах касается говора этих мест.

Такова литература о Северско-белорусском говоре. Среди нее, как мы видели, есть характеристики, написанные 25—50 слишком лет назад, на основании весьма скудных материалов, и отчасти утратившие уже свое значение, но есть и современные нам работы, освещающие стороны говора, бывшие до сих пор в тени.

На ряду с ними имеются *материалы* как более раннего времени, приблизительно одновременные с названными только что статьями, которым они дали содержание, так и более позднего времени. И те и другие имеют не одинаковое, разумеется, значение для характеристики говора, но и они будут привлечены к настоящему исследованию — пересмотрены вновь, как материалы по языку Северско-белорусского говора. С внешней стороны все эти материалы двух родов — *печатные* и *рукописные*.

Печатные материалы.

1. М. Н. Косич. «Литвины-Белорусы Черниговской губернии, их быт и песни».[2]

2. Материалы по Стародубскому уезду, собранные А. Д. Нечаевым.[3]

[1] «Курс истории рус. языка...», т. II, в. 2, изд. 2-е, стр. 84, 85 и следующие.

[2] «Живая Старина», 1901 г., II—IV и отдельно.

[3] «Варшавские Университетские известия», 1914 г., IX, стр. 17—121.

3. Песни, пословицы и рассказы, записанные Н. Дорогунцевым в с. Попова-Гора Суражского уезда.[1]

4. Песни, записанные Е. Якушкиным в городе Погаре Стародубского уезда.[2]

5. Сказки, записанные в г. Погаре учителем уездного училища Н. Матросовым.[3]

6. Песни и сказки, записанные П. В. Шейном в бывш. Суражском уезде[4] и в деревне Чертовичи того же уезда.[5]

7. Сказки, записанные П. В. Шейном в с. Денисковичах Новозыбковского уезда.[6]

8. Ответ на составленную К. П. Михальчуком «Программу для указания особенностей местных народных говоров в Южной России» из бывш. Мглинского уезда.[7]

Примечание. Записи песен П. Г. Мезерницкого,[8] судя по его словам, сделаны в городе Стародубе и в Стародубском и Мглинском уездах. К сожалению, в них вовсе нет указания на место, где произведена та или другая запись. Кроме того, в них господствует этимологическое письмо, и в силу этих обстоятельств их не приходится включать в число источников для изучения Северско-белорусского говора.[9]

Рукописные материалы.

1. Ответы на краткие Академические программы по

а) Стародубскому уезду №№ 209а, 209б;

---

[1] «Село Попова-Гора. Этнографический очерк» («Черниговск. Губернск. Ведом.», 1871 г., №№ 20—22 или «Записки Черниговск. Губернского Статистич. Комитета», 1872 г., кн. 2, стр. 1—26).

[2] «Путевые письма». («Основа», 1862 г., № 1).

[3] «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, вып. I и II, изд. 3-е Солдатенкова. 1863 года.

[4] «Материалы для изучения быта и языка...», т. I, ч. 2-я, стр. 495—501.

[5] «Материалы для изучения быта и языка...» т. II, стр. 178—179, 262—263, 416—419.

[6] «Материалы для изучения быта и языка...» т. II, стр. 161—163, 168—170.

[7] «Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским», т. VII, 1872 г., стр. 538.

[8] «Живая Старина», 1908 года, вып. III, IV; 1909 года, вып. I, IV и 1910 г., вып. I, II. «Народный театр и песни в г. Стародубе Черниговской губернии».

[9] К сожалению, не привлечены здесь материалы по б. Мглинскому и б. Суражскому уездам, содержащиеся в «Отчете о поездке в Гомельскую губернию в 1926 году» А. К. Сержпутовского, вышедшем из печати во время чтения мною корректуры.

б) Мглинскому уезду №№ 295а, 295б;

в) Суражскому уезду №№ 292а, 292б и

г) Новозыбковскому уезду № 203.

2. Ответ на Академическую белорусскую программу № 221 из Мглинского и Стародубского уезда.

3. Ответ на Академическую великорусскую программу № 269 из дер. Старой Романовки бывш. Мглинского уезда с приложением «Сказа о двенадцати пятницах».

4. Ответ на программу Московской Диалектологической Комиссии № 91 из бывш. Мглинского уезда.

5. Ответы студентов 1-го и 2-го Моск. Госуд. Университета на програм. Моск. Диалектол. Комиссии (южновеликорусск. с добавленными мною вопросами), данные в 1924 г.:

а) И. М. Гневушева из с. Жовнеца Гордеевской волости Клинцовского (бывш. Суражского) уезда Гомельской губернии;

б) Л. Гр. Самосадного из сс. Онохова, Хоробоч, Высокого Алексеевской волости, Норина, Шумарова Воробейн. вол. Почепского (быв. Мглинского) уезда Брянской губернии;

в) Ал. Ф. Полевой из с. Рылович Новозыбковской волости (быв. Лакомо-Будской) Новозыбковского уезда Гомельской губернии.

6. Рукописные материалы, хранящиеся в библиотеке Союзной Академии Наук: а) «Областные слова, употребляемые в Суражском уезде Черниговской губ.», собранные штатным смотрителем Суражского уездного училища И. Манжосом (Материалы Малорус. 40); б) «Собрание и объяснение областных слов, употребляемых в Черниговск. губ. по Стародубскому уезду». Соб. учит. рус. яз. Стародубского уездного училища Петр Гармаш. (F. Матер. Малор. 41); в) «Областные слова г. Погара Черниговской губ. Соб. учит. рус. языка Д. Ястребов. (F. Матер. Малор. 42).

7. Ответы на Академические программы из той части Трубчевского уезда, которая в основных чертах принадлежит к Северско-белорусскому говору: а) из с. Алешенки Селецкой волости (ответ на великорусскую программу № 282) и б) из д. Сагутьева (ответ на белорусскую программу № 6).

8. Протокол № 32 заседания Московской Диалектологической Комиссии 10/XI 1907 года по докладу А. В. Маркова — «Данные по говору Стародубского уезда». Сведения о говоре здесь те же, что и в названной уже статье, помещенной в «Извест. Отдел. русск. языка и словесности» за

1910 г., т. XV, кн. I, стр. 184—198, но выводы о говоре иные, о чем см. ниже.

Примечание. В 5-м выпуске «Трудов Московск. Диалектолог. Комиссии», примеч. 183 указаны рукописные материалы Моск. Диал. Комис. из. мм. Ущерпья и Поповой-Горы бывш. Суражского уезда (стр. 103), но, к сожалению, в настоящее время их не оказалось среди материалов Комиссии.

Наконец, присоединю сюда и свое непосредственное знакомство с Северско-белорусским говором.[1]

Остановлюсь несколько на некоторых из названных здесь источников как печатных и рукописных, так и на своем непосредственном знакомстве с говором.

Из перечисленных здесь источников наиболее обширный материал заключают записи М. Н. Косич в ее «Литвинах-Белорусах Черниговской губернии». Здесь имеется около 300 записей песен; кроме того, записаны небольшие разговоры в гг. Мглине, Почепе и Стародубе. Некоторые записи, правда, очень коротки — всего в несколько строк. Почти при каждой записи есть указание, когда, где и от лица какого возраста она сделана. Записи производились со слов почти исключительно лиц женского пола в возрасте от 17 до 78 лет, при чем преобладают записи от пожилых лиц — в возрасте от 40 до 65 лет. Из указанного числа записей только 35 сделано со слов молодых парней в возрасте от 16 до 25 лет; со слов некоторых лиц сделано иногда по несколько записей, но при всем том число лиц, от которых записаны песни, довольно велико.

Записи М. Н. Косич сделаны в уездах: Мглинском, Стародубском, Суражском, Новозыбковском и Городнянском, но распределяются по уездам весьма неравномерно: наибольшее количество записей сделано в Мглинском уезде — всего 167 записей; далее идут уезды: Стародубский — 107 записей, Новозыбковский — 8 записей и Суражский — 5 записей.

Примечание. Четыре записи из Городнянского уезда, (Вегоч 2 зап., Пилипча 1 зап. и Хоробичи 1 зап.), вследствие противоречия их с наблюдениями О. Курило (о чем ниже) и ответами на краткие Акад. прогр. из Городнянского уезда (№№ *291а* и *291б*) в вопросе о *ѣ* и дифтонгах, опускаю.

[1] Я уроженец г. Стародуба и провел в нем детство и часть юности.

По Мглинскому уезду (теперь Клинцовск. и Почепск. уезды) записи дают материалы из следующих сел и деревень: хут. Александровка 6 зап., д. Бородинка 18 зап., д. Водвинка 13 зап., с. Горяны 6 зап., д. Жуково 14 зап., сс. Задубенье 2 зап., Ивайтенки 1 зап., д. Кожемяки 11 зап., г. Мглин 5 зап., с. Нов. Ивайтенки 2 зап., с. Росуха (на карте Разсуха) 68 зап., с. Стар. Задубенье 2 зап., д. Шапочка 10 зап., д. Яблонка 9 зап.

По Стародубскому уезду: с. Анушино 3 зап., д. Бороздиино 6 зап., д. Берновичи 2 зап., хут. Верканька 3 зап., д. Выстриков 1 зап., с. Гарцево 11 зап., с. Гриденки 2 зап., д. Далматово 1 зап., д. Жигалки 5 зап., д. Лужки 1 зап., д. Лупеки 20 зап., с. Лыщичи 1 зап., с. Михайловск 10 зап., с. Новоселки 5 зап., д. Невзорово 13 зап., с. Платково 2 зап., г. Погар 15 зап., с. Семешково 2 зап., с Човпня 4 зап.

Новозыбковский уезд: с. Манюки 8 зап.

Суражский (теперь Клинцовский) уезд: Клинцы 3 зап., с. Красновичи 2 зап.

Кроме того, есть ряд песен без указания места и времени, где и когда были сделаны записи, наприм., на стр.: 21, 34, 35, 45, 68, 88 и т. д.

В указании некоторых местностей есть несомненные опечатки, напр.: с. Лойцычы (стр. 42) вместо Лыщичи, Матоки и Манеки вм. Манюки (стр. 52 и 69), Михайловец (50 стр.), Михайловское (104 стр.), Михайловичи (105 стр.) вместо с. Михайловск, Веркивка (38 стр.) вместо Верканька.

Не ясны также обозначения: Старое Задубенье, Новые Ивайтенки и — Задубенье, Ивайтенки (Старые или Новые?).

Записи сделаны в разное время; наиболее ранние из них относятся к концу 50-х годов XIX-го столетия, а позднейшие к последним его годам. Наибольшее число записей приходится па девяностые годы, на период с 1891 г. по 1900 г.

Автор записей М. Н. Косич — местная жительница. Детство и юность ее, кроме пятилетнего пребывания в институте, проведены на хуторе вблизи села Росухи.

Цель труда М. Н. Косич — литературно-этнографическая; песни сопровождаются описанием разных сторон крестьянского быта: дается описание свадьбы, крестин, праздников, полевых работ, игр, народных поверий и проч. Эти описания иллюстрируются типичными для народного быта выражениями и разговорами, заключающими в себе значительный лингвистический материал без указания иногда, правда, на то, где, когда и от кого они слышены.

Не без интереса относится М. Н. Косич и к языку: и к нему видна та же любовь и интерес, которые характеризуют вообще ее отношение к своему родному, местному. В местной народной речи М. Н. Косич находит «своеобразную мягкость и легкость звуковых сочетаний».[1] По ее словам, она записывала песни «с фонографическою точностью», чтобы «при чтении возможно было соблюдать правильность произношения». Насколько однако велика эта точность записи, увидим дальше, при характеристике отдельных фактов говора.

Труд М. Н. Косич издан с множеством опечаток: в конце книги опечатки приведены на 23 страницах (всего же в книге, кроме опечаток, 128 страниц), но и здесь не исчерпываются все опечатки и, кроме того, указанные в «опечатках» поправки не всегда верны и нередко нуждаются в исправлении.

Записи А. Д. Нечаева также представляют обширный материал (17—121 стр.) по Стародубскому уезду; сделаны они в сс. Гарцеве (108 песен, 33 загадки, 1 разговор, 1 рассказ и 3 сказки), Семешкове (16 песен) и дд. Абаринках (81 песня, одна сказка) и Ильбове (42 песни).

По содержанию здесь преимущественно песни; есть также загадки (стр. 56—57), разговоры, рассказы и сказки (стр. 58—61, 93—96). К сожалению, почти нет никаких указаний, со слов кого — мужчин, женщин, старух, молодой девицы или парня сделана та или другая запись.

Ответов на краткие Академич. программы семь.

По Суражскому уезду один ответ № *292а* дан из с. Казарич Гордеевской волости и д. Стодолы Голубовской волости, а другой № *292б* из с. Неглюбки и соседних с ним селений: Яловки, Увелья, Верещак и Кожан Верещакской волости, в сорока верстах от ст. ж. дороги Новозыбков.

Автор первого ответа уроженец д. Титовки Надейковичской волости Климовичского уезда, проживший здесь около 20 лет; три года он был учителем в с. Казаричах и ко времени составления ответа уже год учительствовал в д. Стодоле. В своем сообщении он характеризует в пределах вопросов программы говоры этих деревень, указывая на отличие в некоторых чертах говора д. Титовки от говора с. Казарич и д. Стодолы. В ответе на 2-ой вопрос программы есть материал, указывающий на характер аканья в п. Клинцах б. Суражского уезда Черниговск. губ.

[1] «Литвины-Белорусы. . .», стр. 1.

В ответе № *292б* на 22 и 24 вопросы программы указано на отличие говора сел, откуда дается сообщение, от говора д. Колбовки Гомельского уезда, находящейся в трех верстах от с. Неглюбки.

По Мглинскому уезду один ответ № *295а* из с. Осколкова Шумаровской волости и другой № *295б* из с. Молодькова той же волости, находящегося в 17 верстах от г. Мглина.

По Стародубскому уезду один ответ № *209а* из с. Нижнего в 17 верстах от г. Стародуба и другой № *209б* из с. Березовки в 50 верстах от г. Стародуба и в 25 верстах от станции Жудилово Полесской жел. дор.

По Новозыбковскому уезду ответ № *203* характеризует говор сс. Туросны, Смотровой Буды, Кневичей и соседних сел и деревень Новозыбковского уезда на расстоянии от 3 до 12 верст от п. Клинцов (теперь город).

Ответы составлены в 1904 г.

Ответ на Академическую программу для собирания особенностей белорусских говоров № *221* дан М. Н. Косич, автором названного уже труда «Литвины-Белорусы Черниговской губернии, их быт и песни». Ответ имеет в виду говор сел: Росухи и Гудова и дд.: Еленска, Шапочки, Водвинки и Бородинки бывш. Мглинского уезда, села Труханова и деревень: Лупек, Амелькина хутора и Бороздина Стародубского уезда.

Примечание. В «Литвинах-Белорусах», как уже сказано, есть записи из Росухи, Шапочки, Водвинки, Бородинки, Лупек и Бороздина.

Ответ дан на первые 37 §-ов программы, кроме §§ 19, 21, 24, 32, 35, и на §§ 39, 46, 48, 58, 59.

Не на все однако пункты этих параграфов дан ответ; из отдела «Ударение» (§ 62) приведены слова на буквы *а*, *б*, и на *в*. Кроме того, приведен образчик разговора в Погаре, Мглине, Почепе и Стародубе и дан небольшой словарный материал.

Примечание. Эти разговоры с некоторыми изменениями в тексте и орфографии повторены в «Литвинах-Белорусах».

Ответ на программу составлен в 1899 году.

В примечании к ответу отмечается, что говор в Суражском, Мглинском и Стародубском уездах несколько отличается от говора Могилевской губернии.

Ответ на Академическую великорусскую программу № 269 с приложением «Сказа о двенадцати пятницах» дан из деревни Старой Романовки бывш. Мглинского уезда; автор ответа неизвестен. Сказ «записан у слепца»

этой деревни Симеона Витюгова; к «Сказу» приложен небольшой словарь местных слов. Ответы в программе даны почти на все ее вопросы, включая и словарь. Письмо в «Сказе» не выдержано — в одних случаях фонетическое, а в других, особенно в передаче неударяемых *о* и *е*, орфографическое.

Ответ на программу Моск. Диалектол. Комиссии № 91 дан в 1914 году из сс.: Гудова, Росухи и деревень: Водвинки и Шапочки.

Песен, записанных Е. Якушкиным в г. Погаре, шесть, из них три хороводные. Величина песен от 5 до 39 стихов, при чем в них, особенно в хороводных песнях, есть повторения; записаны песни, по словам Е. Якушкина, «с удержанием выговора»; фонетический принцип письма однако не везде выдержан; в сноске автор записи дает объяснение произношения неударяемого *а* в положении его после твердых согласных во втором предударном слоге. Запись сделана в 1861 году.

В записях Н. Дорогунцева, в «Материалах» П. В. Шейна и в «Сказках» А. Н. Афанасьева не всегда имеет место точность в передаче звуков; особенно много заставляют здесь желать «Материалы» П. В. Шейна.

Ответы на программы Московск. Діалектол. Комис., данные студентами Моск. Госуд. Университета, и на Академич. программы из Трубчевского уезда более или менее удовлетворительно передают некоторые из особенностей говора.

Ответ на программу К. П. Михальчука из бывш. Мглин. уезда (см. «Труды этнограф.-статистич. экспедиции... материалы, собр. П. Чубинским», т. VII, ст. 538) также нуждается в ряде оговорок.

Наконец, рукописные материалы Академии Наук представляют преимущественно словарный материал.

Остается сказать еще несколько слов о своем непосредственном знакомстве с говором. Средством знакомства с говором были все условия моей жизни: школа, рынок, посещение ближайших к городу сел, ярмарки, базары в городе и т. д., а позднее и посещение Окружного Суда при разборе дел. Таким путем я имел возможность ознакомиться с говором преимущественно Стародубского уезда. Лишь позднее, с 1905 года, мною был совершен ряд поездок, главным образом на велосипеде, как по Стародубскому уезду, так и по Мглинскому, Суражскому и Новозыбковскому.

В 1905 году я посетил следующие села и деревни: Камень, Чубковичи, Нижнее (Стародубского уезда), Большую и Малую Топаль, Рубежное, Гулевку, Белый Колодезь и Туросну (Новозыбковского уезда). Кроме того, имел возможность наблюдать говор прислуги из сс. Пихторовки, Высокого, Колодезков и Чеховки (Стародубского уезда).

В 1906 г. — Сергеевск, Пятовск, Осколково, Яцковичи, Луцковичи, Решотки, Гриденки, Артюшково, Ковалево, Балыкино, Рожки, Прирубки, Шняки, Посудичи (на карте Подсудичи), Модеевку и г. Погар (Стародубского уезда).

В 1910 году — Мериновку, Дедово, Дохновичи, Мишковку, Андрейковичи, Картушин, опять Камень и Чубковичи, Печеники (Стародубского уезда); некоторые из этих сел неоднократно посещались мною до 1905 года.

В 1916 и 1917 году — села бывш. Мглинского уезда: Белогорщ, Нетяговку, Голяковку, Луговец, Нивное и г. Мглин (поездка от станции Унеча была совершена на лошадях).

В 1922 году — гг. Сураж и Клинцы и сс. Овчинец, Новый Дроков, Высокое Суражского уезда и Нивное Мглинского уезда. В Клинцах наблюдал говор уроженца села Лопатни, наход. в 12 верст. от Клинцов. На базаре в г. Сураже наблюдал говор жителей сс. Дубиновки (12 в. от Клинцов), Рудни и Замердеевки.

В 1923 г. в конце лета, при окончании настоящей работы у меня возник ряд сомнений, особенно относительно наличности в восточной части Стародубского уезда, соседней с Трубчевским, твердого *р* в положении его пред гласными переднего ряда, судьбы звонких согласных в положении их пред глухими и некоторых других явлений. С целью проверить свои сомнения, в августе того же года я проехал в восточную часть Стародубского уезда. Но случайно в г. Погаре познакомился с архивом местной Успенской церкви и значительную часть небольшого, бывшего в моем распоряжении времени провел в работе над архивными материалами[1] (о чем ниже). В эту поездку я однако имел возможность проверить свои сомнения наблюдением над говором следующих сел и деревень: Михновки, Курова, Суворова, Чубарова, Дареевска, Андрейкович, Кистра, Чаус и Горицы.

В г. Погаре я наблюдал, между прочим, говор домашней работницы из д. Бугаёвки и говор учителя рисования Погарской школы II ступ. К. И. Бурого. Говор К. И. Бурого, уроженца д. Бучек, кстати отмечу здесь, удивительно сохранил свои характерные особенности (твердое *р* только пред гласными переднего ряда, звонкие шумные согласные в положении пред глухими и в абсолютном конце слова и др. черты), несмотря на то, что К. И. Бурый получил художественное образование в Киеве и некоторое время, кроме того, проживал там. К. И. Бурый располагает значительным

[1] Приношу здесь глубокую благодарность Д. Я. Никольскому, предоставившему мне возможность заняться этими материалами.

архивным материалом, и, благодаря его любезности, я имел возможность кое-что использовать из этого материала для настоящей работы.[1]

На станции Унеча (бывш. Мглинского уезда) я наблюдал говор следующих сел: Рюхова Стародубского уезда, Песчанки Клинцовского (бывш. Суражского) уезда, Дубовки и хут. Рябовки.

То же было проделано мною и на ст. Жудилово в ожидании поезда на Москву. Здесь наблюдались говоры сел: Бучек, Михайловска, Ковалева, Стародубского уезда и м. Баклани бывш. Мглинского уезда.

Таково непосредственное знакомство мое с говором. К сожалению, из более ранних моих записей очень мало сохранилось, да к тому же не всегда я их делал, довольствуясь в большинстве случаев пометкой у себя существования той или иной черты. Записи, сделанные мною во время двух последних поездок, содержат преимущественно разговоры, слова и выражения; произвести более обширные записи не удалось: оба раза я очень был ограничен временем; пришлось довольствоваться небольшими записями и пометками. Как бы то ни было, эти записи и наблюдения дают возможность отнестись критически к печатным и рукописным источникам.

Отрицательные и положительные стороны источников.

Значительная часть названных здесь источников представляет материалы, собранные преимущественно этнографами, не преследовавшими лингвистических целей. Если у некоторых из них есть замечания, что записи делались «с фонографической точностью» (М. Н. Косич) или «с удержанием выговора» (Е. Якушкин), то, во всяком случае, это замечания не специалистов, и «точность» их записей может быть лишь относительная: в них могли найти себе выражение лишь наиболее яркие особенности говора, обращающие на себя внимание не лингвиста, и одновременно с тем могли остаться не замеченными факты менее яркие, но весьма ценные как для характеристики говора в тот период его жизни, когда производились записи, так и для его истории. Кроме того, в подобного рода записях, в передаче некоторых фактов говора обычно сохраняется орфографическое написание, иногда рядом с фонетическим, тем более, что авторы записей и ответов на программы, за немногими исключениями, пользовались обычным русским алфавитом, без приспособления его к особенностям говора. Далее, ответы на Академич. програм. №№ 282 и 6 из Трубчевского уезда, заключая

[1] Считаю своим долгом выразить ему здесь свою благодарность.

черты, свойственные Северско-белорусскому говору, имеют и значительное количество великоруссизмов, не говоря уже о проникновении русского влияния в значительное количество источников.

Все это вместе взятое, а равно и ряд других обстоятельств, неизбежных при подобного рода записях и уменьшающих значение их, как источников для изучения говора, требует, чтобы лингвистический материал извлекался из них и пускался в обращение только после самого тщательного критического анализа.

Наконец, печатные материалы по содержанию в большинстве случаев представляют сборники песен, а известно, что песенная речь отличается от разговорной особенно в фактах морфологии и синтаксиса, представляя ряд архаизмов и образования по требованиям размера и рифмы.

Кроме того, в ряде песен ярко выступает великорусское влияние, особенно в записях со слов молодых парней и отчасти девиц; срав., наприм., у М. Н. Косич, стр. 104, 105 и друг. или у А. Д. Нечаева, в записях которого особенно сильно сказывается великорусское влияние; сравн. №№ 51, 63, 72, 82, 95, 133, 151, 153 и друг.; срав. также в сказках А. Афанасьева некоторое украинское влияние.

Все это вместе взятое побуждает с большой осторожностью относиться к показаниям песенного материала и брать из него примеры в том лишь случае, когда они находят себе подтверждение в известных мне непосредственно фактах живого, разговорного языка.

Сообразно с этим в дальнейшем изложении работы будут выделены в «*Примечания*» факты преимущественно песенного языка.

Критический анализ должен предшествовать извлечению материала и из ответов на программы: они также в большинстве случаев давались не специалистами, для которых некоторые вопросы программы могли быть прежде всего неясны, что нередко наблюдается при обработке этих ответов, не говоря уже о том, что у автора ответов могло быть недостаточно внимательное отношение к говору, по которому давался им ответ. Могло иметь также место и чисто формальное выполнение ответов, что также наблюдается при обработке их. Наконец, если принять здесь во внимание то обстоятельство, что и наблюдения филологов-специалистов иногда расходятся между собой в характеристике некоторых звуковых явлений в одном и том же говоре,[1] то станет ясно, что всякий письменный источ-

[1] Сравни, напр., наблюдение проф. Е. Ф. Будде, акад. Е. Ф. Карского и проф. И. Г. Голанова над говором с. Акулич Орловской губернии. См. «Сборн. отдел. русск. яз. и словесн.», т. 76, № 3. Проф. Е. Ф. Будде. «О говорах Тульской и Орловской губ.»; «Новый

ник, привлекаемый мною в качестве диалектического материала, должен подвергнуться прежде всего тщательной критике, и здесь, при выборе ответов, одним из критериев должно служить непосредственное знакомство мое с говором. Только путем такого сопоставления всех названных выше источников, смею надеяться, мне удастся получить достаточно проверенный и надежный материал для своего исследования.

Наиболее удобным признаю производить критический анализ источников при рассмотрении отдельных фактов говора.

Что же касается литературы, имеющей своим предметом отношение Северско-белорусского говора к другим белорусским говорам, то она чрезвычайно бедна: здесь нет ни одной статьи, непосредственно трактующей этот вопрос; лишь мимоходом касаются его исследователи и наблюдатели других белорусских говоров. Подробнее о ней в соответствующем отделе.

Фонетика.

Гласные.

Гласные под ударением. Гласные под ударением не подвергаются в Северско-белорусском говоре изменениям, лишь в отдельных случаях встречается вызванный соседством с *в* и *ў* звук *о* вместо ударяемого *а* в закрытом слоге.

Примеры: тро́ўка (А. Д. Н., Гарцево, 49; Абаринки, 81), муро́ўка (ib.).

По аналогии с этими формами встречаются и — муро́ву (М. Н. К., Росуха, 61), тро́вачка (А. Д. Н., Гарцево, 51), тро́вачки (ib., Абаринки, 92).

На ряду с этим обычны также и случаи с *а*: тра́вачки (А. Д. Н., Абаринки, 53), па мура́вачки (ib.).

По ассоциации с формами, имеющими *о* по аналогии с другими образованиями того же корня, встречается ряд слов с *о* на месте ударяемого *а*.[1].

Примеры: бро́нюцца (М. Н. К., Росуха, 75), бро́ницца (ib., Невзорово, 85), ни пато́й (ib., Михайловск, 76), ко́цюцца (ib., Лупеки, 102),

---

сборник статей по славяноведению в честь В. Ив. Ламанского», ст. акад. Е. Ф. Карского «К вопросу о народных говорах Орловской губернии», стр. 314—320; «Труды Моск. Диал. Комис.», в. 3, стр. 160—161, заметка проф. Ив. Гр. Голанова.

[1] Сравн. акад. Е. Ф. Карский «Белорусы», т. II, в. 1, стр. 86.

насо́дь (А. Д. Н., Абаринки, 69), зако́ча (вм. закотя; *ч* из *т* под влиянием следующего слова чу$^{п}_{б}$: «як зако́ча чу$^{п}_{б}$»), пасо́дють (ib., 73), падно́шываю (ib., Ильбово, 103), со́джана (ib., 112).

Таковы же повсеместно распространенные: што́нікі, пако́цім, пло́цюць, падо́рым, пасо́дзім и некоторые другие.

Отмечаются они и Академической белорусской программой № 221 (из Мглинского и Стародубского уездов), № 6 (из Сагутьева Трубчевского уезда) и великорусск. № 282 (из с. Алешенки Трубчевск. уезда).

Влиянием аналогии также вызвано образование форм с *е* и *'о (ё)* на месте ударяемого *' а* (я): гле́дзючы, трёс, запрёг.

В записях М. Н. К. (Лупеки, 28) отмечено, между прочим, *запре́жаны*. То же и в Академ. великорус. програм. № 269, № 282 и белорусск. № 6.

Примечание. Образований *дрэнь, дрэ́нны(й), дрэ́нна*, весьма распространенных в других белорусских говорах, в Северско-белорусском говоре нет.

Слова *хоць* и *меж*, примыкая к следующему за ним слову, теряют иногда ударение и представляют изменение безударных *о* и *е* в *а* и *и:* «хаць да духа» (М. Н. К., Росуха, 35), між намы, між вамы и т. д. Таково же и производное — паміж.

В Академической великорусской программе № 282 отмечено *хуть*.

В некоторых случаях *о* вм. *а* есть остаток старины, таковы: ро́зум, ро́ўны(й), дубро́ва, где в великорусском языке *а*, вызванное другими причинами.

Примеры: пра дубро́ву (М. Н. К., Росуха 61), у дубро́вы (ib., 96), дубро́ва (ib., Бородинка, 18), дубро́ву (ib., Лупеки, 16), дубро́вачка (ib., Манюки, 83), ро́зуму (ib., Погар, 109; А. Д. Н., Семешково, 116), дубро́вки (А. Д. Н., Ильбово, 110), ро́зум (Акад. в.-русск. прогр. № 282 и белорус. №№ 221 и 6).

Безударные гласные.

а) Слог, непосредственно предшествующий ударяемому.

Все перечисленные выше источники характеризуют Северско-белорусский говор, как акающий. Вопрос лишь в том, с каким видом аканья имеем здесь дело? В литературе по отдельным вопросам русской диалектологии, затрагивающей частично и аканье нашего говора, имеется не одинаковое определение его.

В V-м выпуске «Трудов Московск. Диалектол. Комиссии» аканье названо диссимилятивным.[1] Диссимилятивным признает его и проф. Ив. Г. Голанов в статье «О диссимилятивном аканьи»[2] и в названной уже заметке по говорам бывш. Мглинского уезда.[3]

Проф. Н. Н. Соколов относит Стародубский уезд и часть Новозыбковского уезда к области ассимилятивного аканья, а бывш. Суражский, Мглинский и северн. часть Новозыбковского уезда к диссимилятивному[4] аканью.

Проф. Н. Н. Дурново в названном выше исследовании принимает очерченные проф. Ив. Гр. Голановым границы говоров с диссимилятивным аканьем после твердых согласных и устанавливает различные типы аканья после мягких согласных, т.-е. типы так называемого яканья. В Стародубском и Мглинском уездах бывш. Черниговской губ. и Трубчевском уезде бывш. Орловск. губ. он признает диссимилятивное яканье Жиздринского типа (стр. 14, 15), в том же Мглинском и бывш. Суражском уезде сильное яканье (стр. 16) и предположительно в том же Мглинском и Стародубском уезде бывш. Черниговск. губ. умеренно-диссимилятивное яканье (стр. 19).

Акад. А. А. Шахматов, на основании записей М. Н. Косич, определяет здесь аканье, как сильное второго типа, т.-е. в первом предударном слоге на месте звуков *о* и *а* после твердых согласных всегда звук *а*, после же мягких согласных на месте *е* и *а* звук *а* слышится в том случае, если под ударением не *а*, а какой-нибудь другой гласный звук; если же под ударением *а*, то в первом предударном слоге редуцированный гласный заменяется чрез *е*, *і* иногда и *а*.[5]

Таково положение вопроса в трудах общего характера, лишь мимоходом касающихся аканья Северско-белорусского говора. Специальных работ, посвященных говору в целом, как уже отмечено, нет; имеется лишь несколько названных уже раньше статей, рассматривающих говор более или менее значительного района. В этих статьях аканье определяется следующим образом.

В статье М. Н. Косич, судя по приведенным примерам и сделанным замечаниям (стр. 113—117), говорится, с одной стороны, об аканьи «более глухих мест», в речи «людей, не соприкасающихся с интеллиген-

[1] «Опыт диалектологической карты рус. языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии». Составили Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, стр. 54 и 57.

[2] «Труды Московск. Диалект. Комис.», вып. 3, стр. 208.

[3] Ib., вып. 3, стр. 161—162.

[4] Ib., вып. 2, стр. 99.

[5] Op. cit., стр. 79, 80, 83, 84 и 85.

цией», и с другой — об аканьи в местах, противоположных первым. В этих последних, на основании М. Н. Косич, аканье может быть названо сильным, а яканье диссимилятивным. Что же касается «более глухих мест», то здесь аканье также сильное; на месте же предударного *е* в положении его пред слогом с ударяемым *а* в говоре «старых людей» слышится *'а (я)* (стр. 116), в положении же предударного *е* пред другими ударяемыми гласными оно также переходит в *'а (я)*.

Ап. Ф. Полевой в названной уже статье говорит о двух видах аканья в той части Новозыбковского уезда, которая была предметом его наблюдений: 1) об аканьи сильном — во всяком положении после твердых и мягких согласных слышится звук *а* и 2) диссимилятивном. Диссимилятивное аканье слышится только в деревне Васильевке (Дубровке), а сильное в остальной части уезда, хотя тут же им указано на произношение: ніха́й и німа́.[1]

В рукописной статье М. В. Ушакова аканье в первом предударном слоге определенно как диссимилятивное, «хотя и не резко выраженное»; яканье признается диссимилятивным. Такое определение аканья дано было М. В. Ушаковым в 1924 году, однако осенью 1925 года, наблюдая во время диалектологической экскурсии диссимилятивное аканье в Можайском уезде Московской губ. и сравнивая с ним свои наблюдения в Мглинском уезде, М. В. Ушаков пришел к выводу, что аканье во Мглинском уезде (не яканье) нельзя признать диссимилятивным.

Обратимся теперь к ответам на программы и сборникам песен и сказок.

Из примеров, приведенных в ответе на программу К. П. Михальчука из Мглинского уезда,[2] можно заключить, что аканье здесь весьма сходно с аканьем в записях М. Н. Косич.

Ответы на Краткие Академические программы, за исключением № *292а* из бывш. Суражского уезда (с. Казаричи Гордеевской волости и д. Стодола Голубовской вол.), указывают на *а* после твердых и мягких согласных, независимо от гласного под ударением. Правда, в ответе из с. Нижнего Стародубского уезда (программа № *209 а*) говорится, что «выда́, ныга́ не говорят, но в слове вада́ *а* менее ясно, чем в слове вады́».

Примечание. В ответе на программу № *292а* отмечается колебание между сильным аканьем и диссимилятивным, идущим из б. Мо-

[1] Op. cit., 274.

[2] Труды этнографич. статистич. экспедиции в западно-русский край. Материалы и исследования, собр. П. П. Чубинским, т. VII, стр. 538.

гилевской губернии. «Все жители вышеупомянутых мест» (с. Казаричи и д. Стодола), говорит автор записи, «раз будут говорить ныгá, гылывá, дыскá, а в другой в том же случае скажут нагá, галавá, даскá» (§ 3).

В ответе на белорусскую Академическую программу из Мглинского и Стародубского уездов № 221 (М. Н. Косич) находим примеры: каля́ды, казáў, вярпíсь, у мяné, вязýць, зялёный, бярý, мядавы́й, зялянó, зямля́, сястрá, жанá, плялá и т. д., указывающие на аканье и яканье, сходное с тем, с каким мы встречались уже в ее статье о «Звуковых особенностях белорусского говора Черниговской губернии».

То же находим и в программе Московской Диалектол. Комиссии № 91 (из Мглинского уезда): вадá, самá, барадá, палажы́ть, паскарéй, панясý, памялó, вядý, прядý, бяды́, сястрé, вялá, няслá, рякá, залязáть, мяня́ть, дясятí, патяря́ть, пячáть, уяжжáть и с другой стороны — питáк, виля́ть, дися́тый, беряжóк, на беряжкý и т. д.

В Академич. вел.-русской программе № 269 (из Мглинского уезда) на аканье нет указаний; яканье диссимилятивное: рикá, виснá, вяслó, вясны́, вяснé, вяснóй, дисятí, лисавíк, сирябрó и т. д.

В ответах Ив. М. Г. и Л. Гр. С. аканье сильное, а яканье диссимилятивное.

В ответе Ал. Ф. П. такие же сведения, как и в статье Ан. Ф. П.

В ответе на Академическую вел.-русскую программу № 282 (из с. Алешенки Трубчевского уезда) и белорусскую № 6 (из д. Сагутьева того же уезда) аканье — сильное, яканье — диссимилятивное.

В записях М. Н. Косич на месте безударного *о* и *а* (после твердых согласных) в первом предударном слоге в положении их пред ударяемым *а* встречается *а*.

Примеры. *Мглинский уезд:* вадá (Росуха, 17), маладáя (ib., 19), твая́ (ib.), нажá (ib., 20), бая́рамы (Водвинка, 20), пастая́ла (ib., 62), твая́ (Горяны, 15), астрагá, (хут. Александр., 88), галавá (Жуково, 65), маладáя (Шапочка, 71), каня́ (ib.) и т. д.

Стародубский уезд: мая́ (Новоселки, 19), сталá (ib.), бая́рачки (ib.), уставáла (Лупеки, 23), даравáла (ib.), парася́цины (Гарцево, 31), паламáю (Жигалки, 36), галавá (Верканька, 43), каня́ (Далматово, 42) и т. д.

Суражский уезд: винавáта (Красновичи, 88), Тацáну (ib.), панарáвилась (Клинцы, 103), запрапáли (ib.) и т. д.

Новозыбковский уезд: падáрачки (Манюки, 22), бая́ры (ib.), на закáци (ib., 69), сказáла (ib., 83), зараслá (ib., 92), падáрачка (ib.).

Примечание. Изредка встречающиеся случаи написания с *о* в первом предударном слоге, например: коня́ (Росуха, 20), комáрыки (Жуково, 65), яковá (ib., 65), луговáя (Лупеки, 72), на дворé (Бородинка, 34; Шапочка, 98) и т. д., представляют опечатки или вызваны влиянием аналогии.

В записях А. Д. Н. те же безударные гласные в том же положении также передаются чрез *а*, например: винагрáд (Гарцево, 17), барáмы (ib., 19), бая́р (ib., 20), Хамá (ib., 49), параспла́калися (ib.), пабрáў (ib.), прашчáй (ib., 51), тавáру (ib., 58), папáла (ib.), тавáрам (ib.), сабáка (ib., 59) наклáла (Абаринки, 64), багáтаму (ib.), расá (ib., 65), каня́ (ib.), салдáт (ib., 93), абазнáлися (ib., 95), маладáя (Ильбово, 97), паслáла (ib.), мая́ (ib., 99), касáты (ib., 103) и т. д.

Примечание. В записях есть так же, как и у М. Н. Косич, написания с орфографическим *о*: прощáлася (Гарцево, 31), моё (ib., 18), покидáиш (ib., 28) и т. д. и несколько случаев написания с $^{ъ}_{а}$ и $^{о}_{а}$, например: п$^{ъ}_{а}$рáдь мне п$^{ъ}_{а}$рáдачку (Гарцево, 20), п$^{ъ}_{а}$рáдить (ib.), б$^{ъ}_{а}$гáт$^{а}_{о}$му (ib., 48), д$^{о}_{а}$чкá (ib., 57), б$^{о}_{а}$гáта (Ильбово, 97) и некоторые друг. Встречаются они преимущественно в песнях.

Записи Е. Якушкина вообще неудовлетворительны: в них преобладают орфографические написания, тем не менее имеются в них указания на характер аканья: неударяемое *о* и *а* первого предударного слога передается чрез *а*, а относительно других слогов он говорит: «*молодáя* я не умею написать совершенно так, как произносится: *молодáя* произносится почти как *мыладáя*». Встречаются у него примеры с *ы* в тех же предударных и заударных слогах: гылубóв, мыладé, кынапéль, над гóрадым рядом со случаями отсутствия такой замены: залатáя, наварю́, паядíм, паляни́ца и т. д.

Передача аканья после твердых согласных в записях Н. Дорогунцева и в сказках А. Н. Афанасьева мало удовлетворительна: преобладают орфографические написания; имеется лишь несколько примеров с *а*: салдáт, тавáр, саздáв (Дорогунцев), памагáть, галавá (А. Н. Афанасьев, № 4).

В «Материалах» (т. II) П. В. Шейна аканье после твердых согласных не передано вовсе: после твердых согласных сохранено орфографическое написание. В примечании к записи сказки в деревне Чертовичи бывшего Суражского уезда находим у него указание, что «неударяемое *о* везде

произносится как *а*» (ib., стр. 416). Необходимо однако здесь отметить, что к этому замечанию П. В. Шейна, как и вообще к замечанию этнографов о произношении, следует относиться с большой осторожностью: в песне из той же деревни находим у него *хма́рычки*, несмотря на замечание его о произношении неударяемого *о*, как *а*.

Мои наблюдения над аканьем говора приблизительно совпадают с тем, что имеется в записях М. Н. Косич и отчасти в ее статье «Звуковые особенности белорусского говора Черниговской губернии». Вне всякого сомнения, следует различать говоры глухих мест от говоров сел и деревень, находящихся в постоянном сношении с городом. И те и другие после твердых согласных в положении пред слогом с ударяемым *а* имеют звук *а*.

После же мягких согласных в говорах глухих мест и пожилых людей, по моим наблюдениям, также слышится на месте *а* (*я*), *е* и совпавшего с ним *ѣ* звук *а* или звук, более близкий к переднему ряду (в записях передается он чрез *я* или иногда чрез *е*), а в говорах противоположных первым — звук *і* или близкий к нему. При взаимном общении говоров возможно проникновение звука *і* и в говоры, представляющие в этом слоге другие звуки.

Примечание. Не отрицаю здесь возможности и тех звуковых явлений, которые отмечены другими наблюдателями: записи производились ими (напр., проф. Ив. Гр. Голанов) преимущественно со слов подгородных жителей. В записях А. Д. Нечаева, как уже отмечено, значительно великорусское влияние.

Примеры аканья после мягких согласных. М. Н. К. *Мглинский уезд:* заглядáла (Росуха, 32), вяснá (ib., 35), мяшкá (ib., 77), выглядáю (ib., 81), завязáли (ib., 84), абглядáли (ib.). падрязáли (ib., 84), сустрякáў (ib., 86), па плячáх (ib., 101), ни запякáй (Бородинка, 69), сялá (ib.), падняслá (ib., 89), данеслá (ib., 100), сястрá (Горяны, 48, 72), ни лятáй (хут. Александр., 90), сястрá (ib., 75, 76), ни ляжáць (Яблонка, 29), пяскáмы (ib.), ня скáжа (Нов. Ивайтенки, 64) и т. д.

Стародубский уезд: замяшáю (Лупеки, 44), пяклá (Невзорово, 90), янá (ib., 104), лятáй (ib.), сястрá (Гарцево, 30), зьвязлá (ib.), вяснá (ib., 37), паляглá (Новоселки, 26), ни лятáй (ib., 49), гарявáць (Платково, 81), гарявáла (ib.), либядзя́тамы (Выстрик, 44), уяднáю (Погар, 109), яднáла (ib.), ни ўяднáла (ib.) дяржáла (ib.) и т. д.

Новозыбковский уезд: са слязáмы (Манюки, 83, 91), сястрá (ib., 91),

прыбяжáли (ib., 92) и т. д., с другой стороны — случаи со звуком, передаваемым буквами *е* и *і*.

Мглинский уезд: венцá (Росуха, 22), ни рáда (ib., 32), нехáй (ib., 34), лижáла (ib., 63), зимля́ (ib., 77), земля́ (ib.), звизáли (ib., 84), литáў (Водвинка, 34), грихá (ib., 62), палетáй (ib., 98), видрá (Бородинка, 102), вылетáў (Жуково, 75), систрá (ib., 76), немá (Шапочка, 64), сем'я́ (ib.), нехáй (ib., 71), немá (Кожемяки, 83).

Стародубский уезд: ваевáци (Лупеки, 27), хлибáли (ib.), енá (Невзорово, 104), немá (Гарцево, 39), павевáе и павивáе (ib., 42), литáла (Човпня, 66), енá (Гриденки, 53), пралежáла (Далматово, 43), нехáй (Лужки, 52), пичáль (Погар, 109), зимля́ (ib., 110), заспевáя (ib.).

Новозыбковский уезд: нехáй (Манюки, 22), немá (ib., 83).

Суражский уезд: летя́ть (Клинцы, 103).

Примечание. Случаи с *е* могут быть приняты лицом, не знакомым непосредственно с говором, за орфографическое написание, но буква *е*, по моим наблюдениям, передает здесь звук, о котором было уже сказано. Такое произношение весьма распространено в говоре.

В записях А. Д. Нечаева после мягких согласных чаще встречается *і*, но нередки также и случаи с *а*, например: нихáй (Гарцево, 23), зимля́ (ib., 34), диржáть (ib., 44), бидá (ib., 50), дримáла (Абаринки, 64), литáла (ib.), занитá (ib., 82), визáть (Ильбово, 111), нихáй (Семешково, 118) и т. д. и с другой стороны — ня я́года (Гарцево, 21), сястрá (ib., 23), змя́й (ib., 32), сялá (ib., 52), дявчáты (ib., 40), принялá (Абаринки, 80), нибся́ (ib., 91), сястрá (Ильбово, 105), привязáў (Ильбово, 102), вязáла (ib., 111), змя́й (Семешково, 117), привязаў (ib.) и т. д.

Встречается у него и передача неударяемого гласного первого предударного слога после мягких согласных чрез *͡*: с͡ичáс (96).

В сказках А. Н. Афанасьева: принясла́, ляглá, лятя́ть (№ 4), сястрá, вянчáцца, привялá (№ 6), сястрá, сястрáм, утякáть, привялá, утякая́ (№ 14), ляжáв, патяклá (№ 30), сястрá (№ 31) и т. д.

Примеры с *е* в этих записях в значительной части представляют, повидимому, орфографическое написание или имеют то же значение, какое указано для записей М. Н. Косич.

В записях Н. Дорогунцева: ваявáли, паўдзися́тка, немá.

В «Материалах» П. В. Шейна (т. II) преобладает орфографическое написание, но есть и случаи сильного яканья: тяплá, нямá, клявáв (№ 77), ня знáв (№ 84), вядрá, ўзялá (№ 231) и т. д.

Пред другими ударяемыми гласными на месте тех же предударных гласных после твердых и мягких согласных в записях М. Н. Косич и А. Д. Нечаева встречается *а*.

Примеры. М. Н. К., *Мглинский уезд:* хадзи́ла (Росуха, 15), баги́ (ib., 16), даро́жку (ib., 16), старану́ (ib., 17), на стале́ (ib., 20), баю́ся (ib., 63), либядо́ю (ib., 17), бяре́ (ib.), сярдзи́т (ib., 49), свякру́ха (ib., 63), баю́ся (ib.), панясу́ (ib., 96), зялёная (ib., 38), дзяци́нка (ib., 17), бяжы́ць (ib., 20), стря́лцы (ib., 97), адзи́н (Горяны, 48, 15), Пятро́ўна (ib., 48), сястро́й (ib.), бяду́ (ib., 68), бяду́ю (ib.), бали́ць (Жуково, 65), цярпе́ць (ib., 71), палячу́ (ib., 72), сястру́ (ib., 74), падзяржы́ (Водвинка, 33), вярну́ся (Бородинка, 34), нядзе́ли (ib., 35), вяли́ць (ib., 53), ляци́ (хут. Александровка, 88), вицяро́чык (Кожемяки, 66), няро́дная (ib.), бягу́ць (ib., 72), нясу́ць (ib.), няве́стачку (Шапочка, 63), вяли́ка (ib., 64), зялёная (ib , 71), (вяду́ць (ib.), бялю́синька (ib., 98), старо́начка (Мглин, 112), сястры́ца ib., 112) и т. д.

Стародубский уезд: нясе́ (Лупеки, 23), цяпе́рь (ib.), бяли́ла (ib.), вяно́чка (ib., 25), на ряце́ (ib., 31), вярбо́вая (Гарцево, 30), у вянку́ (ib., 39), салаве́й (Анушино, 51), у вяли́кам (ib., 46), лянок (Невзорово, 46), дзяржы́сь (ib.), сяджу́ (ib., 88), сястре́ (ib., 101), сяло́ (Новоселки, 49), у сваём сяле́ (Жигалки, 36), вяду́цца (Бороздн., 105), зязю́личка (Човпня, 17), дзяўчо́начка (ib.), сястру́ (Лыщичи, 44), либядзи́ная (Выстриков, 44), ящё (Гриденки, 52), павяу́ся (Новоселки, 26), зялёнага (Михайловск, 105), патоптан (Погар, 107), пасте́льку (ib.), на нибясы́ (ib., 108), ни вярну́ся (ib., 111) и т. д.

Новозыбковский уезд: даляко́ (Манюки, 52), вясну́ (ib.), ляжы́ць (ib., 83), тясо́вый (ib., 90), сляд́ок (ib., 92).

Суражский уезд: звисяли́ш (Клинцы, 103), зямле́ (ib.), ва зялёный (ib.), ящё (Красновичи, 88) и т. д.

Примечание. В ответе на кратк. Академ. програм. № 292а имеются указания на произношение неударяемого *е* и *а* после мягких согласных в Клинцах бывш. Суражского уезда; приведены следующие случаи: бирёза, чисы́, Ифи́мовна, приниси́. Произношение это свойственно великоруссам старообрядцам и посадов Стародубского уезда.

В записях А. Д. Нечаева: бярёза (Гарцево, 17), дяти́начка (ib., 19), зязю́ля (ib., 21), вяпко́ў (ib.), лятели (ib.), бяли́ла (ib., 23), набялю́сь (ib., 31), тясо́вы (ib., 40), на бирягу́ (ib., 59), прибяре́цца (Абаринки, 65), лятели (ib., 68), бядо́вая (ib., 70), на ряце́ (ib., 71), няве́статцы (Ильбово, 97), вярни́ся (ib.), тяпе́рь (ib., 99), вяли́кая (ib.), палячу́ (ib., 107) и т. д.

Примечание. Тут же у него и несвойственные говору, вызванные великорусским влиянием: паринёк (Гарцево, 46), либёдушка (ib., 48), тисо́ва (Абаринки, 103).

В записях Н. Дорогунцева: ляжы́ць (стр. 6), кисялю́ (стр. 9), ящё (ib.), ня чу́тна (ib.), ня ро́бя (стр. 12) и т. д.

В сказках А. Н. Афанасьева: принясе́, вячёрять, сяло́, вялела, лятить, тякло́ (№ 4), лягли́, яго́ (№ 6) и т. д.

То же и в «Материалах . . .» (т. II) П. В. Шейна, в тех случаях, где автор записи не следует орфографии: у тябе́, у мяне́, к яму́, ящё, яму́ (№ 231) и т. д.

Примеры на яканье в других источниках приведены выше.

На месте тех же неударяемых гласных в положении их после шипящих и *ц* говор представляет *а*.

Примеры. М. Н. Косич, *Мглинский уезд:* чаля́дачка (Бородинка, 34), жана́ (ib., 39), жану́ (Росуха, 62, 75, 79, 91), чаго́ (ib., 79), щаку́ (ib.), щадру́ю (ib., 96), пшани́цу (ib., 99), па щака́х (ib., 101), часну́ю (Водвинка, 20), пацалу́ю (ib., 98), жардзи́ну (Бородинка, 40), пшани́чаньки (ib., 53), ни жани́ся (ib., 89), чаму́ (хут. Александр., 18), пшани́цы (Жуково, 100), жани́уся (Кожемяки, 98), жани́цися (ib.).

Стародубский уезд: чаты́ри (Невзорово, 90), жани́уся (ib., 101), цапо́чки (Михайловск., 104), часы́ (ib.).

У А. Д. Нечаева: чаго́ (Гарцево, 30), часа́ть (ib.), жани́ла (ib., 33), жана́ (ib.), жаны́ (ib., 59), на часи́ну (Абаринки, 66), шаўко́вым (ib.) и т. д.

В песне из дер. Чертовичи бывш. Суражского уезда (П. В. Ш. «Материалы», т. II, 178—179): жалу́дки, жана́, чарка́шаница.

Немного примеров есть у Н. Дорогунцева и в сказках А. Н. Афанасьева.

В ответе на Академ. в.-р. програм. № 269: жани́всь, цале́й, цана́, ацани́ть, царко́вный, пашаве́ливай (§ 43).

То же и в ответах на белорусск. програм. № 221: щака́, цана́, щарба́, шаво́ле, шарстя́ный, на шасту́, чапля́ць, щано́к, щапо́тка, чарни́ца, часно́к, часа́ць, чарвя́к, чаты́ри, жала́ць и т. д. (§ 14).

В ответе на Акад. в.-рус. програм. № 282: жара́, жана́ (§ 26), чаго́, часы́, чарты (чёрти) (§ 39), цана́, ацани́ть, царько́вный, жани́х, у шастёх (§ 43).

То же в ответе на белорусск. програм. № 6: жани́цца, чатырё́х, царко́вный, жани́дьба, жала́ю, чарни́ла, шарша́вый и т. д. (§ 14).

В ответе на программу Моск. Диалектолог. Комиссии № 91: царя́, цалу́ю, цапа́мы, цапо́чка, у цапя́х, цани́ть, цале́й, жалу́дак, жару́, шага́ть, учара́сь, пачарпну́ть, жале́ть, шали́ть, щасли́вый, щами́ть и т. д.

В ответах на программу И. М. Г. и Л. Г. С. приведены те же примеры.

В статье М. В. У.: царя́, жана́, цалава́ть, шага́ть.

С этими данными вполне совпадаютъ и мои наблюдения.

б) Другие предударные слоги.

Звуки *о* и *а* после твердых согласных во втором и прочих предударных слогах в положении пред гласными переднего, среднего и заднего ряда в значительной части говора совпали в одном звуке *а*, слабо редуцированном.

Примеры. М. Н. К.: прададзи́м (Росуха, 38), панясу́ (Нов. Ивайтенки, 64), саяны́ (Водвинка, 14), маладу́ю (Лупеки, 16), маладо́му (ib., 51), к маяму́ (Невзорово, 104), парася́цины (Горяны, 31), пратапчу́ (Жигалки, 36), правади́ла (Михайловск, 104) и т. д.

Примечание. Случаи с *о* преимущественно в предлогах-приставках представляют недосмотры: 1) лично мне не приходилось замечать в живом произношении в подобных случаях *о;* 2) ответ на Акад. б.-рус. програм. № 221, данный М. Н. Косич, содержит слова, сложные с предлогами, в которых на месте *о* находим *а:* па двару́, палажы́ў, памаладзе́ла.

В данном случае приставки и отрицания примыкают к следующему за ними слову и разделяют судьбу других предударных слогов.

Несколько иначе обстоит дело с предлогами *с* и *к* в положении их пред согласным следующего слова. В записях М. Н. Косич и А. Д. Нечаева встречаем *сы* и *кы:* сы кру[illegible]ы́я гары (М. Н. К., 100), сы ве́чара (ib., 69), кы бе́режку (ib., 72), сы галу́бкаю (ib., 100); сы по́ля (ib., 64), сы ве́чара (ib., 65), сы паўно́чы (ib.), сы таскі́ (ib., 81), сыкати́ўся (А. Д. Н., 37), сы бе́лага (ib., 43), сы бурла́кам (ib., 48) и т. д.

Объяснение этого явления см. у Л. Л. Васильева в статье «К характеристике сильно акающих говоров».[1]

[1] «Русский Филологический Вестник», 1907 г., № 4, стр. 241—262.

В записях А. Д. Нечаева находим: маладо́му (Гарцево, 17), сабира́ть (ib., 20), залаты́я (ib., 24), падиви́ся (ib., 37), накати́ли (ib., 59), панима́ю (Абаринки, 69), гаварю́ (ib.) и т. д.

Примечание. Здесь же находим несколько случаев с *ы* на месте безударного *о* в приставке: сыўздыха́ньня (30), сыско́ча (61), сыкрушы́ла (109) и т. д.

В ответе Л. Г. С. отмечено, что второй и третий предударные слоги произносятся «менее отчетливо», но «походят более на *а*». На письме этот звук передается буквой *а:* барада́, палажи́ть, паскаре́й, парубі́ть, затпря́ть и т. д.

В ответ Ив. М. Г. даны примеры: гаради́ть, галава́.

М. В. У. отметил в таком положении редуцированный звук.

В говорах Трубчевского уезда ответ на Акад. белорус. програм. № 6 отмечает *а:* намачи́лися, галава́, зарабо́талися и т. д.

В ответе на Акад. великорусск. програм. № 282 из того же уезда говори́тся (§ 27), что «в слогах пред ударением, но не соседних с ним *о* и *а* совпали в одном звуке *а* с оттенком *ы* (очень слабым): $п^{ы}_{а}$лячу́, $п^{ы}_{а}$нясу́, $п^{ы}_{а}$рубі́ть, $п^{ы}_{а}$грябо́к, $в^{ы}_{а}$ласа́, $б^{ы}_{а}$рада́, $м^{ы}_{а}$лацца́, $б^{ы}_{а}$гача́» и т. д.

То же, повидимому, отмечает и Е. Якушкин в говоре г. Погара в примерах: мылада́я, мыладо́е, кынапе́ль, мыладо́й, гылубо́в рядом с — залата́я, караго́д и т. д.

Лично мне не приходилось слышать такого произношения в говоре города Погара.

Звуки *е*, совпавший с ним *ѣ* и *а* после мягких согласных звуков в тех же предударных слогах в городах и селах с сильным городским влиянием, независимо от следующего за ними гласного, изменяются в *і;* в селах же со слабым влиянием города, а тем более в говоре пожилых людей, преимущественно старух, приходилось отмечать те же лишь слабо редуцированные звуки, что и в первом предударном слоге, с тем лишь отличием, что в положении *е* и *а* пред слогом с *а* слышится звук ближе к переднему ряду (в записях, повидимому, передается он чрез *я* и *е*); иногда слышится звук, более близкий к *і*. В записях А. Д. Нечаева он передается чрез $^{е}_{и}$ и $^{и}_{е}$: $т^{е}_{и}$рямо́чку (Гарцево, 44). После *шипящих* и *ц* и там и здесь преимущественно *а*. При взаимодействии однако тех и других говоров встречается рядом, иногда в устах одного и того же говорящего, произношение с *і* и другими только что названными звуками.

Из записей и ответов на программы звук *i* в таком положении представляют:

1) Акад. великорус. программы №№ 282 и 269: дисяти́, дивитна́дцать, сирябро́, сирида́, диряву́шка, пирипива́ть и т. д. (§ 42), но — чалаве́к, цалава́цца, жанихи́ (§ 43), 2) Акад. белорус. программа № 6: зилинава́тый, сирябро́, силязе́нька, дисяти́, сирида́, но — чатырёх, чалаве́к (§ 14) и 3) статья М. В. Ушакова. М. В. Ушаков отмечает в этом положении только *i*: диряву́шка, иравы́й, силязе́нька, дисяти́, питачо́к.

Ответ на программу Моск. Диалектол. Комиссии № 91 представляет колебание между *a* и *i*: с одной стороны — вяставо́й, яраво́й,[1] пятачо́к, плясуны́, прямико́м, ряти́вая, также чатырёх, жанихи́ и с другой — біряжо́к, типлата́, тисната́, питуха́, диряву́шка, дисяти́, бирягу́, симяры́х (§ 7).

То же находим в ответе Л. Г. С.: яравы́й,[2] скакуны́, плясуны́, чатырёх, жанихи́ и — выставы́й, тисната́, типлата́, питачо́к, питуха́, диряву́шка, дисяти́, бирягу́, симяры́х (§ 7).

Ответ Ив. М. Г. представляет меньше примеров, тем не менее и у него имеем: пятуха́, жанихи́, чатырёх и — тисната́, питачо́к (§ 7).

Примечание. В произношении одного и того же слова колебание в ответах: с одной стороны в программе № 91: пятачо́к, а с другой у Л. Г. Самосадного и Ив. М. Гневушева — питачо́к и, наоборот, у Ив. М. Гневушева — пятуха́, а в программе № 91 и у Л. Г. Самосадного—питуха́. Подобного рода колебание приходилось отмечать в говоре одних и тех же лиц.

Записи М. Н. Косич также представляют колебание в употреблении *a*, *i* и *e* после мягких согласных в этих случаях.

Мглинский уезд: ня пяе́ (Росуха, 25), рятава́ла-б (ib., 81), ня журы́ся (ib., 84), ня быва́я (ib., 99), янара́лы (ib., 102); ня пыли́цца (Бородинка, 84), пасярядзи́ (ib., 89), ня пила́ (Яблонка, 31), ня ўрадзи́ла (Кожемяки, 83) и т. д.

Стародубский уезд: ня дзиця́тка (Лупеки, 27), ня частава́ныя (Гарцево, 19), ня прыго́жа (ib., 42), ня жури́ся[1] (Човпня, 17), лятучы́ (Платково, 81), сцялючи́ (ib.), ня ўзлюби́ла (Гриденки, 53), бярига́ (Погар, 111) и т. д.

---

[1] Слова даны в ю.-в.-р.программе с окончанием *-ой* и по недосмотру не исправлены автором ответа.

[2] Слова выписаны, а не подчеркнуты в тексте программы, как в предыдущем ответе.

Также после *шипящих* и *ц:* щабита́ци (Росуха, 79; Бородинка, 15; Михайловск, 50), чарнамо́рца (Росуха, 81), чалаве́ччы (ib., 101), щабита́ла (Лупеки, 25), чалаве́кам (Задубен., 64), чатьвиртака́ (Бороздннно, 105), с чарнагла́зай (Погар, 107; Лупеки, 44) и т. д.

С другой стороны, более многочисленны случаи с *i:* ни ступа́й (Росуха, 15), биз вирха́ (ib., 22), биз мяне́ (ib., 22), биз мае́ (ib.), биз дзяво́цкия (ib.), ни зраби́ла (ib., 29), ни вязе́ (ib., 32), биряжо́чку (ib., 49), ни гуля́ла (ib., 49), вичарко́м (ib., 77), ни пайду́ (ib., 96), ни вары́ла (ib., 102), нидаста́тки (Водвинка, 12), ни хвата́ли (Шапочка, 98), віцяро́чык (Кожемяки, 66), ни прыду́ (Жигалки, 36), ни тушыла (Погар, 109), ни ўсыпа́ла (ib.).

Несколько меньше случаев с *e*, видеть в которых сохранение орфографического написания не имею оснований: Селива́н (Бородинка, 39), Селива́нава (ib.), верьхавца́ (Росуха, 22), перс́цянёчык (ib., 51), дзеряўцо́ (хут. Александр., 18), безкаре́нная (Кожемяки, 67) и друг.

В записях А. Д. Н. то же самое: пирляти́ (Ильбово, 103), пирняси́ (ib.), пирначу́ю (ib., 105), якава́ (ib., 108), лятучы́ (ib.), стялючы́ 109), пявуны́ (ib.), ня люби́ла (ib., 112) и т. д., и — ни вяли́ки (Гарцево, 20), тижало́ (ib., 35), ни хате́лась (ib., 52), миртьвица́ (Абаринки, 76), ни жаниўся (ib., 104) и т. д.

В некоторых случаях А. Д. Н. передает неударяемый звук 2-го предударного слога чрез $\overset{\circ}{и}$ или $\overset{и}{е}$: т$^{\circ}_{и}$рямо́чку (Гарцево, 44), р$^{\circ}_{и}$тиво́я (ib., 45).

После шипящих на ряду со звуком *a* часты у него и случаи с *ы:* цалава́ў (Абаринки, 67), цалава́цца (ib., 68), чарнагла́зинькая (ib., 68), чарнабро́вага (ib., 71, 85), чарнабро́виньки (ib., 85) и — жынишо́чки (Гарцево, 54; Абаринки, 67), жынишо́чкаў (Абаринки, 68).

в) Поударные слоги.

Звуки *o* и *a* после твердых согласных совпали в поударных, в том числе в конечных закрытых и открытых слогах в одном звуке *a*, при чем это *a* является несколько редуцированным. Более сильная редукция наблюдается в слоге, непосредственно следующем за ударяемым.

Примеры. Ответ на Академич. великорусскую програм. № 269: е́таму, Хвёдару, во́ласы, варо́нами, гаро́шак, за́ мужам, слепо́га[1] (§§ 29, 32 и 33).

---

[1] Пример подчеркнут в тексте программы.

Ответ на програм. Московск. Диалект. Комиссии № 91: из гóрада, в гóради, гóрад, гóлас, вóласть, бáба, нáда, мéста, сéна и т. д.

Те же примеры и в ответе Л. Г. С.

По наблюдению М. В. У., звук на месте безударного *о* и *а* после твердых согласных переходит в редуцированный, кроме конечного открытого слога, где редукции не наблюдаются.[1]

В ответе на Акад. великорусск. программу № 282 отмечено, что «за ударением звуки *о* и *а* совпали в одном звуке — слышится *а* с оттенком *ы:* ét$^{ы}_{а}$му, Хвёд$^{ы}_{а}$ру, дéт$^{ы}_{а}$к, ýмн$^{ы}_{а}$га, Хвёд$^{ы}_{а}$р, хóл$^{ы}_{а}$д, гóл$^{ы}_{а}$с» (§ 29), но — харóшынькага (§ 30). В конечном же открытом слоге отмечено *а:* сéна, мáсла, сúла, слóва.

Записи М. Н. Косич, если исключить из них значительное количество опечаток и недосмотров, выразившихся в написании орфографического *о*, представляют везде в этих случаях написание с *а* (редукция у М. Н. Косич, разумеется, не обозначается).

Примеры. *Мглинский уезд:* Вáрачка (Росуха, 15), дзéвачки (ib., 16, 17), калúнавыя (ib., 96), стакáнчыкам (ib., 14), лáвак (ib., 17), на бéлам (ib., 22), вéрнай (ib., 29), мáткай (ib., 75, 84), сталянóга (ib., 20), сóньняйка (ib.), варанóга (ib., 34), зялёнага (ib., 49), бáцькам (Водвинка, 62), з мáткай (ib.), крáснай дзéўцы (Бородинка, 90), сирóтачка (Горяны, 15), старóга (ib.), варанóга (Жуково, 76), пушнóга (Яблонка, 31), пúжка (Шапочка, 15), дымна (Бородинка, 34), лýччага (Мглин, 112), сухóга (ib.) и т. д.

Стародубский уезд: па сúняму (Невзорово, 85), пиряпёлачки (Гарцево, 39), сьпéлага (Бороздинино, 105), плáкала (Михайловск, 104), дзéвачки (Лупеки, 27), лúсьцяйкам (Човпня, 17), гóрячка (Гриденки, 52), на Рамáнавай (ib., 53), прабяжáла (Далматово, 43), стáда (Выстриков, 44), у вóйська (Погар, 108), мúлага (ib., 109) и т. д.

Суражский уезд: запрапáла (Клинцы, 103), дéвачки (ib.), гавóрачка (ib.).

Новозыбковский уезд: у наслéдства (Манюки, 91), залатóга (ib., 92).

То же и у А. Д. Н.

Примеры: Вéрачки (Гарцево, 19), бóрам (ib.), вéтачка (ib., 21), крáсачки (ib.), дявчóначка (ib., 53), сталянóга (ib., 19), варанóга (ib.), жыта (ib., 29), мúлага (ib., 30), далёка (Абаринки, 62), высóка (ib.), варанóга (Ильбово, 101), тёмнага (ib., 110) и т. д.

Примечание. Те же, что и у М. Н. К., недосмотры — написания с *о*, наприм.: вéтриво (Гарцево, 22), бóгово (ib.), пéрьрячк

[1] Примеры, в виду их фонетической записи, по указанной в предисловии причине опускаю.

(ib., 64), жыто (ib., 66), ягода (ib., 21), и т. д. Правда, их значительно меньше, чем у М. Н. К. Видеть в них живое произношение не имею оснований: 1) мне нигде не приходилось слышать произношение с *о*; 2) в других источниках отсутствуют указания на подобное произношение и 3) эти случаи сходны с аналогичными у М. Н. К. и стоят в противоречии с ее замечаниями о судьбе безударного *о*.

У А. Д. Н. в нескольких случаях встречается $^{о}_{а}$ и $^{а}_{о}$ на месте неударяемого *о:* вы́б$^{о}_{а}$р (Гарцево, 19), пóм$^{а}_{о}$ч (ib., 20), сúльв$^{а}_{о}$ (ib., 21), жы́т$^{а}_{о}$ паспивáя (ib., 30), я́снаг$^{а}_{о}$ (ib., 31), крáснаг$^{а}_{о}$ (ib.), на кáжн$^{о}_{а}$м (Абаринки, 95), дрýг$^{о}_{а}$м (ib., 110), жы́т$^{о}_{а}$ (ib., 65), мáкаваг$^{а}_{о}$ (Ильбово, 101), сúняг$^{а}_{о}$ (ib.) и т. д.

Звуки *е (ѣ)* и *а* после *мягких согласных* в тех же слогах переходят в *і* или очень закрытое *е*, реже в *а* или несколько чаще в звук, более близкий к переднему ряду. Различие здесь между говорами вызвано той же причиной, что и в предударных слогах. Так же, как и в предударных слогах, в одном и том же говоре и более того, в говоре одного и того же лица, в силу указанных выше причин, наблюдается произношение с теми и другими звуками. В конечных открытых слогах слышится *а* (я) или звук, близкий к переднему ряду.

Звук *і* в этих слогах представляют следующие источники:

1) Акад. вел.-рус. програм. № 282: вóзира, сéмира, вы́мила, дéвиря, вóсиньню (§ 44), мáминька, гóлинькая, рýдинькая (§ 48), пáлиц, кры́ллив, пóгриб, капéик, вы́лиз, в мéсиц, плóхиник, зáиц, я́стриб (§ 45), óсинь, дéвирь, кáминь, дýринь, лéбидь, кóринь (§ 46), но в конечном открытом слоге *а:* нясúтя, вядúтя, хадúтя, трóя, бýдя, тяпéря (§ 47);

2) приблизительно те же примеры подчеркнуты и в Акад. великорус. программе № 269, лишь вопрос о конечных открытых неударяемых слогах (§ 47) оставлен без ответа; на ряду с этим находим здесь — капéяк (§ 45);

3) Академ. белорус. програм. № 6: вóсинь, вóзира, мúлинький (§ 14), увúдив, увúдили, заржáвили, абязýмили (§ 20). Примеров на изменение этих звуков в других слогах в ответе нет

и 4) в наблюдениях М. В. У.: вóзира, пóгриба, вóсиньню, на прúпичку, з Дýний. Примеров на изменение звуков в конечных открытых слогах у него нет.

Ответ на програм. Московск. Диалек. Комис. № 91 также представляет в этих слогах *i:* вóзира, вéтир, грíвин, капéик, ястриб, вíдив, вы́лиз, пáлиц, зáиц, кóринь, дéвирь, вы́пчй, кóний, но также здесь приведены — з Дýняй, бáрыняй, вы́нясу, вы́вяди (§ 8).

Примечание. Наличность в последних примерах *а* (я), полагаю, вызвана влиянием форм именительного падежа един. числа, а в других аналогией с формами глаголов — вясý, вязý, имеющих предударное *а* (я).

В конечном открытом слоге *а* (я): дáйтя, идíтя, двóя, бýдя, хóдя, éдя, но крестьяни (§ 8).

Примечание. Относительно последнего примера надо так же, как и в предыдущих случаях, указать влияние грамматической аналогии, влияние форм именительного падежа множественного числа других имен мужеского рода.

То же и в ответе Л. Гр. С.: вóзира, пóгриба, вíдила, сéила, дéнижки, вóсинью, дéниг, вéтир, вíдиў, вы́лиз, бáчыў, пáлиц, зáиц, вóсинь, вы́нису, но — з бáриняй.

В открытом конечном слоге *а* (я): у пóля (§ 8).

В ответе на Академ. белорус. програм. № 221 *а* (я) или *е*, т.-е. звук, более близкий к переднему ряду, передаваемый здесь буквой *е*: сíняга, дзéрява, вóсянь, вóзера (§ 14).

То же и в конечном открытом слоге «в более удаленных от городов селах»: напóйця, ни гаманíця, зялёная, сякíця, лянíвая, хóдзя, бýдзя, лю́бя и в других местах — хóдзе, бýдзе, лю́бе.

В записях М. Н. Косич, кроме конечных открытых слогов, колебание между написанием *а* (я), *е* и *i*.

По моим наблюдениям, они соответствуют: 1) звуку заднего ряда, 2) звуку, более близкому к переднему ряду того же горизонтального направления, 3) звуку *i* и 4) очень закрытому *е*.

Примеры. М. Н. К. *Мглинский уезд:* зóрячки (Росуха, 16), сóньняйка (ib., 20), рýчачки (ib., 22), Дýнячку (ib.), пéсян (ib., 25), вéцяр (ib., 49), люлячки (ib., 63), нищáсцяйка (ib., 75), пéрсцян (ib., 96), Ивáнечка (ib., 20), пя́цера (ib., 35), дзéверяву (ib., 79), ня́нички (ib., 63), бýен (ib., 49), вéцяр (ib.), кóринь (ib., 70), пáрэнь (ib., 91), рóдниынький (Водвинка, 14), рóдненький (ib., 20), парáдачак (ib., 34), па сéнячкам (ib., 33), бабýсячки (ib.), пасьцéлячку (ib.), зязю́личка (ib., 97), варóцячки (Бородинка, 34),

вячéрний (ib., 69), вéцяр (ib., 87), пáрынь (ib., 102), сéнячки (Горяны, 15), дрóбин (ib., 68) и дрóбен (ib.), пéсян (хут. Александр., 18), пéсянку (ib., 88). зéлян (Жуково, 72), рóдненький (ib., 75), у Кíяви (Шапочка, 65), Вáнячку (ib.), пéсянки (Новые Ивайтенки, 64), тéлячка (Мглин, 112).

Стародубский уезд: вы́нясла (Гарцево, 37), вéгачак (ib., 39), дýмачак (ib.), пéсянки (ib., 41), вéцяр (ib., 42), вóзяра (Лупеки, 26), прíпячку (ib., 27), рéдзячку (ib., 31) дзéниг (ib., 102), мáцер (ib., 23), маямý (Невзорово, 104), палячý (ib.), за гáем (ib., 72), нагáячки (Човпня, 17), татýсячки (Жигалки, 36), мéсячка (Верканька, 43), рóдненький (Анушино, 46), касáциньккий (Семешково, 14), цéряма (ib., 18), гóрячка (Гриденки, 52), вóзяра (ib.), вóзера (Выстриков, 42), зóрячки (Михайловск, 50), Васíльлявича (Погар, 108), вéсял (ib.), я́сен (ib.), бéряжка (ib., 109), кáминь (ib., 110), пéсянку (ib., 111) и т. д.

Суражский уезд: пасцéлячки (Красновичи, 88), мáцяри (ib.).

Новозыбковский уезд: пéсянки (Манюки, 83), вóлячки (ib.), лíсцяйка (ib., 91), хазя́ечки (ib., 92).

В записях А. Д. Н. на ряду с теми же обозначениями, что и у М. Н. К., встречаем в тех же слогах $^{и}_{е}$, $^{е}_{и}$ и $^{я}_{е}$. Первые, повидимому (говорю, основываясь на своих наблюдениях), обозначают очень закрытое *е*, на слух склонное к *i*, а последнее — звук, более близкий к гласному переднего ряда нижнего подъема.

Примеры: на вы́ляти (Гарцево, 20), на вы́язди (ib.), салавéячку (ib.), Ляксéячка (ib., 28), Андрéячка (ib., 29), мíл$^{и}_{е}$ньки (ib., 37), бýд$^{и}_{е}$тя (ib., 38), дéвять (ib., 43), пéсянки (ib., 44), ня вíдяли (ib., 45), вéтяр (ib., 46), зóрячка (ib., 47), вы́лязли (ib., 60), пáринь (ib., 46), бáр$^{е}_{и}$н (ib., 53), бáр$^{е}_{и}$на (ib.), бýд$^{и}_{е}$м (ib., 19), пóйд$^{и}_{е}$м (ib., 30), стáн$^{и}_{е}$м (ib.), злóди$^{и}_{е}$м (ib., 39), тéрям (ib., 44), вы́ля$^{я}_{е}$ (ib., 57), нядéлячку (Абаринки, 62), Ивáнячкин (ib.), кóничак (ib., 63), вéтяр (ib., 68, 89), пáринь (ib.), чóв$^{и}_{е}$н (ib., 71), у жы́тячку (ib., 76), кóринь (ib., 71), гá$^{е}_{и}$м (ib., 80), сéмячка (ib., 81), татýсячка (ib., 89), вы́крясать (ib., 95), да пóиса (ib., 63) и да поя́са (ib., 84), мéсяцы (ib., 70), змяя́ (Ильбово, 97), папарвíтяся (ib., 102), вы́кляваю (ib., 106), дя́дячка (ib., 110), лíстяйка (ib., 112), вы́яхали (ib., 113), Ляксéячка (Семешково, 113), Вýлячка (Ульяна) (ib., 114), вéпячки (ib.).

В конечном открытом слоге слышится *а* (я) или звук ближе к переднему ряду, передаваемый в записях М. Н. Косич чрез *е*.

Примеры. *Мглинский уезд:* хадзíця (Росуха, 17), пóля (ib., 38), лю́бя (Водвинка, 12), дарагóя (ib., 14), седлáе (ib., 20), дáйця (ib., 54), трóя

(Бородинка, 34), смо́тря (Горяны, 48), куса́е (Яблонка, 25), глыта́е (ib.) и т. д.

Стародубский уезд: бу́дзя (Лупеки, 27), бу́дзе (ib., 48), друго́я (ib., 51), дава́йця (Гарцево, 41), у по́ля (ib.), жы́та ядрёная (Човпня, 66), прыдзя (Платково, 81), ста́да либядзи́ная (ib., 44), ня ро́дзя (Михайловск, 60), жу́ря (ib., 76), по́ля (Погар, 108), угада́я (ib.), жо́ўтые пясо́чки (ib., 110), слу́хайтя (ib., 111) и т. д.

В записях А. Д. Н. в конечных открытых слогах безударный звук также обозначается буквами *я* и *е;* лишь в единичном случае встречается ъ: лида́ч (Гарцево, 58).

Примеры: варо́тя (Гарцево, 30), у чы́стая по́ля (ib., 38), памага́е (ib., 30), не́йдя (Абаринки, 69), бяри́тя (Семешково, 114).

Ѣ.

Звук *ѣ*, как уже отмечено, совпал со звуком *е* и разделяет его судьбу в предударных и заударных слогах, кроме конечного открытого в падежных формах и некоторых других словах. В конечном открытом слоге в падежных формах и некоторых других словах на месте старого *ѣ* встречается *і* или после отвердевших согласных *ы*.

Примеры. М. Н. К., *Мглинский уезд:* па ву́лицы (Росуха, 17), у на́шам карава́и (ib., 17), у ка́мбраццы (ib., 49), на по́ли (ib., 63), на не́би (Водвинка, 20), на кали́ни (ib., 98), на мо́ры (Бородинка, 69), у гаро́дзи (Горяны, 15), на шо́ўкавай сцёжачки (Яблонка, 22) и т. д.

Стародубский уезд: у рэ́чачки (Невзорово, 50), у наббры (ib., 72), на се́рцы (ib., 76), у по́ли (Гарцево, 86), у карма́ни (Борозднино, 105), у святли́цы (Човпня, 17), у по́ли (Жигалки, 66), у го́радзи (Анушино, 46), на мали́ни (ib., 51), у по́ли (Погар, 107) и т. д.

Суражский уезд: у све́ти (Клинцы, 103).

Новозыбковский уезд: у по́ли (Манюки, 22).

В записях А. Д. Н.: у даро́зи (Гарцево, 20), у по́ли (ib., 23), на мо́ри (ib., 24), ў го́ради Расто́ви (ib., 34), у по́ли (Абаринки, 62), мне сира́тинцы (ib., 64), на чужо́й рабо́ти (Ильбово, 105), ни ў до́ми (Семешково, 115) и т. д.

В сказках А. Н. Афанасьева преобладает орфографическое написание, лишь в немногих случаях также находим *і*, например: у ха́ти (№ 6).

То же и у Н. Дорогунцева, наприм.: слу́жби и в «Материалах» (т. II) П. В. Шейна: ў ко́мнаци (162), на даро́зи (417) и др.

В ответе на Академич. великорус. програм. № 282 также находим: на паро́зи, в кало́дизи (§ 44), на рабо́ти, на база́ри, в гаро́ди, в астро́зи, на гаро́си, в ка́зки, а также — вме́сти и т. д. (§ 47).

Приблизительно те же примеры подчеркнуты и в ответе на программу № 269.

В ответе на Академ. белорусск. програм. № 6: у ле́си, у ро́ги, у ха́ти, у кле́ти (§ 18).

В ответе на Академ. белор. прогр. № 221: у ле́си, у ро́ци, у ю́бцы и т. д. (§ 18).

В ответе на програм. Моск. Диал. Ком. № 91: у по́ли, на даро́зи, в рабо́ти, у ха́ти, на база́ри, а также — вме́сти (§ 8).

То же и в ответе Л. Г. Самосадного.

Примечание. Иногда *ы* встречается и под ударением в положении после *шипящих, ц* и *р:* на нажы́, у бары́ (в бору), на канцы́ (на конце).

Переход звука *е* в *о*.

Звук *е* переходит в *о* под ударением в положении пред следующим исконно твердым согласным и в конечном открытом слоге; пред согласными, отвердевшими позднее *(шипящими, ц* и *р)*, этого перехода не бывает, кроме случаев, вызванных грамматической аналогией.

Примеры. М. Н. К.: дзяре́ш (Шапочка, 64), ни дае́ш (Лупеки, 27), шле́ш (ib.), цвяце́ш (ib., 72), ни куе́ш (ib., 80), це́ща (Невзорово, 90), це́щухна (ib.); А. Д. Н.: те́ща (Гарцево, 28), пайде́ш (ib., 38) и т. д.

В Акад. великорус. програм. № 282: аде́жа, ляпе́шка, сте́жка и т. д.

Таковы же: дзе́шыва, сьме́рз, ме́рзнуць.

На ряду с этими ударяемое *е* под влиянием грамматических аналогий не переходит в *о* в таких словах, как: е́лка, кле́пки (хотя мне приходилось слышать и клёпки), пе́рушкам (М. Н. К., 100), пе́рушка (ib., 104), ре́брушка (Акад. великорус. програм. № 282, § 64). Отсутствие перехода *е* в *о* наблюдается и в некоторых грамматических категориях.

Кроме того, сохраняется *е* в слове *яще́* (М. Н. К., Росуха 19; Водвинка, 98; Гриденки, 52; Берновичи, 85; Красновичи, 88), а также в форме родит.-винит. падежа местоимения *она* — яе́. Наоборот, имеем *о* в слове *ужé* (М. Н. К., Росуха, 22, 48, 75, 79; Водвинка, 98; Бородинка, 89; Горяны, 25, 68; Лупеки, 27; Гриденки, 52; Михайловск, 50; Погар, 111) и в глагольных формах 2 лица множ. числа: сядзицё (М. Н. К., Жу-

ково, 74), яcьцё (ib.), дастё, (ib., Стародуб, 101), не йдитё (А. Д. Н., Абаринки, 84), ядзиньё (Попова-Гора, Н. Дорогунцев), пиценьё (ib.).

Под влиянием грамматической аналогии имеет место переход в некоторых случаях ударяемого *е* в *о* в мягких слогах: маёй, тваёй, сваёй, ёй, ёсть.

Примеры: ёсць (М. Н. К., Росуха, 18, 97; Бородинка, 16; Кожемяки, 67; Лупеки, 31; Човпня, 17; Погар, 109; Клинцы, 103); сваёй (ib., Бородинка, 35; Погар, 109); ёй (ib., Невзорово, 90; Анушино, 46; Гриденки, 53) и т. д.

В других источниках также имеются подобные примеры.

Переход ударения (весьма обычный в говоре) с флексии на основу или приставку и обратно вызывает и соответствующее изменение *е* в *о* или отсутствие его: пóйдзим (Росуха, 103), учóра (Росуха, 77; Горяны, 80) и т. д.

Примечание. В записях А. Д. Нечаева встречается значительное количество вызванных великорусским влиянием примеров с переходом *е* в *о* и пред отвердевшими позднее согласными.

Примеры: падярёш (Абаринки, 37), ни бярёш (ib.), задаёш (Ильбово, 104) и т. д. Сравни другие белорусск. говоры (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», II, в. 1, стр. 193—198).

Звуки *у* и *і*.

Неударяемые звуки *у* и *і* в начале слова иногда являются редуцированными, а после конечного гласного предыдущего слова переходят в неслоговые звуки: ʸгрóза, ʸдáча, ʸмёр, ⁱгóлка, ⁱмя и—былá ў брáта, стáлі ўчыць за Йвана, на йголку и т. д.

Об *у* и *і* неслоговых другого происхождения см. ниже.

Сочетание гласных с согласными.

Исключительно употребляются в говоре сочетания *-ры-*, *-лы-*, *-лі-* в глагольных формах, именах существительных и прилагательных, *-ыі̯-* *-іі̯-* в глагольных формах, в том числе и сложных с предлогами (атыйці падыйці) и *-ыі̯*, *-іі̯* в некоторых именах существительных (памі́і) и в окончании именит. пад. муж. рода имен прилагательных, в соответствии великорусским сочетаниям с *о* и *е*. О происхождении этих сочетаний см. у акад. А. А. Шахматова[1] и проф. Н. Н. Дурново.[2]

Примеры. М. Н. К.: грымы́ць (Манюки, 90), чарнабры́вая (Верканька, 43), глытáе (Яблонка, 25), шы́ю (Росуха, 49), пашы́ю (ib.), змы́ю (Кожемяки, 83), змы́юць (ib.), вы́пи (Росуха, 86), пи (Водвинка, 34), умы́юся (Шапочка, 98), пи (Платково, 81). Смотри в морфологии формы именит. пад. един. числа имен прилагательных мужск. рода сложного склонения.

В записях А. Д. Н.: дрыжы́ть (Гарцево, 34), дрыжáў (ib., 38), у криви́ (ib., 59), умы́юсь (ib., 31), сашы́й (ib., 43), намы́й (Абаринки, 71), умы́юся (ib.), пашы́й (Ильбово, 101), криви́ (ib., 103) и т. д.

Примечание. Тут же у него встречаются и великоруссизмы: закрóюцца (Абаринки, 76), напóй (Ильбово, 101).

В ответе на Академич. великорусск. програм. № 282 (из Трубчевского уезда): мы́ю, ры́ю, вы́й, накры́й, памы́йся, шы́ю, шшы́ла, но и великоруссизмы — бей, пей (§ 36).

Приблизительно те же слова и в ответе на Акад. великорусск. программу № 269.

В ответе на программу Моск. Диалект. Ком. № 91: кры́ю, шы́я, памы́йка, злы́й, худы́й, гáдкий, салóдкий (§§ 37 и 38).

То же и у Л. Г. Самосадного.

В ответе на Академ. белорусск. програм. № 6: шы́ю, бры́юсь, мы́юсь, но также и великоруссизмы — напéйся (§ 16), пей, лей (§ 50).

В ответе на такую же програм. № 221: шы́ю, напи́ся, бры́юсь (§ 16).

В статье М. В. У.: шы́я, мы́ю, памы́йница, крывáвый, праглынýть.

Согласные.

Звонкие согласные и звук р.

Одной из самых характерных черт Северско-белорусского говора в области согласного звука следует признать сохранение звонких шумных согласных пред глухими и в абсолютном конце слова. Явление это неизвестно

---

[1] Акад. А. А. Шахматов. «Очерк древнейшего периода истории русск. языка», § 78 и примечание 1; §§ 37, 39.

[2] Проф. Н. Н. Дурново. «Очерк истории русск. языка», §§ 132, 157, 297, 298. Сравни акад. А. А. Шахматов. «Курс истории русск. языка». 2-е литогр. изд. 1911—1912 г., ч. II, в. 1, стр. 126—127. Сравни акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. I, стр. 98 и 99.

ни великорусским говорам, ни во всем его объеме другим белорусским говорам; знает его лишь значительная часть говоров украинского языка. Мои наблюдения и имеющиеся в моем распоряжении источники с достаточной очевидностью указывают на наличность этого явления в говоре.

Прежде всего, указание на сохранение звонких шумных согласных на конце слова извлекается из ответов на 7-й вопрос кратких Академических программ, определяющий звук *г* по способу артикуляции. Программы №№ *292б*, *209а*, *209б* и *203* определенно указывают на сохранение в этом положении звонких; лишь №№ *292а* и *295а* дают несколько неясный ответ; в программе № *295б* вовсе нет ответа на поставленный вопрос.

В програм. Моск. Диал. Ком. № 91 также есть косвенные указания на сохранение звонких согласных в конце слов и пред глухими (§§ 14 и 38).

О сохранении в указанных положениях звонких определенно также говорят позднейшие наблюдатели говора: Ив. М. Г. (нож, лоб, дед, бýдка, лóжка, дарóжка), Л. Г. С. (те же приблизительно примеры), Ал. Ф. П. (те же примеры), Ан. Ф. П. и М. В. У. («Ассимиляции звонких глухим нет места в нашем говоре; также на конце слова звонкие не меняются» М. В. У.).

В ответе на великорус. программу № 269 находим: род, суд, лёд, назáд, гроб, хлеб, рог, друг и т. д. (§ 127).

Еще решительнее указывается на сохранение звонких согласных *в конце слова и пред глухими* в Акад. великорус. программе № 282: «В конце слова звуки *д*, *б*, *в*, *з*, *ж* произносятся отчетливо, а не переходят в соответствующие глухие: гроб, суд, хлеб, карóв, марóз, еж, рог, друг, стог, лоб», то же и в положении звонких пред глухими: прóбка, вóдка, салóдка и т. д.

Также и в Акад. белорус. програм. № 6: бýдка, дед, абтисáть, боб, зглáдь, лезь, ражтвó и др. (§ 43).

В записях песен и сказок также находим в данных условиях звонкие, при чем М. Н. Косич в «Звуковых особенностях белорусского говора Черниговской губернии» отмечает, что «Согласные средние звуки не переходят в соответствующие тонкие звуки, как это замечается в великорусской речи. Например, говорят

боб, но не боп,
дуб, а не дуп,
лáўка, а не лáфка,
бýдка, а не бýтка,
дзед, а не дзет» (стр. 122) и т. д.

Сохранение в указанном положении звонких шумных приходилось мне наблюдать и в посещенных мною селах в период с 1905 по 1923 год.

Некоторое отступление представляют записи А. Д. Нечаева. В примечании к записям песен он отмечает, что, по его наблюдению, согласные в абсолютном конце слова и в положении пред глухими являются не вполне звонкими: «они не столь слабы, как в великорусском наречии и не столь сильны, как в малорусском».[1] На этом основании он сближает говор в этой черте с другими говорами «белорусского наречия».

Но здесь необходимо отметить, что, не говоря уже о расхождении здесь А. Д. Н. с другими наблюдателями, говоры белорусского языка, кроме южнобелорусских, подверженных влиянию украинского языка, не знают вовсе сохранения звонких согласных пред глухими. Отдельным белорусским говорам известно это явление *лишь на конце слов*, и то в ином несколько виде. Наблюдения акад. Е. Ф. Карского, П. А. Бессонова, акад. А. А. Шахматова и проф. Ив. Г. Голанова касаются этого явления в белорусском языке. «По недостаточно ясным для меня причинам», говорит акад. Е. Ф. Карский, «белорусские согласные изглашения не столь слабы, как в великорусском или других славянских языках (кроме, конечно, малорусского и сербского); в некоторых местностях они очень близки к звучным, составляя, так сказать, средину между теми и другими».[2] Другими словами, акад. Е. Ф. Карский отмечает здесь диалектическую черту, свойственную некоторым местностям — сохранение некоторой слабой звучности звонкими шумными согласными звуками на конце слова.

То же находим и у П. А. Бессонова, который указывает, что «звонкие согласные на конце слова не переходят так решительно, как у великоруссов», в глухие «и сохраняют гораздо тверже звучную свою упругость».[3]

Акад. А. А. Шахматов, наблюдая говор Борисовского уезда Минской губернии, отмечает, что он слышал в конце слов звонкие «неполного образования», но относительно положения звонких пред глухими говорит, что «*решительно выдержан во всей Белорусской области переход звонких в глухие перед следующими глухими*».[4]

Также проф. И. Гр. Голанов в наблюдениях над говорами д. Горок Чериковского уезда и м. Рясна Чаусовского уезда бывш. Могилевской

[1] Стр. 19; сообразно с этим, А. Д. Нечаев обозначает их чрез двойное написание глухого и звонкого, наприм.: $\frac{\text{т}}{\text{д}}$, $\frac{\text{ш}}{\text{ж}}$, $\frac{\text{с}}{\text{з}}$ и т. д.

[2] «Белорусы», т. II, в. 1, стр. 354—355.

[3] «Сборник белорусских песен», стр. LXXVI.

[4] «Курс истории русск. языка». Литографиров. 2-е изд. 1911—1912 г., т. II, ч. 2, стр. 41.

губернии отмечает, что он часто слышал сохранение звонких в конце слова».[1]

В записи особенностей говора с. Акулич бывш. Орловской губернии им также отмечены «случаи сохранения звонких согласных в конце слова».[2]

Таким образом, исследователи и наблюдатели белорусского языка признают, как диалектическую его черту, *сохранение в конце слов звонких согласных* «неполного образования», как называет их акад. А. А. Шахматов, и, наоборот, отмечают повсеместный переход звонких согласных в глухие в положении их пред глухими.

Кроме того, известный автор учебников по украинскому языку О. Синявский так говорит в одном из них о звонких согласных в украинском языке в указанном положении: «Звонкость эта слабее, нежели тогда, когда они (звонкие) находятся перед звонкими согласными или перед гласными».[3]

Следовательно, в этом отношении, если принять замечание А. Д. Нечаева, нет разницы между звонкими в указанном положении в Северско-белорусском говоре и в украинском языке — говору также свойственно сохранение звонких согласных в указанных условиях.

То же наблюдается и в предлогах. Лишь некоторые предлоги с конечным *з* представляют колебание.

Случаев перехода в указанных условиях звонких согласных в глухие мне не приходилось наблюдать. Лишь слово *флаг* произносится со звуком *к* — *хлак*. Такое произношение, пожалуй, повсеместное: отмечается оно и М. В. Ушаковым. Однако *к* здесь указывает на *г* взрывное, что не свойственно, как увидим дальше, Белорусской Северщине и говорит за то, что это слово со звуком *к* заимствовано в таком виде в устной передаче от тех говоров, в которых: 1) *г* взрывное и 2) звонкие согласные переходят в глухие. На заимствование этого слова с таким произношением указывает и форма множественного числа *хлаки*.

Другая не менее характерная для говора черта — *отвердение звука р пред гласными переднего ряда*, т.-е. пред *э* и *і*; в положении же *р* пред другими гласными, а также в большинстве случаев пред согласными, кроме *j*, и на конце слова сохраняется мягкий *р*; в положении пред *j* звук *р* также отвердел. Иногда в подобном положении слышится полутвердый *р*.

Явление это свойственно говору сел и деревень и отличает Северско-белорусский говор от других говоров белорусского языка.

---

[1] «Труды Московск. Диалектол. Комис.», вып. 8, стр. 3, 5—6.

[2] «ib., вып. 3, стр. 160—161.

[3] «Короткий нарис української мови». 1918 г., стр. 15.

В городах же несколько иная картина: на месте старого мягкого *р* во всяком положении только твердый *р*, при чем пред гласными переднего ряда весьма часто слышится и мягкий *р*. Черта эта особенно сильно выступает в говоре г. Стародуба и несколько слабее в гг. Погаре, Мглине и Сураже. О говоре стародубцев существует специальное выражение, характеризующее их говор с этой стороны: «Ра́бая каро́ва па бру́ха ў гразі пае́ла хра́пкі». На ряду с этим в городских говорах нередко и обратное явление—случаи мягкого *р* вместо твердого: ря́ма, пірягі́, вірябе́й, старя́цца и т. д., т.-е. городские говоры, зная твердое *р* на месте мягкого в положении пред гласными не переднего ряда, представляют в то же время смешение твердого *р* с мягким.

Примечание. Местная интеллигенция избегает произношения с твердым *р* на месте мягкого и, обратно, с мягким на месте твердого, однако и в ее говоре можно указать несколько слов, произношение которых с твердым *р* вместо мягкого и, наоборот, явление общераспространенное, таковы: вяче́ра (ужин) вячэ́рать (у́жинать), тяпе́р, но кама́рь, камаря́, камаря́мі и т. д.

Таким образом, городские говоры представляют здесь явление весьма оригинальное, противопоставляющее их говорам сел и деревень. Причин у этого явления следует искать в жизни города в прошлом, в XVII-м и XVIII-м веке (о чем см. ниже).

При взаимоотношениях города и деревни и стремлении деревни подражать городу возможно проникновение городского произношения в деревню. Имеющиеся в источниках данные подтверждают эти наблюдения. На отсутствие твердого *р* в положении его пред гласными не переднего ряда имеются указания во всех кратких Академ. программах — №№ 292а, 292б, 295а, *209а*, *209б* и 203, кроме № 295б.

Примечание. Ответ на программу № 295б очень краток и дан лишь на несколько §§-ов; в числе их нет ответа на твердость или мягкость *р*.

Наиболее обстоятельные из этих ответов (№№ 292а, 203) содержат указание и на твердый *р* пред гласным переднего ряда (пред *і*— старык). В ответе № 292б отмечено, между прочим, что — цара́, гразь, кру́, го́ра «говорят в соседней деревне Колбовке Гомельского уезда».

В ответе Ив. М. Г. имеется указание на твердый *р* только пред гласными переднего ряда: Ары́на, бары́, ня трэ́ба, на дварэ́; в положении же *р*

пред другими гласными, наоборот, сохраняется твердый и мягкий *р*: курю́, грязь, ря́бый (§ 36). В единичном случае отмечено у него в таком положении мягкое *р* вмето тве́рдого: старяцца.

В ответе Л. Гр. С. отмечено только отсутствие *р* твердого пред гласными не переднего ряда; об отвердении *р* пред гласными переднего ряда у него нет указаний (§ 36).

В ответе на Програм. Моск. Диал. Комис. № 91 отмечено, что «*р* почти всегда произносится правильно» (§ 36), при чем данному району противополагается Борзенский уезд, где имеет место произношение: куру́, пра́мо и т. д.

У М. В. У. также отмечено твердое *р* пред гласными переднего ряда, при чем оговорено, что возможно в данном положении и *р* мягкое; случаев с мягким *р*, по словам М. В. У., однако гораздо меньше, чем с твердым. Приведе́ны у него также и случаи с мягким *р* на месте твердого пред гласными не переднего ряда — ря́мы, старя́юсь.

По наблюдениям Ал. Ф. П., звук *р* всегда тверд пред гласными *і* и *э*: бяры́, Ары́на, на дварэ́. В положении пред гласными не переднего ряда, наоборот, сохраняется мягкое *р*: грязь, царя́, рю́мка; на ряду с этим встречается и произношение: старя́юсь, р́яма, наря́.

В статье Ан. Ф. П. Новозыбковский уезд по произношению *р* разделен на две части: на западную и восточную. Первая занимает небольшую часть на западе, а также и Н. Ропск, вторая же остальную часть уезда.[1] В западной части *р* твердо во всяком положении, в восточной твердый *р* встречается только пред гласными переднего ряда: бяры́, Ары́на, рэ́чка и т. д., при чем здесь же и случаи мягкого *р* вместо твердого в положении пред гласными не переднего ряда: наря́, ря́ма, старя́юсь.

В ответе на Акад. белорусскую программу № 6 приведены примеры, указывающие на отсутствие отвердения *р* пред гласными не переднего ряда и на конце слова: царь, заря́, бу́ря, гря́ды, пря́ха, гаварю́, стярёг, уда́рю и т. д., при чем отсутствуют и примеры на мягкое *р*, вместо твердого, в положении пред гласными того же ряда (§ 35).

Примечание. Примеров на положение *р* пред гласными переднего ряда в программе нет; нет их и в ответе на нее.

Из Академ. великорусск. программы № 282 можно извлечь указание

[1] Определить эту границу хотя бы приблизительно, в виду неясности в проведении ее у Ан. Ф. Полевого и противоречия между его печатною статьей и рукописью, не представляется возможным.

на отвердение *р* только пред *і* (§§ 70 и 75) и мягкое *р* вместо твердого в некоторых случаях пред гласными не переднего ряда: старя́цца, паряскаве́рькая (расковыряет, § 146); здесь же отмечено колебание между *і* и *ы*: ры́ба и ри́ба, крыни́ца и крини́ца, ба́риня, госуда́риня (§§ 70 и 71). Вопроса и примеров на отвердение *р* пред *е* в программе нет.

Ответ на такую же программу № 269 содержит указание только на отвердение *р* пред *і* (§ 75).

В записях М. Н. Косич весьма обильно представлено отвердение *р* пред гласными переднего ряда.

Примеры. *Мглинский уезд*: гарэ́лачку (Росуха, 14), грыба́т (ib., 24), прыго́ж (ib.), рэ́чки (ib., 49), тры (ib., 63), у Турэ́ччыну, 90), хрэста́мы (ib.), па́рэнь (ib., 91), грэ́чку (ib), у дварэ́ (ib., 99), вары́ (ib., 102), вары́ла (ib.), прыпаду́ць (Водвинка, 14), грэ́чки (ib., 33), Грышачка (ib., 98), на гарэ́ (Бородинка, 15), хрэ́шчык (ib.), Андрэ́ячку (ib.), прыку́й (ib.), хрэ́ну (ib., 40), рэ́крут (ib., 84), бяры́ця (Горяны, 15), мо́крэнька (ib., 68), канарэ́йка (хут. Александр., 88), прызабы́ўся (ib.), гарэ́лачку (Жуково, 74), забары́лася (ib.), прышла́ (ib.), прышли́ (ib., 29), прыда́нячки (Яблонка, 31), дзярэ́ўнюшку (Шапочка, 65), бярэ́цца (ib.), прыбяжа́ла (ib.), рэ́чы (ib., 71), прые́хаў (Задубенье, 64), навары́ла (ib., 67), па дзярэ́ўням (Кожемяки, 83), сястры́ца (Мглин, 112), прыду́ (ib.), у тюрэ́мки (ib.), пры мне́ (ib.), также — Ма́р'ячку (Росуха, 25), Ма́р'ячка (ib.), Да́р'ячка (Човпня, 26), Ма́р'яццы (Яблонка, 27) и т. д.

Стародубский уезд: прыляце́ў (Лупеки, 23), прые́хаў (ib.), трэ́ба (ib.), гарэ́лачку (ib., 44), па́рынь (ib., 103), у рэ́чачки (Невзорово, 50), прыбо́ры (ib., 72), ни ў дзярэ́ўни (ib., 101), гарэ́лки (Гарцево, 31), пры даро́зи (ib., 42), тры (Човпня, 17), трэ́цця (ib.), сатрэ́ш (ib., 26), Андрэ́ячка (Новоселки, 26), прыме́там (ib., 50), тры дварі́ (Жигалки, 36), прыма́йця (ib., 66), пры (Верканька, 43), пасвары́лися (ib., 43), арэ́шки (Анушино, 46), прышо́ў (ib.), на зарэ́ (Платково, 81), бяры́ (ib.), ры́пнула (Семешково, 14), на дварэ́ (Гриденки, 52), Мары́я (ib., 53), архирэ́и (ib.), прыся́гу (Берновичи, 85), шу́рына (Лыщичи, 42), тры (Далматово, 43), прыслуха́йцца (Жуково, 52), рыбя́тачки (Михайловск, 60), тры (Погар, 107), рэка́ (ib.), у дварэ́ (ib., 108), па́рэнь (ib., 109), рэча́мы (ib.), пага́воры (ib., 110), сястры́цы (ib.), шу́рына (ib., 111), устрэ́чы (ib.).

Суражский уезд: рэ́чы (Клинцы, 103), загаво́рыш (ib., 103), ни паве́рыў (ib), зарэ́заў (ib.), прыко́нчыў (ib.).

Новозыбковский уезд: прыка́заваць (Манюки, 69), сястры́ца (ib., 91), тры (ib., 92), прыбяжа́ли (ib.), рэ́чки (ib., 92) и т. д.

То же находим и в записях А. Д. Нечаева: прэчы́стая (Гарцево, 19), тры (ib., 32), гарэ́лачку (ib., 23), прышбў (ib., 24), загарэ́лась (ib., 30), рэ́чаццы (ib., 31), тры (ib., 32, 44), прые́ду (ib., 33), дво́рык (ib., 52), трэ́тьтя (ib., 54), рэ́чку (ib., 55), гаварыла (ib., 57), трэ́буя (ib., 58), рэ́зать (ib., 59), брэ́ша (ib.), карэ́ту (ib., 61), зарэ́чча (Абаринки, 89), зарэ́жу (ib., 94), зарэ́заў (ib.), рыда́иш (Ильбово, 101), зарэ́цкия (ib., 110), рэ́чкаю (ib.), прые́хаў (Семешково, 114) и т. д.

Примечание. В записи из с. Семешкова встречается несколько случаев передачи звука *э* после *р* чрез ᵊ̥: арᵊ̥шника (115), *р*ᵊ̥чачка (ib.), *р*ᵊ̥чачки (ib.).

И там и здесь, т.-е. у М. Н. Косич и А. Д. Нечаева, встречается значительное количество примеров с сохранением в этих условиях мягкого *р* (приводить их не буду). В ряде этих случаев, с одной стороны, имеем дело с орфографическим написанием, а с другой — с живым произношением города, часто характеризующимся мягким *р* пред гласными переднего ряда. Выдержанное произношение с твердым *р* в таких условиях встречается сравнительно реже.

На ряду с этим записи М. Н. Косич представляют несколько случаев твердого *р* пред гласными не переднего ряда: забяро́м (Росуха, 38), вяче́рацъ (Шапочка. 64), суда́рушка (ib., 65) и суда́рушки (Михайловск, 105). Первый из этих примеров — явление не фонетического порядка: забяро́м такое же образование, как ідо́м, нясо́м, вядо́м (д. Горицы); во-вторых, произношение слова «вячэ́рацъ» (ужинать) с твердым *р* характеризует, как уже указано, городские говоры и следовательно обязано своим твердым *р* городскому влиянию. Кроме того, произношение с твердым *р* не является всеобщим: в тех же записях М. Н. Косич гораздо чаще встречается это слово с мягким *р*: вяче́ряла (Бородинка, 57), вячэ́рю (Задубенье, 64; Лупеки, 65, 103), и т. д.; наконец, слово «сударушка» с твердым *р* встречается в песнях с сильным городским влиянием в содержании: здесь фигурируют такие слова, как «у Пицянбу́рси», «па Пи́цяру», «пайду к матушцы далажуся» (65), не говоря уже о том, что это слово, несомненно, заимствованное из города; как такое заимствование, оно и в селе Михайловске произносится с твердым *р* (стр. 105).

Несколько больше случаев с твердым *р* в таком положении находим в записях А. Д. Нечаева: чырати́на (Гарцево, 21), казыра́мы (ib., 24), но тут же — казыря́ла, казыря́ть; вячэ́рати (ib., 27), ти́раз (ib., 32), но на стр. 59 и 60 — ти́ряᵊ̥; цара́ (ib., 42), пираста́ла (Абаринки, 70),

жарабёначка (ib., 77), зо́рачку (Ильбово, 111), но тут же и — зо́рячка.

То же и в сказках А. Н. Афанасьева: гаво́ра, № 14, но в № 6 — гаво́ря.

Подобного рода примеры представляют факты живого индивидуального произношения и обязаны городскому влиянию: в некоторых словах твердое *р* пред гласными не переднего ряда и пред согласными М. Н. Косич отмечает только в уездных городах и местечках («Звуковые особенности белорусского говора Черниговской губернии», стр. 113). Также и в ответе на Академ. белрусск. программу № 221 ею приводится, как характерное для стародубских «мещанок», произношение: варо́ная (варёная), пра́тать, цара́, запро́г, го́рка (го́рько), пра́жа и ряд других (§ 2) при характерном для говора деревни твердом *р* только пред *э* и *і* («Звуковые особенности»..., стр. 116, 118—119).

Мои наблюдения вполне совпадают с этими замечаниями М. Н. Косич. Мною отмечено твердое *р* пред гласными переднего ряда во всех названных выше селах и деревнях и отсутствие его, за весьма редкими случаями, пред гласными другого места образования.

Примеры: тры, гаво́рыш, у Пага́ры, но — грязь (Курово); тры, бяры́ (Лопатни); ня трэ́ба, дзярэ́вня, но — гря́зная (Песчаники); сматры́, гава́ры (Дубиновка); скарэ́й, грэ́я, стрыля́я (Овчинец); грэ́чку чаты́ры, у дварэ́, но — рябро́, царя́ (Н. Дроков); адуры́ла, рэ́чка, прые́хаў (с. Высокое); на дварэ́, ня трэ́ба, бяры́ (Нивное); на тры капе́йкі, сястры́ца, трэ́ба (хут. Рябовка); сатрэ́ш, бяры́ (Дубовка); дзярэ́ўня, гаварыла, арэ́хі (Рюхов); тры, чаты́ры, у дварэ́, бяры́, устрэ́ча, но — гря́зь, гря́бу (Рудня и Замердеевка); рэ́чку, тры (Дареевск); бяры́, нятрэ́ба (Андрейковичи); дво́рык, трэ́буя (Бугаёвка); абрэ́ж, да зары́, но — грязь, беряжко́м (Горицы); бяры́, у дварэ́ (Кистер); рысава́ў, врэ́мя, прыблізі́тельна, прые́хаў (с. Бучки, со слов К. И. Бурого; то же и в говоре крестьян), прыгаво́р, това́рышч, гаво́рытя (Михайловск) и т. д. В г. Погаре, наоборот, мною слышено: у сяро́дку, твяро́зы.

При этом необходимо отметить, что далеко не везде произношение с твердым *р* в этих условиях является вполне выдержанным. Под влиянием целого ряда причин на месте твердого *р* нередко приходится слышать мягкое; редко, например, приходилось отмечать твердое *р* в д. Кистре и, наоборот, наиболее выдержано произношение с таким *р* в сс. Бучках, Бугаевке, Дубиновке и некоторых других.

Влиянием также города вызваны и немногие случаи с мягким *р* вместо твердого в положении пред *а*.

Примеры. М. Н. К.: кватырячка (форточка, Росуха, 49), да завтряго (ib., 77, со слов 20 летн. парня; тут и несвойственное говору слово *нет*), кучаря́ (Бородинка, 100), вирябе́йку (Водвинка, 33), вирябе́й (ib., 34), за́ўтря (Кожемяки, 83).

В записях А. Д. Н.: разгаря́ицца (Гарцево, 48), ни старя́йся (Абаринки, 78).

В единичном случае встречается мягкое *р* вместо твердого пред *о*: папярёсу (Абаринки, 94), но тут же и — папяро́су.

Примечание. Слово *папярёса* почти исключительно употребляется в говоре г. Стародуба.

Подобного рода случаи не нарушают высказанного положения о судьбе мягкого *р* в деревенских говорах.

Гортанный и задненебные звуки.

Г (= h, g).

Из звуков этой группы необходимо несколько остановиться на звуке *г*. По моему определению, этот звук, за исключением немногих слов с *г* взрывным, звучит в Северско-белорусском говоре, как гортанное придыхание. Из имеющихся источников указание на такое произношение находим: 1) в записи проф. Ив. Г. Голанова,[1] 2) в статье М. В. Ушакова и 3) у М. Н. Косич. Последняя, характеризуя «звуковые особенности» говора, определяет этот звук (за исключением нескольких случаев с *г* взрывным, о чем ниже), «как французское h (аш) в слове hair — ненавидеть». Другие источники не дают определенных указаний.

Краткие Акад. программы или вовсе не содержат ответа на вопрос о звуке *г* (№ 295б), или дают неясный ответ (№ 295а, 292а), или указывают на не взрывный способ образования его. Прямого же указания на произношение его, как гортанного придыхания, в них не имеется.

Ответ на Академич. великорус. программу № 269 также содержит не совсем ясное указание: «всякое *г* всегда близко к *х*» (§ 104).

Ответ на такую же программу № 282 указывает на произношение звука *г*, как в словах: бог, госпо́дь, бо́гатый (§ 104).

Академич. белорусск. программа № 6, говоря «звук *г* произносится правильно» (§ 37), не дает ответа на вопрос.

1 «Труды Моск. Диал. Комис.», вып. 3, стр. 161—162.

В ответе Л. Гр. Самосадного и на программу Московск. Диалектол Комис. № 91 *г* определяется, как звук «несколько похожий на *х*» (§ 12).

В статье Ан. Ф. Полевого произношение звука *г* определено, как русское *г* в слове *господь*.

В статье А. В. Маркова *г* определено, как фрикативный звук.[1]

В сборниках песен и сказок, в том числе у А. Д. Нечаева, нет никаких указаний на произношение звука *г* — он обозначается обычной для этого звука буквой в русском языке.

Такая пестрота показаний источников вызывается исключительно трудностью данного вопроса и отсутствием у авторов возможности дать на него ясный и точный ответ. Лишь М. Н. Косич нашла средство выразить различие в звуках, в гортанном придыхании и звонком взрывном *г*, при помощи известного ей французского языка. То обстоятельство, что *г* взрывное, встречающееся, по ее наблюдениям, в некоторых словах (о чем ниже), сравнивается ею с французским *g* (gué), а не с русским литературным звонким взрывным *г* имеет свою причину в том факте, что *г* взрывное неизвестно местной интеллигенции; повидимому, оно не было известно в достаточной степени и М. Н. Косич. «Говорить на *г*» (т.-е. по-московски) стало входить в моду лишь в недавнее время.

На ряду с этим в некоторых случаях слышится задненебное взрывное *г*: 1) в словах, вошедших в употребление из других языков: га́нки, гвалт, гу́галь, гонт, глей, гуз, гу́зік, дзы́га. То же отмечает М. Н. Косич («Литвины-Белорусы», 122) и М. В. Ушаков; 2) в сочетании *зг*, восходящем в некоторых словах к *ск*: мозг, ро́зга, візг, вдре́безгі, лузга́ць и 3) в слове *Джу́гла* (фамилия).

Примечание. Иногда слова—візг, вдребе́згі, лузга́ць произносятся со *ск*: віск, вдре́бескі луска́ць.

В записях А. Д. Нечаева встречается слово *палузга́ли* («девки семя палузгали», стр. 81), повидимому, с *г* взрывным.

По наблюдению Ан. Ф. Полевого, наоборот, сочетание *зг* переходит в *зк*: ро́зки, мазки́ (мозги).

То же и у М. Н. Косич (Op. cit., 122).

К.

На § 12 краткой Акад. программы № 209а (с. Нижнее) дан ответ: «Ванькя, памаленькю». Затрудняюсь видеть здесь факты живого произно-

1 «Извест. отд. русск. языка и слов. Акад. Наук», т. XV, кн. 1-я, стр. 188.

шения, свойственные говору: 1) ни в одном из других источников нет никаких указаний на такое произношение и 2) мне также не приходилось слышать в этом селе в подобных условиях произношения с мягким *к* на месте старого твердого. Повидимому, здесь явление случайного характера — какое-нибудь индивидуальное произношение, не свойственное говору, вызванное побочными причинами, или результат какого-нибудь недоразумения.

Смягчение задненебных.

В положении задненебных пред рефлексом старого *ѣ* в соответствующих падежных формах задненебные смягчаются в зубные фрикативные свистящие.

Примеры такого смягчения обильно представлены прежде всего в записях М. Н. Косич и А. Д. Нечаева.

Примеры из записей М. Н. К. *Мглинский уезд:* у даро́зи Росуха (20), ба́тюшцы (ib., 74), на ла́ўцы (ib., 100), на куцé (Водвинка, 34), на даро́зи (Бородинка, 18), даро́жцы (ib., 84), старо́нцы (ib., 89), у кле́цце (хут. Александр., 88), пта́шцы (ib.), на паро́зи (Яблонка, 25), ма́тушцы (Шапочка, 65), свякру́си (Кожемяки, 67), на паро́зи (ib.) и т. д.

Стародубский уезд: на рацé (Лупеки, 22, 31), па всём лу́зи (ib., 72), пры даро́зы (Гарцево, 42) на рацé, (Михайлов., 50), па Во́лзи (Погар, 107), у даро́зи (ib., 108) и т. д.

На ряду с этим есть и случаи без смягчения задненебных в подобных условиях: па ба́цюшки (Горяны, 48), на ру́сай ко́сачки (Яблонка, 22), на шаўко́вай сцёжачки (ib.), ба́тюшки (Мглин, 112) и т. д.

Примеры из записей А. Д. Н.: при даро́зи (Гарцево, 23), на паро́зи (ib., 29), капе́йцы (ib., 51), ў гло́тцы (ib., 58), к я́мцы (ib., 61), на рацé (Абаринки, 71), ў малацé (ib.), на паро́зи (Ильбово, 105), на даро́зи (ib.), де́ўцы (ib., 108), на гало́ўцы (Семешково, 115), на назé (ib., 119) и т. д.

Несколько меньше примеров в записях Н. Дорогунцева, сказках А. Н. Афанасьева и П. В. Шейна.

Ответы на краткие Академич. программы, за отсутствием соответствующего вопроса, в большинстве случаев не содержат указаний на смягчение задненебных. Лишь в № *292а* имеется указание на смягчение: на назé, ны рацé, ны пясцé, ны паро́зи.

Указания на колебание между смягченными и несмягченными формами имеются в Академическ. великорусской программе № 269 (§§ 151 и 158), № 282 (те же §§) и № 6 (§ 91) белорусской.

М. В. Ушаков также отмечает в своей статье, что смягченные формы вытесняются несмягченными, идущими из города, и параллельно с формами — *ў Рама́наўцы, на ла́ўцы, на кале́нцы, на даро́зи, у лу́зи* встречаются такие, как: на ла́ўки, на кале́нки, на даро́ги; при этом однако он указывает, что перевес все же пока на стороне первых.

Лишь Ан. Ф. Полевым безоговорочно отмечено смягчение задненебных.[1] Однако в названных мною выше селах Новозыбковского уезда мне неоднократно встречались и несмягченные формы.

Звук j.

Звук *j* обычно слышится в ударяемом и в предударных слогах пред гласным звуком; в положении же пред согласными и в поударных слогах слышится *i* неслоговое (*i̯*). Чаще однако *j* и *i̯* чередуются между собой в зависимости от интенсивности произношения.

Зубные звуки.

В группе зубных звуков необходимо несколько остановиться на дзеканьи и цеканьи, звуках *ж, ш* и аффрикатах *ч, ц* (не из *т* мягкого) и *дж*.

Из имеющихся источников дзеканье и цеканье представлено в записях М. Н. Косич, Н. Дорогунцева и П. В. Шейна; кроме того, имеются на них указания в программе К. П. Михальчука из Мглинского уезда,[2] в Академ. великорусской программе № 269 и белорусской № 221, в програм. Московск. Диал. Комиссии № 91, частично в статье Ан. Ф. Полевого и в наблюдениях Ал. Ф. Полевой.

Примеры. М. Н. К., *Мглинский уезд:* хадзи́ла (Росуха, 15), дзе́вачки (ib., 16), сядзи́ш (ib., 17), нядзе́ли (Водвинка, 54), спиць (ib., 97), бу́дзя (Бородинка, 16), цясо́вая (ib., 35), сядзи́ць (Горяны, 48), смаро́дзины (ib., 72), сядзь (хут. Александ., 88), сядзи́м (Жуково, 65), жнуць (ib., 71), гало́дзин (Яблонка, 25), к вадзé (Шапочка, 64), у клець (ib.), гуля́ць (ib., 65), жыць (ib.), идзи́ (Задубенье, 64), буду́юць (Кожемяки, 96), дзе́вачка (ib.), дзе́так (ib., 67), па дзяра́ўням (ib., 83) и т. д.

Стародубский уезд: дзе́ўку (Лупеки, 16), ба́цька (Невзорово, 50), салда́цики (ib., 87), у цябé (Гарцево, 30), паглядзе́ць (ib., 31), лю́дзи (Човпня, 17), во́зьмуць (ib., 26), дзе́вачка (Новоселки, 19), жыць (ib., 49),

---

[1] Op. cit., 278.

[2] «Труды этнографич.-статистич. экспедиции в западно-русский край», т. VII, стр. 538.

хадзи́ла (Жигалки, 66), зя́ця (ib.), выхадзи́ла (Верканька, 43), бали́ць (ib.), у го́радзи (Анушино, 46), игра́ць (ib.), са́дзик (Платково, 81), пры́дзя (ib.), ба́чуць (ib.), кало́дзизя (Гриденки, 52), бу́дзя (Берновичи, 85), хо́чуць (ib.), раби́ць (Далматово, 42), гарява́ць (Лужки, 52), на прахо́дзи (Михайл. 76), у ку́сьци (ib., 50) и т. д.

Суражский уезд: дзе́ўка (Красновичи, 88), Таця́ну (ib.), ма́цяры (ib.).

Новозыбковский уезд: паглядзи́м (Манюки, 91), сядзи́ць (ib., 92) и т. д.

Примечание. На ряду с этим в записях из гг. Погара, Мглина и Клинцов М. Н. Косич вовсе не отмечает дзеканья.

В записях Н. Дорогунцева: идзи́, дзе́лая, пиць, закуси́ць и т. д.

В записях П. В. Шейна: да́йця, цябе́, дзицёнки, сусе́дзи[1] и т. д.

В програме К. П. Михальчука из Мглинского уезда: хадзи́в, маладзи́ца, сяче́ць и т. д.

На «не очень ясное» дзеканье указывает и Академич. великорусская програма № 269 (§ 103), характеризуя его, как «легкое дзеканье» (§ 211).

В ответе на Академич. белорусскую програму № 221: дзьве, пяць и т. д. (§ 38).

В ответе на програму Моск. Диалект. Комиссии № 91: дзе́ци, аце́ц, ци́ха и т. д.

В статье Ан. Ф. Полевого Новозыбковский уезд в отношении дзеканья разделен на две части по линии, идущей от с. Медведовки чрез Тимоновичи, Новый и Старый Ропск, Сачковичи, Климов, Митьковку, Хохловку, Рубежное, Сытую Буду, Побожеевку, Большой и Малый Кривец к Каташину. Часть, лежащая к западу от этой линии, имеет дзеканье и цеканье, при чем «меньше всего дзекают мужчины, а больше всего женщины и дети», на восток же от нее дзеканья и цеканья нет.

То однако обстоятельство, что и здесь, в восточной части уезда, встречаются старухи и старики, у которых наблюдается еще дзеканье, приводит Ан. Ф. Полевого к выводу, что «в прежнее время дзеканье было распространено по всему уезду».[2]

По наблюдениям Ал. Ф. Полевой, в с. Рыловичах дзеканье и цеканье слышится «почти у всех женщин, реже у молодых девушек и почти отсутствует у мужчин».

Неопределенный ответ дает краткая Академич. програма № 292а: «Почти не дзекают».

---

1 «Материалы для изучения быта и языка...», т. II, стр. 417.

2 Op. cit. 276.

В остальных источниках нет указаний на дзеканье и цеканье, а А. Д. Нечаев, больше того, отмечает отсутствие его не только в сс. Гарцеве, Семешкове и дд. Ильбове и Абаринках, где сделаны им записи, но и в Лупеках, Анушине, Галинске, Рахманове, Калодезках, Михайловске (Стародубского уезда), в Старом Задубенье и Бородинках (Мглинского уезда). Эти замечания относятся к современному состоянию говора, хотя А. Д. Нечаев говорит, что «местные постоянные жители, учителя единогласно утверждают, что дзеканье и цеканье в данной местности ими никогда не замечалось». Противоречие здесь с М. Н. Косич А. Д. Нечаев пытается объяснить тем, что 1) дзеканье и цеканье слышится только «в так называемом Полесье (за линией Полесской железной дороги) между лесами» и 2) что «работавшие на хуторе[1] Силевича[2] мужики и бабы из ближайших окружных сел и деревень (Гарцева, Лупек, Семешкова, Бородинок и др.) быстро усваивали местную особенность речи, т.-е. дзеканье и цеканье».[3]

Едва ли однако можно принять эти объяснения.

Прежде всего, с. Росуха, в которой А. Д. Нечаев признает дзеканье и цеканье, находится не за линией железной дороги, т.-е. не в «Полесье», по терминологии А. Д. Нечаева, куда он помещает Росуху, а пред линией в 2—3 верстах от железно-дорожной станции того же названия; там же находятся и другие, названные А. Д. Нечаевым села; кроме того, сомнительно также предположение, чтобы дзеканье и цеканье, вызывающее вообще отрицательное отношение к себе, могло быть усвоено крестьянами из соседних деревень, если бы даже они и работали на хуторе Г. М. Силевича, на что нет нигде указаний (Ср. на стр. 106 замечания М. Н. Косич об отношении местного населения к дзеканью и цеканью).

Возможно, что А. Д. Нечаев не нашел здесь ярко выраженного дзеканья и цеканья, на подобие польских dź и ć, и отказался видеть его в обычном для говора произношении этих звуков.

В значительном большинстве посещенных мною сел и деревень также мне приходилось слышать дзеканье и цеканье; в некоторых случаях, например, в с. Нивном приходилось наблюдать дзеканье и цеканье главным образом у лиц старшего поколения, преимущественно у старух. Лет 30—40 назад дзеканье и цеканье более было распространено в говоре, чем в настоящее время: влияние города и других аналогичных факторов привело к исчезновению этого явления в говоре отдельных лиц. Противопоставле-

---

1 Вблизи Росухи.

2 Г. М. Силевич — дедушка М. Н. Косич.

3 Варшавск. Университ. Известия, 1914, IX, ст. 18.

ние в данном случае города, с его не дзекающим и не цекающим произношением, говору деревни, с их дзеканьем и цеканьем, прекрасно отмечено у М. Н. Косич (Op. cit., 106).

Звуки ж и *ш* и *аффрикаты ч, дж* и *ц* (не из *т* мягкого) тверды в говоре сел и деревень. В городах же (особенно в Стародубе) и говорах, подверженных городскому влиянию, наблюдается следующее: аффрикаты *ч* и *дж* или мягки во всяком положении или представляют чередование с твердыми: (чясы́, чяго́, чі́сты(й),[1] чюжі́(й), Джю́гла, джіга́літь и Джу́гла, Манджо́савна, ча́шка, ча́му, чы́сты(й), чула́н; звуки *ж* и *ш* тверды или представляют колебание только пред гласными не заднего ряда: жір и жыр, шіла и шы́ла; звук *ц* всегда тверд; лишь пред гласными переднего ряда можно иногда слышать и мягкое *ц*. Подобное произношение встречается иногда, в силу указанных выше причин (см. выше при звуке *р*), и в деревнях.

Имеющиеся источники в значительной степени подтверждают эти наблюдения.

Примеры в записях М. Н. К. *Мглинский уезд:* бяжы́ць (Росуха, 20), кумо́чык (ib., 34), шы́ю (ib., 49), на ву́лицы (ib., 84), цапо́чык (ib., 75), саджа́ў (ib., 86), награджу́ (ib., 90), гаёчык (Водвинка, 11), пабуджа́юць (ib.), стучы́ць (ib., 33), вяно́чык (Бородинка, 15), наряджу́ (ib.), дружы́наю (ib. 58), шыро́кай (ib., 84), скажы́ (ib., 100), разлучы́ла (Жуково, 65), пагляджу́ (ib., 71), шы́тым (Шапочка, 64), чэ́ша (ib., 65), скажы́ (ib., 98), нача́ваў (ib. 98), царпе́ўшы (Кожемяки, 67), прылажы́ўшы (ib.) и т. д.

Стародубский уезд: шыро́кую (Лупеки, 44), сяджу́ (ib., 102), сажджы́ (ib., 103), шыро́кия (Жигалки, 36), хаджу́ (ib., 60), пажыла́ (Невзорово, 104), ба́чыла (ib.), скажы́ (Гарцево, 42), пасаджу́ (ib., 80), саджа́ў (ib., 86), паба́чысся (Анушино, 51), напла́чысся (ib., 46), служы́ць (Берновичи, 85), плато́чык (ib., 85), хаджу́ (Лыщичи, 42), налажы́ць (Гриденки, 53), зачыни́ла (ib.), жыву́ць (Лужки, 52), палажы́ў (Платково, 81), жыве́ш (Михайл., 76), но́чы (ib.), чы́стым (ib.), пасаджу́ (Погар, 108), абгараджу́ (ib.), ня можыш (ib., 109), дяржы́ (ib.), сыно́чык (ib., 109) и т. д.

Новозыбковский уезд: заряджа́ў (Манюки, 90), пагляджу́ (ib., 92), праслужы́ли (ib.), ноч (ib., 91).

Суражский уезд: загаво́рыш (Клинцы, 103), рэ́чы (ib.) и т. д.

Кое-где встречаются в записях М. Н. К. и примеры с мягким *ш* и *ж*. Видеть во всех их опечатки не решаюсь в виду того, что в ряде деревень в говоре молодого поколения мне приходилось слышать такое произношение на ряду с обычным для говора твердым.

[1] О написании (й) см. ниже.

В записях А. Д. Н.: пасо́джана (Гарцево, 21), ху́джы (ib., 58), шэ́льма (ib., 33), палажы́ла (ib., 24), лажы́сь (ib., 25), хо́чыш (ib., 23), вячэ́ра (ib., 27), цэ́ркав (ib., 49), жыть (Абаринки, 69), праваджа́ла (ib., 88), праваджу́ (Ильбово, 97), палажы́ли (ib., 97), шэ́льму (ib., 105), дажджавы́я (ib., 101), ня хо́чыш (ib.).

Во всех ответах на краткую Академ. программу имеются указания на твердое *ч* (о *ш*, *ж*, *ц* и *дж* в программе нет вопроса).

В ответах на Академ. великорусскую программу № 269 указано твердое произношение: шыть, шы́ло, жыр, ко́жы, чы́стый, концы́, у́лицы, цыплёнок[1] (§ 116, 117, 120).

То же и в ответе на такую же программу № 282: машы́на, жыть, пружы́на, на ву́лицы, канцы́, ку́рица, кальцо́, царь, сяджу́, саджа́ла, кручы́на, брато́чык, змо́вчыла (§ 116, 117, 120).

В ответе на такую же белорусскую программу № 6: шыть, чы́стый, жы́рный, чо́рный, цы́фры, цана́, атёц (§ 41) и т. д., но — прахажу́ся, ража́ю, вижу́ (§ 40) и т. д. с отсутствием аффрикаты *дж*.

В ответе на программу Моск. Диалект. Комиссии № 91: шыть, жыть, доч, чы́стый, канцы́, царь, (§§ 21, 22, 23).

То же и в ответе И. М. Гневушева и Л. Гр. Самосадного.

На твердость *ч* имеются указания и в наблюдениях Ал. Ф. Полевой.

Ан. Ф. Полевой также отмечает в Новозыбковском уезде твердость этих звуков.

По наблюдениям М. В. Ушакова, *ш* и *ж* всегда тверды, но *ч* «скорее мягкое, чем твердое»; *дж* также мягко: ху́джи, джига́лить; *ц* мягкое только пред гласными переднего ряда: циркун, церква.

В записях проф. Ив. Гр. Голанова отмечено *ч* твердое; относительно других звуков у него нет указаний.

Примечание. Русскому *щ* соответствует в говоре сочетание звуков *шч*.

Лишь в ответе на Академич. великорусскую программу № 282 из Трубчевского уезда приведены великоруссизмы: шшу́ка, шшо́тка, бо́ршш, яшшо́, мушши́на и т. д. (§ 123); то же и в Академич. белорусской программе № 6 из того же уезда: прошша́й, шшу́ка (§ 41).

[1] Примеры в программе подчеркнуты с удержанием орфографии программы.

Губные звуки.

Губные звуки *б, п, м* на конце слова и пред согласным, в том числе и *j*, тверды; лишь в городских говорах в положении пред *j* возможна мягкость губных или колебание между твердыми и мягкими. Звук *в* (билабиальное = w) тверд в положении только пред *j*, при чем иногда здесь слышится ў. В городских говорах пред *j* слышится и *в* мягкое.

Об изменении *в* (w) в положении после гласного пред следующим согласным звуком и на конце слова см. ниже.

Примеры.

В ответе на Академич. великорусскую программу № 269: се́мдесят, дере́вня, кре́пче, сере́бряная, хле́бник, б'ю, п'ю, в'ю (§ 138).[1]

В ответе на такую же программу № 282: се́мдисят, дяре́вня, крапче́й, сяре́бриная, де́вки, хле́бник, купца́, б'ю, п'ю, в'ю (§ 138).

В ответе на белорусскую программу № 6: б'ю, п'ю, в'ю, вараб'и́, го́луб, сып, паста́в, любо́в, сем и т. д. (§ 36).

В ответе на такую же программу № 221: б'ю, п'ю, ў'ю, се́м'ями, го́луб, сып, сем (§ 36).

В ответе на южновеликорусскую программу Моск. Диалект. Комиссии № 91: уб'ю́ б'еш, в'ю́га, п'еть, п'я́ный и др. (§ 29).

В значительной части ответов на краткие Академич. программы также есть указание на твердость губых в конце слов.

То же в ответе Ив. М. Гневушева и Л. Гр. Самосадного.

В статье Ан. Ф. Полевого: сем, во́сям, го́луб, про́руб, сып, п'еш, сем'я́ и т. д.

По наблюдениям М. В. Ушакова, губные на конце слова всегда тверды, пред *j* наблюдаются индивидуальные отклонения: чаще твердость губных, но возможна и мягкость их.

То же отмечено и в статье А. В. Маркова (стр. 188).

В записях М. Н. Косич: го́луб (Водвинка, 98; хут. Александр. 90; Жуково, 71; Шапочка, 64), сем (Шапочка, 65; Невзорово, 90), сям'ю́ (Анушино, 46; Росуха, 79; Жуково, 71; Новые Ивайтенки, 64), б'юць (Росуха, 102), п'е (Росуха, 25; Жуково, 74; Далматово, 42), п'я́ницу (Жуково̀, 75), п'я́ница (ib.), п'ець (ib.), п'юць (Шапочка, 98), п'ян (Кожемяки, 67), разаб'ю́ (ib., 87), б'е (Далматово, 42), б'е (Погар, 111), сям'я́ (ib., 110).

---

[1] Примеры подчеркнуты в программе с сохранением их орфографии. Мною опущен после губных лишь ъ.

В записях А. Д. Нечаева: ня п'е́ (Гарцево, 26), п'я́ницу (Абаринки, 82; Ильбово, 98), п'е (Абаринки, 82; Ильбово, 98), п'еш (Семешково, 118) и т. д.

Примечание. Кое-где у М. Н. Косич на ряду с этим имеются написания с мягкими губными пред *j*: бьеш (Шапочка, 64), пьян (ib., 66), пьець (Жуково, 75), бье (Лупеки, 27); едва ли это однако живое произношение.

В записях Е. Якушкина, Н. Дорогунцева и А. Н. Афанасьева такие написания преобладают. Мягкость губных на конце слова, встречающаяся у Н. Дорогунцева и А. Н. Афанасьева, также вызвана орфографией.

В положении пред гласными звуки *б* и *м* спорадически тверды и имеют после себя *j*: галуб'ятки (М. Н. К., Росуха, 40), уре́м'ячка (ib., 74; Жуково, ib., 71), им'ё (Гриденки, ib., 53), вре́м'юшка (А. Д. Н., Гарцево, 37).

Звук *в* (w) в положении после гласного пред следующим согласным звуком и на конце слова переходит в *ў*.

Примеры.

В ответах на краткую Академич. программу некоторые из ответов имеют непосредственное указание на такой переход: кроў, любо́ў (№ 292б), де́ўка, кроў (№ 209а); другие же передают на письме *ў* чрез *в* (№№ 292а, 295а, 203).

В ответе на Академич. великорусскую программу № 269 имеем: годо́ў, дворо́ў, сла́ўно, ла́ўка, торго́ўля, дере́ўня, диўча́та (§ 94).[1]

Ответ на Академич. программу № *282* дан неудачный: автор ответа, повидимому, не отличал *ў* от *в*, и обозначение этого звука чрез *ў* принял за *у*, поэтому звук *ў* передан чрез *в*, при чем сделана оговорка, что «в конце слова нет замены *в* чрез *у*, а также и в средине слова после гласной . . . конечное *в* произносится ясно» (§ 94).

В Академич. белорусской программе № 6 нет ответа (§ 33).

Ответ в такой же программе № 221 не ясен (§ 33).

В программе Московской Диалект. Комиссии № 91, в § 29 речь идет не о переходе *в* в *ў*, а о твердых или мягких губных; сообразно с этим дан ответ: кров, любо́в, жура́в — с твердым *в*; но в § 10, где ставится вопрос о переходе *в* в *ў*, ответ дан неясный.

В ответе Ив. М. Г.: тра́ўка, пра́ўда, гадо́ў (§ 10).

В ответе Л. Гр. С.: де́ўка, тра́ўка, пра́ўда, ўса́, гато́ўлю, паста́ўлю, гарадо́ў, каро́ў и т. д. (§ 10).

---

[1] Примеры подчеркнуты в тексте программы с удержанием их орфографии.

В статье Ан. Ф. П. приведены примеры: лаўка, праўда, траўка, даўно, деўка, пайду ў пуню, гадоў, любоў, кроў, ваўкоў и т. д.

М. В. У. также указывает на переход *в* в *ў*.

В записях М. Н. Косич: дзеўки (Росуха, 25), забаўляў (ib., 63), каўрамы (Бородинка, 35), дзеўки (ib., 57), кроў (Горяны, 72), любоў (Жуково, 65), сакалоў (ib., 75), поўнач (Шапочка, 65), кроў (ib., 72), даўно (Задубен., 64), дзеўки (Невзорово, 46), галоўка (Гарцево, 39), праўдачку (ib., 86), наўчўся (Бороздниио, 105), праўда (Новосел., 26), галубочкаў (ib., 19), Иванаўна (Анушино, 46), папоў (Гриденки, 53), дзякоў (ib.), прагуляў (Погар, 108), любоў (Мглин, 112) и т. д.

В записях А. Д. Нечаева: да ў поли (Гарцево, 23), да ўжо (ib.), ваўкоў (Ильбово, 97), пара и ўставать (ib., 107) и т. д.

В начале слова на месте *в* (w) пред согласным слышится *у*, при чем иногда оно бывает редуцированным.

Примечание. М. Н. Косич отмечает, что *у* из *в* в начале фразы «не бывает кратким»,[1] но мне приходилось слышать в таком положении *у* редуцированное.

Примеры.

Ответы на кратк. Академ. программу указывают на *у:* усё, унук, удава и т. д.

В ответе на Академ. великорусскую программу № 269: уся, урэмя, унук и т. д. (§ 94).

В ответе на такую же программу № 282: удава, усякий, узять, устань и т. д. (§ 33).

В такой же программе № 221: унук, у мех, усих и т. д. (§ 33).

В ответе на южновеликорусскую программу Моск. Диалект. Комиссии № 91: умести, урозь, унук, усе, у ваде, у гради (§ 10).

В ответе Ив. М. Г.: умести, устану, удава, унук, усё.

То же и в ответе Л. Гр. С.

В статье Ан. Ф. П.: унук, усё, уздумаю.

В записях М. Н. К.: уси (Росуха, 15), узята (ib., 48), удоўка (Бородинка, 89), усё (ib.), усим (хут. Александр., 88), узяла (Шапочка, 63), усё (Лупеки, 23), узяў (Невзорово, 101), устань (Гарцево, 19), усё (ib., 31), усю (Бороздниио, 105), ускалыхнися (Човпня, 66), узяў (Верканька, 43), узяўся (Выстриков, 49), узять (Клинцы, 103), уздумали (Манюки, 92), устрачы (Погар, 111), услед (Мглин, 112), узять (Стародуб, 107) и т. д.

[1] Op. cit., стр. 120.

В записях А. Д. Н.: узгляну (Гарцево, 39), удава (Абаринки, 73) и т. д. У него же встречается в этом положении и *у* редуцированное, передаваемое здесь чрез *ў*: ўстань (Ильбово, 103), ў сади (ib., 102), ўрадила (Гарцево, 54), ўдовы (ib., 60), ў твой (Абаринки, 70) и т. д.

Примечание. В городских говорах спорадически встречается и *в* на месте *у*: вмёр, вдаріть, втапіўся и т. д.

В положении пред гласным звук *в* сохраняется: висна, вярёўка, варабей, воўк и т. д.

Примечание. Предлог *в*, переходящий в начале слова в *у* или *у* редуцированное, в положении пред гласными является в виде *ув*, а пред согласными, в том числе и *j*, а также и *і* неслоговым в виде *ува*: ув ахвицёры (М. Н. К., Бороздниио, 105), увайду (Кожемяки, ib., 87), увазнаў (Горяны, ib., 48), уваснула (А. Д. Н., Гарцево, 37), увайди (Абаринки, 93), ув адну (Якушк., Погар, 21).

На ряду с отвердением в указанном положении губных звуков, преимущественно в городах нередки сочетания *б, п, в, м* с *и* вместо *ы*; проникает это явление и в деревни.

В записях А. Д. Нечаева *ы* в таком положении передается чрез ᵻ. Мне не приходилось однако наблюдать произношения cᵻ.

Примеры: високий (Акад. великорус. прог. № 282, § 71), вᵻсока (А. Д. Н., Гарцево, 21), вᵻсоки (ib., 32), вопитный (М. В. У) високий (ib.).

В записях М. Н. Косич *и* в таком положении вместо *ы* встречается редко: високую (Лупеки, 16), висок (Далмат., 43; Погар, 107); не часто оно и в сказках А. Н. Афанасьева: папитай (№ 14; в сноске здесь дано объяснение: попытай = спроси), выпитавали (ib.).

По наблюдениям Ан. Ф. П., сочетание губных с *и* вместо *ы* имееяст в части Новозыбковского уезда, расположенной к югу от линии, идущей от Янжуловки чрез Медведовку, Тимоновичи, Оптень, Любечаны, Старый и Новый Ропск, Крапивное, Чолхов до границы Гомельского уезда.[1]

В других источниках вовсе нет указаний на это явление. В програме Моск. Диалект. Комиссии № 91, больше того, оговорено, что «винул, виход, мило вместо — вынул, выход, мыло не говорят» (§ 29).

По моим наблюдениям, *и* вместо *ы* в таком сочетании встречается преимущественно в городах и имеет свое объяснение в прошлой жизни город-

[1] Беру прежние границы Новозыбковского уезда. У Ан. Ф. Полевого эта линия продолжена несколько дальше по Гомельскому уезду.

ских говоров (о чем смотри ниже). Таковы, например, Стародубские: мі, ві, карóві, бік, пітка, пішна (пъшно). Про произношение Погарцами в этих сочетаниях *и* существует специальное выражение: «Мі мілісь у бані і міла забілі» (Мы мылись в бане и мыло забыли).

Звук ф.

Звук *ф* не встречается в Северско-белорусском говоре; на месте *ф* чаще всего слышится *хв*, реже *х* и в единичных случаях *п*. Лишь в мещанских говорах, наоборот, *ф* иногда заменяет сочетание *хв*: фáстать (хвáстать), фóст (хвóст).

Примеры.

В ответе на Академ. великорусск. программу № 269: Митрохвáн, сарахвáн, Ахванáсий, Хвёдор, цы́хвра, хунт, Аўхи́м, Панáс, Прóся. Здесь же и фáстать, фатáет (§ 99).[1]

В ответе на такую же программу № 282: Митрахвáн, Хванáс, Панáс, хунт, Яхи́м, францу́з, Хрóся и Прóся, кóхта, Пили́павка.

Примечание. Тут же сделано указание, что вместо *хв* не говорят *ф* (§ 99).

То же и в Акад. белорус. программе № 6: Хвёдар, Ахванáсий, хунт, Пили́п.

То же в ответе на южновеликор. программу Моск. Диалект. Комиссии № 91, в ответах Ив. М. Гневушева и Л. Г. Самосадного.

М. В. Ушаков также указывает на отсутствие в гóворе звука *ф*.

Ан. Ф. Полевой отмечает замену в говоре деревни звука *ф* звуками *хв*, *х*, *п*: Хвёдар, хранцу́з, хунт, Пили́п и др. Тут же им отмечено произношение деревенской «интеллигенцией, которая старается говорить русским литературным языком», звука *ф*, вместо *х*: фост, фу́тар (ху́тор), при чем такое произношение не окончательно вытеснило звук *х*: на ряду с *фост*, *фу́тар* можно слышить и — хвост, ху́тар.

В записях М. Н. Косич: Мáрхвачка (Росуха, 17), Мархву́тачка (ib., 19), Хвёдарька (ib., 22), у кахтáни (ib., 81), ахвицéраў (ib., 87), у хранцу́за (ib., 87), хвартучóк (ib., 102), хвиáлачки (Бородинка, 15), Хвёдарка (Лупеки, 27), кахтáн (ib., 65), ахвицéраў (Невзорово, 85), хранцу́за (Гарцево, 86), ув ахвицéры (Борозднино, 105), кохтачку (ib.) и т. д.

---

[1] Часть примеров подчеркнута в тексте программы с сохранением их орфографии.

В записях А. Д. Нечаева: Хвéдячку (Гарцево, 28), Хами́навна (ib., 29), ахвицéр (ib., 41), Хамá (ib., 49), кахтáн (ib., 56), ту́хли (Абаринки, 65), Мáрхва (ib., 78), Тимахвéй (ib.), хвартучóк (ib., 79), шарх (ib., 84), ни хварси́ (ib.), кóхтачку (ib., 92).

Сонорные звуки.

О звуке *р* уже сказано выше.

Звук Л.

Старый твердый звук *л* в сочетании *ол* (с соответствующим заместителем звука *о* при безударности), восходящем к старому сочетанию *ъл*, а также на конце несклоняемого причастия прошедш. времени мужеск. рода, имеющего значение форм прошедшего времени, переходит в ў.

Примеры такого перехода представляют записи М. Н. Косич, А. Д. Нечаева, наблюдения Ан. Ф. Полевого, ответ на Академ. белорусскую программу № 221, ответы Ив. М. Гневушева и Л. Г. Самосадного. Об указании других источников на изменение *л* в таком положении см. ниже.

Записи М. Н. К., *Мглинский уезд:* воўк (Росуха, 40), украў (ib., 63), шаўкóвая (ib., 100), купи́ў (ib., 102), (ib., 29), стаў (хут. Александр., 90), заснýў (ib.), шаўкóвых (ib., 90), жóўтыми (Яблонка, 29), шóўкам (Кожемяки, 68), ваўки́, (ib., 72) и т. д.

Стародубский уезд: паўзé (Лупеки, 23), тóўстая (Невзорово, 104), тоўч (ib.), таўкýць (ib., 42), садзи́ўся (ib., 86), узя́ў (Верканька, 43), спаў (Анушино, 51), забаўля́ў (ib.), быў (Семешково, 14), паéхаў (Платково, 81), паки́нуў (ib.), узя́ўся (Выстриков, 44), разьби́ў (ib.) и т. д.

Суражский уезд: ласкáў (Клинцы, 103), паéхаў (ib.), зарэ́заў (ib.) и т. д.

Новозыбковский уезд: на жóўтам (Манюки, 91), запéў (ib., 83), баи́ся (ib., 90) и т. д.

Примечание 1. В записях М. Н. Косич в единичных примерах, в песнях с городским влиянием, встречается в подобном положении *л*: патанýл (Гарцево, 105), абманýл (ib.), дал (Борозднино, 105), палтары́ (ib.), шóлку (рифмуется с тóлку, Михайловск, 105). Такому же влиянию обязано сохранение звука *л* и в словах: палкóўники (Росуха, 102), полк и производных от них.

Примечание 2. В говоре местной интеллигенции, в городах также слышится *ў* в названных выше глагольных формах; произношение этих форм с *л*, на подобие приведенных только что примеров, есть результат книжного влияния.

В записях А. Д. Н.: жо́ўтыя (Гарцево, 20), шо́ўкавый (Абаринки, 80), паўтара́ста (ib., 92), ваўки́ (Ильбово, 97), паўдня́ (ib., 98), шаўкава́я (ib., 109), но также и — палки́, полк (Ильбово, 109).

Ан. Ф. П. также отмечает переход в этих условиях *л* в *ў*: веў, даў, узя́ў, воўк, по́ўный, жо́ўтый и т. д.

В ответе на Академ. белорусскую программу № 221: даў, быў, даўжына́, по́ўный, чо́вен и т. д. (§ 34).

В ответе Ив. М. Г. и Л. Гр. С.: знаў, бывá́ў, воўк, до́ўгий.

Другие источники не дают указаний на переход в указанном положении *л* в *ў*; лишь в ответах на Академич. великорусскую программу №№ 269 и 282 и белорус. № 6 говорится об изменении *л* в *в* (§ 100). Причину неточности этих ответов следует видеть в неразличении их авторами *ў* и *в*.

То же надо сказать и об ответе на программу Московск. Диалект. Комиссии № 91.

Старый мягкий *л* в положении пред следующим твердым согласным, чаще всего пред *н* и *ц* отвердел.

Примеры.

Записи М. Н. К., *Мглинский уезд*: бо́лна (Росуха, 79), весе́лца (ib., 81), си́лна (ib., 84), стрялцы́ (ib., 97), си́лнинька (Водвинка, 19), балшы́й (Бородинка, 87), бални́ца (ib.), крылцо́ (ib., 100), бо́лшый (Жуково, 72), бяздо́лнай (ib., 74), си́лна (Шапочка, 64), ма́лчык (ib., 65), бо́лшую (ib., 98), горька-до́лныя (ib.), бяздо́лная (ib.), си́лна (Задубенье, 64), бо́лна (Кожемяки, 67), да́лняя (Мглин, 112).

Стародубский уезд: бо́лшаю (Лупеки, 16), кры́лцамы (ib., 23), бо́лшая (ib., 65), крылцо́ (Невзорово, 101), нача́лник (Гарцево, 86), ма́лчык (Бороздинно, 105), балшы́я (Берновичи, 85), що́гална (Погар, 107), во́лнаю (ib., 109), асталны́я (ib. 111) и т. д.

Суражский уезд: малчы́шка (Клинцы, 103), даво́лны (ib.).

Новозыбковский уезд: во́лнай пта́шкай (Манюки, 90), бо́лшая (ib., 91), бо́лшаю (ib.), си́лнаю (ib.) и т. д.

В записях А. Д. Нечаева: крылца́ (Гарцево, 44), мы́лца (ib., 51), ры́лца (ib.), бо́лна (Абаринки, 69), сяде́лца (ib., 71), си́лна (ib., 85, 87, 88), сту́лчык (Ильбово, 103), на сту́лчыку (ib.), си́лна (ib. 106), кры́лцамы (ib., 107) и т. д.

Примечание. Преимущественно в городах имеет место обратное явление: мягкий *л* на месте твердого. Проникает это явление и в деревни.

Примеры: по́льна (М. Н. К., Жуково, 75; Манюки, 92; Невзорово, 87; Анушино, 46; Берновичи, 85; Михайловск, 50), по́льна (А. Д. Н., Гарцево, 24); таковы же: вально́ю, а́льчнасть.

На ряду с этим, особенно в городах, весьма часто и правильное употребление *л*.

В статье Ан. Ф. Полевого отмечено отвердение в этих условиях *л* и, наоборот, замена твердого *л* мягким.

В ответе на Академич. белорусскую программу № 221: крылцо́, па́лцы, малцы́, хвалшы́вый и т. д.

В ответе на такую же великорусскую программу № 282: болны́я, си́лныя (§ 147).

В других источниках нет указаний на это явление.

Явления в области согласных звуков.

Помимо отмеченных выше явлений в области согласных звуков — сохранения в указанном положении звонких согласных, отвердения в известных условиях звука *р* и смягчения задненебных — отмечу здесь следующее.

Чертой, общей для значительной части согласных звуков, преимущественно зубных, является смягчение их в положении пред следующими мягкими согласными.

Примеры. М. Н. К. *Мглинский уезд:* зь бярёзы (Росуха ib., 22), зь вярьху́шки (ib., 25), зь зялёнага (ib., 49), зь ня́нькай (Бородинка, 100), сьлёзы (ib.), разьвива́ю (Горяны, 15), зь якóга (ib., 48), нано́сьця (ib., 68), зацьвила́ (Жуково, 19), зь лёдам (Яблонка, 31), зь бярёзаю (Нов. Ивайтенки, 64), расьце́ (Кожемяки, 67), расьци́ (ib.) и т. д.

Стародубский уезд: изьви́ўся (Лупеки, 16), сьцяли́ (ib., 65), разьве́шу (ib., 65), зь вярбы́ (Гарцево, 31), сьпе́лага (Бороздинно, 105), не́ сь ким (Платково, 81), зь ве́чара (Берновичи, 85), разьби́ў (Выстриков, 44), у ку́сьци (Михайловск, 50), сьпи́цы (ib., 60), зьбира́ўся (Погар, 110), зь ве́чара (ib., 111) и т. д.

Новозыбковский уезд: зьлита́ла б (Манюки, 90), зь ве́рху (ib., 92).

В записях А. Д. Н.: сьвёкру (Гарцево, 22), сьвякру́хи (ib., 27), дьве (ib., 39), сьвёкарьки (Абаринки, 68), пе́синьки (ib., 69), дьве (Ильбово, 109) и т. д.

Примечание 1. Старый мягкий согласный в большинстве случаев сохраняется в деревенских и отчасти в городских говорах: деряве́ньскі(й), же́ньскі(й) и т. д.

Примечание 2. Нередки однако и случаи отвердения здесь согласных. В городских же говорах, особенно в городе Стародубе, согласные в таком положении иногда тверды.

На ряду с этим в говоре имеет место и спорадическое отвердение некоторых согласных, встречающееся в следующих словах: сэ́рца, сэрдэ́чка, уздэ́чка, калэ́чка, карсэ́т (А. Д. Н., Ильбово, 113), пажывэ́й (ib., Гарцево, 61), панычо́чык (ib., 58), папрэ́жнаму (М. Н. К., Михайловск., 50), сызый и производных от него (ib., Шапочка, 64; Жуково, 100; Берновичи, 85; А. Д. Н., Гарцево, 36, 42, 45; Абаринки, 61, 67; Ильбово, 99), также — відэ́лка, мястэ́чка, васкрясэ́ньня, спасэ́ньня, вазнясэ́ньня, сны́тка, Влады́мір, Мыкі́та и некоторые другие.

Примечание. М. Н. Косич отмечает в городском говоре произношение: буты́лка, ты́сяча (стр. 119), но мне не приходилось встречать такого произношения.

Относительно весьма распространенных в говоре дї́рка, діря́вы(й) см. акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 1, стр. 281.

Шипящие согласные в положении пред свистящими переходят в свистящие, и наоборот — свистящие пред шипящими изменяются в шипящие.

Свистящий на месте шипящего в таком положении имеют: 1) формы 2 л. единст. числа настоящего времени глаголов непереходного залога: баи́сься (М. Н. К., хут. Александр., 18), сагнёсся (А. Д. Н., Гарцево, 28), даста́нисся (ib., Абаринки, 63), ву́чысься, му́чысься и т. д. То же и в Академич. великорусской программе №№ 269, 282 и в статье Ан. Ф. Полевого, 2) формы дат. и местн. пад. един. числа имен существит. женского рода с окончанием *а* в положении шипящего пред свистящим, возникшим в результате смягчения задненебных: к ре́ццы (М. Н. К., Бородинка, 57), к ре́чацы (ib., 58), на той калі́нацы (Водвинка, 97), на ру́чацы (Лупеки, 25), на кало́дацы (Гарцево, 41), па далі́нацы (Быстриков, 44), па кла́дацы (Верканька, 38), дзу́чо́нацы (А. Д. Н., Ильбово, 108), на ру́сай ко́сацы (Семешково, ib., 115) и т. д.

Примечание. Нередко однако в названных формах шипящие не переходят в свистящие: ба́тюшцы (М. Н. К., Росуха, 74), ма́тушцы (ib., 74; Лупеки, 103) и т. д. приходилось слышать на ряду с формами — к избу́сцы (А. Д. Н., Гарцево, 61), к ма́тусцы (ib., Семешково, 118), ба́тюсцы и т. д.

Обратное явление, переход свистящих в шипящие: ж жапо́й, ж же́сці (из жести), бяж ша́пкі, ш чалаве́кам, рашчо́т, ж жо́ўтым и т. д.

На ряду с этим встречается *ц* на месте *т* в группе *-тц-*: ма́ццы (М. Н. К., Росуха, 101; Ивайтенки, 91), па намёццы (Лупеки, 23), бра́ццы (Росуха, 84), к аццу́ (ib.) и т. д.

В *ц* переходит и *т* в формах 3 лица един. и множ. числа настоящего времени и в infinitiv'е глаголов непереходного залога.

Примеры: упина́юцца (М. Н. К., Росуха, 34), смяю́цца (ib., 47), бялі́цца (Бородинка, 53), ня пылі́цца (ib., 84), пападзе́цца (Водвинка, 14), бра́цца (Погар, 110), разальле́цца (Клинцы, 103), жані́цца (ib., 103), дяру́цца (А. Д. Н., Гарцево, 26), смяю́цця (ib., 26), купа́цца (ib., Абаринки, 80), смяю́цца (ib.), прашча́цца (ib., Ильбово, 111) и т. д.

Из явлений полной ассимиляции отмечу еще: 1) переход в сочетаниях *бм* и *дн* звуков *б* и *д* в носовые—амману́ў, аммачы́ў, ся́ньня (сего́дня), бяньня́жка, вялі́каньня и 2) ассимиляцию *j* с предшествующим ему мягким зубным согласным или шипящим. В результате получается двойной или долгий мягкий (кроме шипящих) согласный звук + гласный.

Примеры.

В записях М. Н. К.: саба́чча (Росуха, 24), парася́ччы (ib.), тре́цьця (ib., 96), Васі́льля (ib.), альляна́я (Бородинка, 58), чалаве́ччу (Кожемяки, 72), вясе́льля (Гарцево, 41), скрысе́ньня (ib.), засто́льляйку (Новоселки, 26), ружжа́ (Михайловск, 50), Васі́льлявича (Погар, 108), пла́тьтя (ib., 111), разальле́цца (Клинцы, 103), льле (Манюки, 92), судьдзя́ (М. Н. К., 123), або́дзьдзя, пападзьдзя́ и т. д.

В записях А. Д. Н.: щабита́ньня (Гарцево, 25), гуля́ньня (ib.), ко́льлям (ib., 26), жытьтё-бытьтё (ib., 30), зальлю́сь (ib., 39), куде́льлю (ib., 64), зарэ́чча (ib., 89), дяво́ччы (Ильбово, 101), вра́жжы (ib., 104) и т. д.

Примечание. Губные и *р* обыкновенно не удваиваются: падво́р'яйка (М. Н. Косич, Горяны, 15), пер'я (ib., 15), Мар'яццы (Яблонка, 27), пе́р'я (Анушино, 49), прыго́р'яйку (Лужки, 52), бязу́м'я (Погар, 109). Лишь изредка можно слышать произношение с удвоенным мягким *р*. Удвоение *р* отмечает и М. Н. Косич (стр. 123): Яго́рьря, звярьрё; у А. Д. Нечаева также встречается: пе́рьрячка (Абаринки, 64). Удвоенное *р* М. Н. Косич отмечает в более «глухих местностях». (Ответ на Акад. белорусскую программу № 221, § 39); мне же встречалось такое произношение в городах и пригородных деревнях.

Далее явление это отмечают: а) ответы на краткие Академ. программы (кроме № 295б., где этот §, равно как и ряд других, оставлен без ответа); б) ответ на Академ. великорусскую программу № 269: судьдя́, свиньня́, крыльля и т. д.; в) ответ на такую же программу № 282: судьдя́, кутьтя́, бадьдя́, питьтё, пла́тьтя, свиньня́ и т. д.; г) ответ на такие же белорусские программы №№ 6 и 221 (§ 39); д) ответ на программу Моск. Диал. Комиссии № 91 (§ 35); е) ответ Л. Гр. Самосадного (§ 35) и ж) статья Ан. Ф. Полевого.

Отмечу несколько случаев выпадения звуков в сочетаниях *зд, ст, дц:* паднявéсница (М. Н. К., Росуха, 25), пéрьсни (ib., 60), пóзняй (ib., 77), прáзники (ib., 96), часнýю (Водвинка, 20), сéрца (Кожемяки, 67; Лупеки, 102; Платково, 81), сéрцу (Невзорово, 50), пéрсня (Манюки, 92), пóзна (Погар, 109), пóзнинька (ib.), сéрца (А. Д. Н., Гарцево, 30), нявéску (Ильбово, 107) и т. д.

Выпадение звуков и целых слогов представляют и следующие слова: палядзи́ (М. Н. К., Росуха, 29), тады́ (Лупеки, 103; Погар, 110), прымáй (Жуково, 75), здрáстуй (Погар, 106), баслави́ (Гарцево, 37), када (Погар, 110; А. Д. Н., Гарцево, 34; Абаринки, 72) и т. д.

На ряду с этим в положении между двумя гласными имеется вставочное *в*: навýка, навучáць, навýшнік, павýк, аплявýха, Радзівóн, Ларівóн, Лявóн и т. д.

Явления начала и конца слова.

Пред начальным гласным заднего ряда в ряде случаев появляется приставочный звук *в*: вýтка (М. Н. К., (Росуха, 35, 49), вóчынь (ib., 49), вусы́ (ib., 86), вакóшки (Водвинка, 19), вакнó (хут. Александровка, 90; вýлицы, Жуково, 75), вакóнца (Кожемяки, 96), вýтачки (Лупеки, 26), вýшы (Невзорово, 104), вакнá (ib., 104), вýтачку (Семешково, 14), з вýлачки (Погар, 109), вум (ib.) и т. д.

Изредка встречается приставочный звук *г*: Гáнна (М. Н. К., Росуха, 96; Анушино, 46), гарбýз. Другие слова с приставочным *г* мне не встречались.

Приставочным является и *j* преимущественно пред начальным звуком *і*.

С точки зрения современного состояния говора приставочными являются *и* и *а* в словах: іржá, ільнý, іМглíн, ільнýць, ілгáць, аржаны́(й), альляны́(й) и т. д.

Изредка, преимущественно в городах встречается приставочное *і* и в предлоге *к:* ік ямý, ік гарэ́, ік бáцькі и т. д.

Предлог *із* часто теряет звук *і*; наоборот, предлог *с*, вследствие смешения с предлогом *з*, по аналогии с ним звучит *іс, із*.

Начальный гласный звук в отдельных словах нередко отпадает: ще (М. Н. К., Росуха, 91, 96; Бородинка, 69; Жуково, 75; Манюки, 52), шчэ (А. Д. Н., Абаринки, 84; Ильбово, 112), у гарбзди (М. Н. К., Горяны, 15), гарбду (ib., Задубенье, 64), на гарóдах (ib., Кожемяки, 83) и т. д.

Часто отпадает начальный гласный после предшествующего гласного в предлоге: на'днý (на однý), па'дной, ни'ддавай и т. д.

В с. Нивном мне приходилось слышать отпадение начального гласного и вне такого положения: бéдня (обедня), вéчка (овечка), бéдаць (обедать), дзін (один и др.). Подобное явление отмечено и в краткой Академич. программе № 295а (село Осколково Мглинского уезда).

Из явлений конца слова, помимо отмеченного уже сохранения звонких шумных согласных, укажу здесь на отпадение конечного гласного при отсутствии на нем ударения. Явление это имеет место: 1) в формах звательного падежа единств. числа преимущественно двусложных имен существит. мужеского и женского рода с окончанием *а*: мам, пап, Пець, Дунь, Каць, Цёць, дзядзь и т. д. и 2) в формах единств. числа повелительного наклонения: пасбб, пасбдзь, няўвбдзь и т. д.

Сюда же относится и отпадение *і* неслогового в именах прилагательных сложного склонения мужеского рода единств. числа и в формах повелительного наклонения некоторых глаголов.

В рассмотренных явлениях фонетики Северско-белорусский говор в значительной части явлений сходен с другими белорусскими говорами. Но, с другой стороны, в нем имеются, как мы видели, и явления, *неизвестные* другим белорусским говорам.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ.

Главнейшие суффиксы.

I. Имена существительные.

Суффиксы с сонорными согласными.

С *р:*

-ар и *-арь* в названии лиц по роду их занятий: званáрь, касáрь, маля́р, сталя́р, лéкарь, слéсарь, пíсарь, знáхарь;

-ера или *-ер* в сложении с суффиксом *-ка* в числительных собирательных, начиная с 5: пя́цера, шéсьцера, сéмера, вóсьмера; пя́церка, сéмерка, дзя́сяцерка и т. д.;

-ур- в сложении с суффиксом *-ка* или *-ак* в таких именах, как: кампату́рка, дзяу̌чу̌рка, пячу́рак и др.;

-ырь в таких словах, как: павады́рь и реже—багаты́рь; также в образовании женского рода от первого слова с суффиксом *-ка*: павады́р(ь)ка, багаты́р(ь)ка.

С *л:*

-ло и *-ла* в весьма многочисленных именах: а) nomina instrumenti— вясло́, памяло́, ры́ла, шы́ла, крыса́ла, крапі́ла, паганя́ла; б) в производных от глаголов названиях лиц по их свойству, происходящему от действия, выраженного глаголом: брякло́,[1] грябло́, грабі́ла, дурі́ла, ядзі́ла и др.; в) таково же и — хамло́, (хам, невежа);

-аль в немногих словах различного значения: кава́ль, па́даль;

-уля в ласкательных словах женского рода: барадýля, рагýля, бабýля, казýля и т. д. и в соединении с другими суффиксами: татýлечка, матýлечка, татýлька и т. д.

С *м:*

-мо: пісьмо́, бяльмо́;

-ым в единичном слове — во́ччым (отчим).

С *н:*

-нік во многих словах разного значения: пра́зьнік, бязьдзе́льнік, сярнік (серная спичка, чаще — сярнічо́к), засту́пнік и друг.;

-ня в словах, обозначающих а) название действий: бряхня́, ругня́, гульня́, бягня́;

б) в названиях помещения, каковы: ку́зьня, бо́йня, цяге́льня, пагрябня́ или в сложении с суффиксом *-оу̌*: вазо́у̌ня, жарбо́у̌ня и

в) в таких немногих существительных, как — рау̌ня́, радзьня́;

-ан- в словах разного значения после твердых и мягких согласных в соединении с суффиксами *-ка* и *-ец*: касьця́нка (плоды дикой груши), ляжа́нка, натыка́нка (шапка из искусственного барашка), набіва́нка (эпитет женщины, вышедшей замуж без сватовства, против воли родителей ее мужа), абарва́нец, абряза́нцы (головки, отрезанные от сапог), галадра́нец, абліва́нец (крещеный обливанием, а не погружением в воду) и друг.;

-аня после твердых и мягких согласных, нередко в именах молодых существ: кацяня́, вау̌чаня́, гусяня́ и некотор. другие; чаще однако эти имена имеют лишь *-я* или *-ёнак*: цяля́, парася́, вуця́ и т. д. или — цялёнак, парасёнак, гусёнак, вуцёнак и т. д.;

[1] Здесь, как равно и в других случаях, в написании *ря*, *рю* отступаю от обычного белорусского правописания, следуя живому произношению.

-ен- в соединении с *-ік* в словах, произведенных от глаголов: варэ́нік, тавчэ́нік, ляпе́нік, мясе́нік; *-ен-* в соединении с *-ка* весьма распространен в фамильных образованиях: Авсе́енка, Пушкарэ́нка, Сідарэ́нка, Нестярэ́нка и др.;

-ень в словах разного значения: ду́рэнь, пе́вень, тру́цень, бла́зень, лі́вень и др.; в соединении с суффиксом *-ка* в ласкательных именах, преимущественно в городской речи: па́пенька, ма́менька и др.;

-ён в соединении с суффиксом *-ка* в ряде «уничижительных» имен, напр.: хацёнка, лашадзёнка, каравёнка, скацярьцёнка, хусьцёнка и друг.;

-ізна в именах, образованных от прилагательных: бялізна́, жау̌цізна́, круцізна́, навізна́, но чаще — навіна́;

-іна в словах различного значения, означающих: 1) единичные предметы—травіна, сало́міна, канаплі́на, бяльлі́на, ткані́на, пасу́дзіна, дамаві́на, лазі́на, сялі́на (местность для поселения), пасканьні́на, трясьці́на;

2) в названиях видов мяса: бара́ніна, кані́на, салані́на, сьвіні́на, самі́на (рыба сом) или в соединении с суффиксом *-ац* после мягких согласных: гуся́ціна, кура́ціна, цяля́ціна, здыхля́ціна и т. д.;

3) в увеличительных именах: дамі́на, вазі́на, дзяці́на, хуртаві́на.

Примечание. В некоторых случаях этот суффикс не заключает понятия значительной величины предмета, напр.: *трясьці́на*, наоборот, употребляется для обозначения очень малого количества чего-нибудь; также и слово *хвaро́біна* не обозначает большой, тяжкой болезни.

-іны и *-ыны* в названии таких событий, как: ксьці́ны, зару́чыны и т. д.;

-іня в немногих существительных: багі́ня, княгі́ня;

-ун в nomina agentis: бряху́н, сьвісту́н, бягу́н, ряву́н;

-уня преимущественно в городской речи в таких немногих словах, как: бабу́ня, Пятру́ня, Павлу́ня;

-ыня в немногих словах: пусты́ня, мі́ластыня, святы́ня.

Суффиксы с губными.

С *б:*

-ба после мягких и шипящих согласных в отглагольных названиях действий: хадзьба́, ганьба́, маладзьба́, кля́цьба, слу́жба, дру́жба;

-оба с соответствующим изменением *о* при безударности в словах разного значения: худо́ба (имущество), худаба́ (худой человек), хваро́ба, жадзёба (жадный человек) и т. д.

С *в* и *ў:*

-ва в словах разного значения и происхождения: жарства́ (нечто жесткое в кушанье; часто в применении к хлебу с примесью суррогата — «хлеб як жарства́»), жра́тва (название прожорливого человека; часто также в применении к детям или домашней птице в собирательном значении) и т. д.;

-іва в отглагольных образованиях: ва́ріва, ме́сіва, ку́ріва, мало́зіва, ква́сіва;

-ов- (-ав-) и *-ев-*, осложненный суффиксами *-іч*, для образования отчества и фамилии: Пятро́віч, Ляксáндравіч, Федаро́віч, Ляксе́евіч и др.;

-аўё в немногих словах: кнутаўё, пугаўё;

-оў- или *-аў-* в сложении с суффиксом *-на* после твердого и мягкого согласного звука в таких именах женского рода, как — папо́ўна, дзяко́ўна, знахарёўна, Пятро́ўна, Ма́ркаўна; часто также *-оў-*, осложненный суффиксом *-ка* (-оўка): ляско́ўка (название плодов дикой лесной яблони), пятро́ўка, маско́ўка и т. д.

Суффиксы с зубными.

С *т* и *ц:*

-ат в одном, повидимому, слове — шкура́т, также после мягких согласных в соединении с *-ка* в именах ласкательных: галубя́тка, дзіця́тка; чаще в отглагольных существительных: рёгат, бра́зкат, грю́кат, сту́кат, то́пат, а также в сложении с суффиксом *-ня*: бегатня́, стукатня́, рэгатня́.

-іт в единичном, кажется, слове — на́йміт;

-ота и *-ата* после твердых, иногда и после мягких согласных: пяко́та, склізо́та, ванёта, свярбо́та, духата́, смярдо́та и др.;

-ута в немногих ласкательных образованиях от некоторых собственных имен после мягких согласных: Аню́та, Васю́та;

-тух: сьвінту́х;

-іца: вадзіца, лісіца, сястры́ца;

-іцель в таких именах, как: мсці́цель, губі́цель, разлучы́цель, учы́цель и т. д.:

-цяй: лянця́й, слюнця́й, гульця́й.

С *с:*

-ас, *-асы* в немногих словах: выкрута́с, выкрута́сы, марда́сы (мо́рда, лицо́).

-асьць в абстрактных именах: мо́ладасьць, ра́дасьць, ста́расьць;

-ства в таких словах, как: па́нства, ца́рства.

-ус- в соединении с другими суффиксами в ласкательных именах: мату́сечка, мату́сенька, куму́сечка, куму́сенька, тату́сечка, бабу́сечка и др.

Суффиксы с задненёбными и их заместителями.

С *г* и *ж:*

-ага после мягких согласных: брадзя́га, плуця́га, рабаця́га;

-уга у слов преимущественно с увеличительным оттенком: п'яню́га, валацу́га, падлю́га, мятлю́га (мятель);

-уган в словах: дзядуга́н, мальчуга́н, хлапчуга́н;

-ыга: латры́га;

-уж в соединении с *-ка* в весьма многих словах: зладзю́жка, п'яню́жка, валацу́жка и др.

С *к* и *ч:*

Образования с суффиксами: *-ка*, *-ок*, *-ік*, *-очак*, *-очачак*, *-очка* и другими весьма распространенными представляют преимущественно уменьшительно-ласкательные имена.

Из других суффиксов отмечу следующие:

-ак после твердых и мягких согласных в словах разного значения: сапля́к, галя́к, пярва́к, свая́к;

-ака преимущественно после твердых согласных в таких образованиях, как — забія́ка, сьпява́ка, вужа́ка, зява́ка, лама́ка;

-ейка в уменьшительных образованиях: лісьцейка, застольлейка, пла́цьцейка и т. д.;

-ека в одном лишь слове — раскіра́ка;

-ук после твердых и мягких согласных в немногих словах: байстру́к, сялю́к, Паўлю́к;

-ука с предшествующим мягким согласным: гадзю́ка, зьвярю́ка, зьлю́ка и др.;

-ач в таких словах, как: барада́ч, наса́ч, капа́ч, снаха́ч и др.;

-ач в соединении с *-ка* в ласкательно-уменьшительных именах: ма́тачка, ло́жачка, но́жачка и др.;

-еча в немногих словах: мале́ча, халадне́ча;

-еч в соединении с *-ка:* го́рячка, ба́цечка;

-іч: ро́дзіч (родственник), ро́дзічы (pluralia tantum, дни поминовения умерших, так называемая «родительская суббота»), пані́ч. Более распространен этот суффикс в образовании отчеств: Хвамі́ч, Лукі́ч, Ляксе́іч,

Андрэ́іч и т. д., а также в фамилиях-отчествах, произведенных от имен женского рода у «внебрачных детей»: Пара́ніч, Пёкліч, Алёніч, Матрёніч и т. д.;

-чык в уменьшительных именах: хло́пчык, акра́йчык (краюшка хлеба) и др.;

-чына: няме́ччына, турэ́ччына и др.;

-шчына в словах, означающих эпоху и местность по принадлежности ее кому-нибудь: Мікала́еўшчына, па́ншчына, Старадубшчына, Дубля́ншчына и т. д.;

-ішча в словах разного значения, в большинстве случаев для обозначения увеличительности: ігрышча, гу́льбішча, бабі́шча, дуры́шча.

С *х* и *ш:*

-аха после твердых и мягких согласных: раскіда́ха, пта́ха, пабіра́ха и некотор. др.;

-іха и *-ыха* в именах женского рода, произведенных от соответствующих имен мужеского рода собственных и нарицательных: Пятры́ха, Анто́ніха, бо́ндарыха, дзячы́ха, купчы́ха, каваліха;

-оха в немногих словах после твердых и мягких согласных: запіво́ха, дурёха, цяцёха и др.;

-ух после твердых и мягких согласных: пасту́х, кажу́х, каню́х;

-ух с предшествующим твердым или мягким согласным звуком, осложненный суффиксом *-на,* для образования ласкательных имен: ма́тухна, ба́цюхна, па́нюхна, та́тухна, до́чухна, бо́жухна;

-ша в словах: лаке́йша, сьле́сарьша;

-ыш: галы́ш, малы́ш;

-уша и *-ушка* после твердых и мягких согласных: кіку́ша, кілгу́ша (хромая), гарбу́шка, краю́шка, дачу́шка, кваку́шка.

II. Имена прилагательные.

Суффиксы с сонорными согласными.

-л- в словах, произведенных от имен существительных и глаголов: пу́хлы(й), кру́глы(й), сьпе́лы(й), сьве́тлы(й) и т. д.;

-лів- в весьма многих именах: бряхлі́вы(й), візглі́вы(й), санлі́вы(й), уе́длівы(й) [1] и др.

[1] Во всех этих и подобных им примерах слабое, едва уловимое *ĭ (й)*, часто и вовсе исчезающее, берется мною в скобки.

С *н:*

-н- в именах, произведенных от существительных, глаголов и наречий: зяле́зны(й), стра́шны(й), гало́дны(й), ра́ньні(й), хле́бны(й), по́сны(й), задры́паны(й), ско́ваны(й), зва́ны(й), зацішны(й) и т. д.;

-ан- после мягких согласных от имен существительных, обозначающих вещество и материю: ався́ны(й), сьлівя́ны(й), гліня́ны(й), мядзя́ны(й) — (последнее также рядом с ме́дны(й) —, жыця́ны(й), драцяны́(й) (из проволоки), клапя́ны(й) и др.;

-еньк- в весьма многих словах с уменьшительным значением: ма́ленькі(й), уда́ленькі(й), бе́ленькі(й); часто встречается этот суффикс, осложненный другими суффиксами: мале́сенькі(й), чарне́сенькі(й), ніземенькі(й) и — малю́сенькі(й), чарню́сенькі(й), бялю́сенькі(й), нізю́сенькі(й), краснюсенькі(й), навю́сенькі(й) и т. д.;

-енн- в именах с увеличительным значением: страшэ́нны(й), вялічэ́нны(й), здараве́нны(й), высачэ́нны(й), шырачэ́нны(й);

-ін- и *-ын-* в весьма распространенных именах прилагательных со значением принадлежности, произведенных от имен существительных женского рода: ба́цькін, ма́ткін, цёткін, жо́нкін, сястры́н и т. д. и в соединении со следующим *-ы(й):* зьвяры́ны(й), арлі́ны(й), мышы́ны(й) и т. д.

С *м:*

-м- с предшествующими гласными в немногих словах: ла́камы(й), радзі́мы(й);

-мян- в слове — слухмя́ны(й).

С губными.

С *в:*

-ав- чаще после мягких согласных: бяля́вы(й), чарня́вы(й), кучаря́вы(й), крыва́вы(й), дзіря́вы(й) и дыря́вы(й), сьлюня́вы(й) и т. д.;

-ів- и *-ыв-* со следующим за ним *-ы(й)* и без него (*-іў*, *-ыў*) во многочисленных именах: чарвы́вы(й), ушы́вы(й), паршы́вы(й), красі́ў, шалудзі́ў и т. д.;

-ов- (чаще *-ав-*) в не менее многочисленных именах, произведенных от существительных: бярёзавы(й), дубо́вы(й), грушо́вы(й), кляно́вы(й) и т. д.;

-ов- (чаще *-ав-*), осложненный другими суффиксами: кіслава́ты(й), круглава́ты(й), бурава́ты(й), шыракава́ты(й), гадо́ваны(й) и т. д.;

-оў после твердых и мягких согласных в весьма распространенных именах: папо́ў, Пятро́ў, пастухо́ў, канёў, гасьцёў и т. д.

С зубными.

С *с* и *т:*

-ас- после мягких согласных: бялясы(й), перепялясы(й);

-аст- в словах с увеличительным значением: гарла́сты(й), глаза́сты(й), груда́сты(й), задзіра́сты(й), зуба́сты(й), паласа́сты(й);

-ат- со следующим за ним *-ы(й)* и без него: крыла́ты(й), касма́ты(й), валаса́ты(й), пуза́ты(й), барада́ты(й): часто осложненный суффиксом *-ав-:* белава́ты(й), седава́ты(й), францава́ты(й);

-іст- галасісты(й), какацісты(й), баlóцісты(й), задзірысты(й);

-ск- после твердых и мягких согласных, часто вместе с другими суффиксами: дзе́даўскі(й), кава́льскі(й), ма́ткінскі(й), ба́цькаўскі(й), лаке́йскі(й), па́нскі(й), пятро́ўскі(й) и т. д.;

-іт- часто осложненный суффиксом *-ав-:* сярдзіты(й), грашавіты(й), даравіты(й), башкавіты(й) и др.

С задненёбными.

С *к* и его заместителями:

-к-: го́рькі(й), сало́дкі(й), вялікі(й), далёкі(й), блізкі(й) и т. д.;

-ак часто после твердых и мягких согласных: блізак, мя́гак, лёгак, го́рак;

-ач- в словах, произведенных от существительных, после мягких согласных: парася́чы(й), сьвіня́чы(й), дзіця́чы(й), хлапя́чы(й);

-ач- после мягких согласных в словах, произведенных от глаголов: шыпя́чы(й), гаря́чы(й);

-оч- в весьма немногих словах: дзяво́чы(й);

-уч- после твердых и мягких согласных: цяку́чы(й), бягу́чы(й), ряву́чы(й), гарю́чы(й);

-ушч- преимущественно после мягких согласных: жырню́шчы(й), зьлю́шчы(й), красню́шчы(й), тавстю́шчы(й), здараўю́шчы(й).

Образование степеней сравнения.

Сравнительная степень.

Формы сравнительной степени в Северско-белорусском говоре образуются преимущественно при помощи суффикса *-ей:* часьце́й, прасьце́й, бліжэ́й, тане́й, гусьце́й, пусьце́й, карачэ́й, кряпчэ́й, даўжэ́й, глыбачэ́й, шырачэ́й, лаўчэ́й, лўччэ́й, дзешаве́й, даражэ́й, брачэ́й, гладчэ́й, плашэ́й, маладзе́й, саладзе́й и саладжэ́й, худчэ́й и т. д. При безударности окончания суффикс *-ы:* шы́ры, вы́шы, ні́жы и т. д.

Сравнительно реже встречаются образования с суффиксом *-ейшы(й):* караце́йшы(й), даўжэ́йшы(й), гладчэ́йшы(й).

Примечание. Формы — глу́бжы, ніжы, вы́шы, мя́гчы, шы́ры употребительны преимущественно в городской речи; тут же встречается и форма — сла́жы.

Вовсе не встречается в говоре повсеместно распространенное в других местах Белоруссии (акад. Е. Ф. Карский. Op. cit., т. II, в. 2, стр. 57—58) такое образование сравнительной степени, как: до́бры(й) — ле́пшы, ле́пей.

Образование *го́ршы* (хуже) известно говору, но соответствующая ему положительная степень не *благі́* (дурно́й), как в других белорусских говорах (Б. Тарашкевич. «Беларусакая граматыка для школ». 1918 г., стр. 31), а — худы́(й), злы(й). (Ср. проф. С. М. Кульбакин. «Украинский язык», стр. 68).

От слов *вялі́кі(й)* и *ма́лы(й)* сравнительная степень, как и в других белорусских говорах: бо́лій, бо́лі, бо́льшы; ме́ній, ме́ні, ме́н(ь)шы. (Ср. акад. Е. Ф. Карский, ib., 59).

Превосходная степень.

Превосходная степень в Северско-белорусском говоре образуется описательно: а) посредством прибавления к положительной степени наречия *крэ́пка:* крэ́пка салёны(й), крэ́пка сма́шны(й), крэ́пка хало́дны(й); иногда наречие *крэ́пка* повторяется дважды: *крэ́пка-крэ́пка*, при чем второе *крэ́пка* иногда соединяется с приставкой *пры — крэ́пка-прыкрэ́пка*. Соединение этого рода, т.-е. крэ́пка-прыкрэ́пка, часто ставится с глаголом и имеет значение *очень и очень:* крэ́пка-крэ́пка цалу́ю, крэ́пка-крэ́пка ён зазна́ўся, крэ́пка-крэ́пка балі́ць галава́, ён яе крэ́пка-крэ́пка жале́я.

б) Реже к положительной степени прибавляется наречие *ду́жа:* ду́жа бага́ты(й), дужа сі́льны(й) и

в) так же, как и в русском языке, превосходная степень образуется чрез прибавление к положительной степени *самы(й):* са́мы(й) вясе́лы(й), самы(й) бага́ты(й).

Наиболее распространенный однако способ образования превосходной степени сравнения состоит в постановке рядом положительной и превосходной степени сравнения, образованной при посредстве приставки *пры:*

вялікі(й)-прывялікі(й), го́рькі(й)-прыго́рькі(й), сільны(й)-прысільны(й), ву́мны(й)-прыву́мны(й) и т. д.

Кроме указанных способов образования превосходной степени, изредка встречается превосходная степень, образованная при посредстве приставок *най-* и *пря-* (пре-), присоединяемых к сравнительной и положительной: найбо́лій, найго́ршы(й), пряму́дры(й).

О суффиксах с увеличительным значением, придающих прилагательным характер превосходной степени, смотри в отделе суффиксов.

III. Местоимения.

В местоимениях отмечу образования с уменьшительно-ласкательными суффиксами *-еньк-* и *-усеньк-* от местоимений *ніштó* и *ніхтó*: нічаге́нька, нічагу́сенька, нікаге́нька, нікагу́сенька.

Перечень местоимений смотри в морфологии.

IV. Глагол.

Из глагольных суффиксов отмечу:

-ава-: прыказава́ць, падкідава́ць, прыду́маваць, раскідаваць, абма́нава́ць и т. д.;

-ану-: стукану́ць, хватану́ць, грюкану́ць, даўбану́ць, каўхану́ць и т. д.;

-ата-: стуката́ць, грюката́ць, брязката́ць.

В говорах Новозыбковского уезда обычен суффикс *-ува:* гадува́ть, плюва́ть (наблюдения Ан. Ф. Полевого). *Плюва́ць* встречается и в Стародубском уезде.

От некоторых форм infinitiv'а весьма обычны образования с ласкательно-уменьшительными суффиксами *-кі*, *-ачкі*, *-енькі*, *-ечкі;* наприм.: спа́ткі, спа́тачкі, спа́ценькі, спа́цечкі, піцькі, піцечкі, піценькі и т. д.

Сравни другие белорусские говоры (акад. Е. Ф. Карский. Op. cit., т. II, в. 2, стр. 79—80) и украинский язык (проф. Е. Тимченко. «Українська граматика». 1918 г., стр. 73 и St. Smal-Stockyj und Th. Gartner «Grammatik der ruthenischen Sprache». 1913, стр. 150).

Подобные формы частично встречаются и в записях М. Н. К. и А. Д. Н.: спа́цячки (М. Н. К., Росуха, 79), спа́цьки (ib., Шапочка, 65), спа́тячки (А. Д. Н., 29, 33), спа́тьки (ib., 82).

Употребление глагольных ласкательно-уменьшительных образований ограничивается преимущественно разговором взрослых с детьми.

Наречия.

Наречия в Северско-белорусском говоре представляют отчасти непроизводные слова, отчасти падежные формы именных и местоименных основ и отчасти отглагольные образования.

Приведу наиболее употребительные наречия в Северско-белорусском говоре: абыйдзе́, абыя́к, адза́ду, адра́зу, ат(д)ку́ль, ат(д)сю́ль, ат(д)тэ́ль, ат(д)се́ль и ат(д)сэ́ль, бага́та, балазе́, безканца́, блі́зка, бо́лі, бязпро́сыпу, ве́льмі, ве́р(ь)хі, во́чань, вы́шы, го́дзя, дага́ры, даку́ль, дало́ў, далі́, дамо́ў, дарма́, дасю́ль, дату́ль, двойчы, дзе́сь, до́бря, до́світа, ду́жа, заво́чна, за́відна, завсягды́, задарма́, за́ўтра, запанібра́та, за́раз, зара́ньні, за́цішна, заты́м, за́ўтра, зачы́м, зда́лека, здавна́, зма́лку, зра́нку, зра́ньня, зусі́м, ідзе́, ізно́ў, ізда́леку, ішче́, калі́, калі́-ні-калі́, калі́-не́будзь, калі́сь, кішма́, ко́лькі, лёжма, ле́гась, лю́ба (хорошо), ма́ла, набго́м, наве́кі, на́дта, нады́сь, наза́втряга, нале́ва, на́ліха, напе́ряд, напра́ва, напралёт, напярэ́д, наро́шна, насустрэ́ч, насьме́х, наўздаго́н, наўкула́чкі, наўцёкі, на́шча, не́калі, не́хацьцю, ніза́шта, ніка́пелькі, ніко́лі, нікро́шачкі, няма́, няма́ша, няма́шака, няма́шацька и няма́шацькі, непалю́дзкі, ніско́лічки, нічко́м, но́ччы и но́ччу, няўжэ́, нята́к, няя́к, пага́на, пачалаве́ччы, пазавчо́ра, пазале́тась, паку́ль, па-латы́нскі, пама́лу, пагале́ньку, памалю́сеньку, па-по́льскі, папра́ўдзі, папту́шшу, папярёд, паражняко́м, паршы́ва, пасярёдку, пе́шкі, по́катам, по́начы, по́плеч, по́там и (и пато́м), ра́зам, ра́чкі, савсі́м, сёлета, скро́зь, спазара́нку, спе́рядзі, спра́ўды, старчма́, сюды́, суды́, сяго́ньня(і), сяк, ся́ньня(і), тады́, там, та́ма, тама́ка, та́мацькі, тама́чкі, то́лькі, туды́, тут, тута́ка, ту́тачкі, ту́танькі, тро́йчы, тро́хі, тро́шкі, туды́, тут, удаго́нку, удо́ўж, удо́ўжкі, узі́мку, уле́тку, улёжку, упацёмках, упе́ряд, упрыгля́дку, упярёд, упры́цемкі, ура́нцы, усю́ды, учара́, учо́ра, усярёдку, хо́дарам, ху́тка, цяпе́рь, чаго́, чаму́, ча́сам, як, я́кас и ряд других.

Сравнительно с другими белорусскими говорами, Северско-белорусский говор отличается отсутствием ряда наречий, таковы, например:

1) наречия с суффиксами -удою или -удэю: кудо́ю, тудо́ю, сюдо́ю, тудэ́ю, сюдэ́ю;

2) с суффиксом -дых или -ых (-ах): усю́дых, атусю́дых, учо́рых, учо́рах;

3) такие уменьшительно-ласкательные, как—усю́духны, нікалю́сенькі;

4) такие, как—пе́рш-на́-перш, пэ́ўне, по́дню, го́матна, сяге́начы и ряд других. (Ср. акад. Е. Ф. Карский. Op. cit., т. II, в. 2, стр. 82—89).

Наречие *многа*, очень распространенное, по словам акад. Е. Ф. Карского (Op. cit., т. II, в. 2, стр. 58), в Белоруссии, вовсе не встречается в говоре; употребительно оно лишь в городах под великорусским влиянием; в соответствии *многа* в говоре употребляется исключительно наречие *багáта*.

В словаре Новозыбковского уезда Ан. Ф. Полевым указаны, между прочим, наречия: вéльмы, дашчэ́нту, шпáрка и шчы́ра.

О предлогах и союзах см. в отделе «Главнейшие синтактические явления».

Приставки.

Из образования слов при посредстве приставок отмечу образование глагольных форм при посредстве приставки *па-*, соединяющейся с другими, следующими за ней приставками: *-за-*, *-з-*, *-вы-*, *-на-*, *-навы-*, *-над-*, *-наз-*, *-па-*, *-пад-*, *-пана-*, *-перэ-*, *-пры-*, *-раз-*, например: пазакладáў, пазапрáўляў, пазгнілó, павы́кінуў, павы́насіў, панакладáў, панатаскáў, панавынóсілі, панавывóзілі, панадбівáў, панадкýсаваў, наназьбірáў, паназгрябáў, папабíў, папагры́зьлі, пападнімáў, пападлéзьлі, папанаклáдавалі, папанабівáлі, паперэбівáў, паперэгрызáў, папрынóсілі, папрывóзілі, парастáўлаў, паразкладáў, паразсыпáў и т. д.

Сравни украинский язык: О. Синявский. Op. cit., 64; проф. Е. Тимченко. Op. cit., 80.

МОРФОЛОГИЯ.

Склонение имен существительных мужеского рода.

Склонение имен существительных мужеского рода обнимает старые основы мужеского рода на *ŏ* твердой и мягкой разновидности, основы на *й*, *ĭ*, *n* и частично основы на *t* среднего рода, перешедшие путем соответствующих изменений в мужеский род.

Основы на *й*, за исключением некоторых падежей, утратили старые формы склонения и следуют склонению основ на *ŏ* в современном его состоянии; основы на *ĭ* и *n* всецело перешли с соответствующими изменениями в склонение основ на *ŏ*, при чем некоторые слова мягкой разновидности с основой на губные, вследствие отвердения конечных губных, перешли в твердую разновидность.

Наконец, основы на *t*, принимая суффикс *-ak*, склоняются, как основы на *ŏ*.

Таким образом, все эти имена представляют одно склонение имен существительных мужеского рода, в котором приходится различать лишь две

разновидности: а) склонение имен существительных мужеского рода с современной основой на твердый согласный звук и б) склонение имен существительных мужеского рода с современной основой на мягкий согласный звук. В сущности же лишь в некоторых падежах мягкие основы отличаются по окончанию от твердых. В силу этого обе разновидности, твердая и мягкая, будут рассмотрены здесь вместе и лишь там, где меж ними есть различие, будет сказано отдельно о падежных окончаниях твердой и мягкой разновидности.

Родительный падеж.

При господствующих формах с окончанием *а* широкое распространение имеют формы на *у* (влияние основ на *ŭ*). Только от названий живых существ родительный падеж не принимает окончания *у*, от имен же других категорий он может принимать его.

Такого рода формы однако не отличаются устойчивостью: вещественные и собирательные имена, односложные и многосложные слова независимо от места, подвижности или неподвижности их ударения могут принимать в родительном падеже окончание *а* или *у*, при чем у одного и того же лица наблюдается колебание между формами на *у* и на *а*.

Записи М. Н. Косич и А. Д. Нечаева, правда, не представляют здесь обильных примеров.

Примеры.

Мглинский уезд, М. Н. К.: с пирявýлачку (Жуково, 75), с цирямóчку (ib., 76), марбзу (Кожемяки, 83), пахóду (ib., 83), кала ты́ну (Росуха, 35), краю́ (ib., 49), сáду (ib., 51), крáю (Яблонка, 25).

Стародубский уезд: лéсаньку (Верканька, 43), лéсу (ib., 43), изпад сáдзику (ib., 43), кала гáю (Жигалки, 60), сьвéту (Михайловск, 50), жáру (Невзорово, 104), агню́ (ib.), из цéрему (Семешково, 18, но тут же и — из цéрема), цвéту (Погар, 108).

Новозыбковский уезд: гóласу (Манюки, 83), биряжкý (ib., 91), пирявóзу (ib., 92).

В записях А. Д. Н.: 18), тéриму (Гарцево, 21), пахóду (ib., 39), з гóраду (ib., 60), сáданьку (Абаринки, 63), да шинкý (ib., 77), сы правýлачку (ib., 88), рукавóчку (ib., 90), я́рмалку (ib., 91).

В ответе на Академ. великорус. программу № 282: из гóраду з Трубчéвську, з Бря́ньську, з базáру, з вýгалку (§ 151).

В ответе на такую же белорусскую программу № 6 приводятся преимущественно вещественные имена с окончанием *у*, но также и форма—звóну.

Почти от всех этих имен возможны однако в говоре и формы на *а*.

В словах мягкой разновидности окончание *у* встречается несколько реже, напр.: дзе́гцю, кле́ю, пако́ю, бо́ю, ча́ю, ро́ю, карава́ю, малача́ю, хме́лю, ло́ю, но—ща́вля, агня́, пня́, ко́рня, ло́кця, но́гця, ячме́ня и друг. Возможны здесь однако и формы на *а*.

Сравни другие белорусские говоры (акад. Е. Ф. Карский. Op. cit., т. II, в. 2, стр. 161—164).

Дательный падеж.

Дательный падеж у обеих разновидностей имеет только формы на *у*.

Примечание. Встречающаяся в записях М. Н. К. форма *дру́зи* (Кожемяки, 67) не может приниматься во внимание: происхождение ее — требование рифмы: «и свёкру й свякру́си и ня лю́баму дру́зи».

То же и в других белорусских говорах, за исключением югозападных диалектов (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 164—166).

Местный падеж.

Местный падеж имеет в твердой разновидности 1) *е* под ударением и *і* при безударности и 2) *у* (из основ на *й*).

В мягкой разновидности, а также и у слов с отвердевшими согласными те же окончания, что и в твердой, с тем лишь отличием, что и при ударении на окончании нередки местные падежи на *і*: у караблі́, на кані́, на канцы́, на нажы́, но также и — на каню́, на нажу́.

Иначе в других белорусских говорах, где в мягкой разновидности обыкновенно *і*. (См. акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 175—176).

Установить, при каких условиях местный падеж принимает *у* и при каких *е/і*, повидимому, не представляется возможным. Некоторая закономерность наблюдается в положении после предлога *на* (по), где всегда *у*, при чем *у* имеют и односложные в именит. падеже слова; после других предлогов при ударении на окончании местный падеж у односложных обыкновенно имеет *у*, а при ударении на основе — *і*.

Примеры.

Мглинский уезд:

У са́дзи (Бородинка, М. Н. К., 34, 100; Жуково, ib., 71);
у ле́си (Росуха, М. Н. К., 62; Мглин, ib., 112);
у лу́зи (Кожемяки, М. Н. К., 68; Мглин, ib., 112) и т. д.

Стародубский уезд:

ў са́ди (Абаринки, А. Д. Н., 81; Гарцево, ib., 17, 25, 33; Ильбово, ib., 100, 102; Лупеки, М. Н. К., 16, 51; Погар, ib., 109; Семешково, А. Д. Н., 114);
у ле́си (Абаринки, А. Д. Н., 72; Гарцево, ib. 19; Лупеки, М. Н. К., 72);
у лу́зи (Лупеки, М. Н. К., 72), но—пры шляху́ (Шапочка, М. Н. К., 65); на сыро́м дубу́ (Абаринки, А. Д. Н., 72); ў стяпу́ (Гарцево, А. Д. Н., 58); у даму́ (г. Мглин, М. Н. К., 112; Невзорово, ib., 72; г. Погар, ib., 108); у тваём дважу́ (Семешково, А. Д. Н., 117).

С своей стороны, могу привести: на во́зі и на вазу́, на ве́рсі и на вярху́, на но́сі и на насу́, на ду́бі и на дубу́ и т. д. в зависимости от ударяемости и безударности окончания.

В отдельных однако случаях употребительна и та и другая форма и при ударении на ней: на *дажджу́* и на *дажджэ́*.

У неодносложных не наблюдается зависимости окончания местного падежа единственного числа от ударяемости и безударности его. В записях М. Н. Косич и А. Д. Нечаева в том и другом случае также *у*.

Примеры.

Мглинский уезд: М. Н. К.: на пяску́ (Бородинка, 18), у са́дзику (Кожемяки, 87), у мяшку́ (Яблонка, 24), на ве́ничку (ib., 31).

Стародубский уезд: у вянку́ (Гарцево, 39), на ку́сьцику (Лупеки, 25), на пяску́ (Новоселки, 26), па ляску́ (ib.), на ры́начку (Погар, 109).

В записях А. Д. Н.: нажо́ўтам пяску́ (Гарцево, 56), на захо́ду (ib., 58), ў гаршку́ (Абаринки, 84), на плато́чку (ib., 93), па сваи́му ба́тьку (ib., 96), па том бру́сьсю (Ильбово, 106).

В ответе на Академ. программу № 282: у пяску́, на дячку́, на дяви́чнику, на шляху́, на сто́лику, на стагу́ (§ 151).

В ответе на такую же программу № 269: при атцу́, в песку́.

В статье Ан. Ф. Полевого: у ву́ху, у Бря́ньську и др.

Но почти от всех приведенных здесь слов употреблены и местные падежи с окончанием *е*.

Слова с подвижным ударением и в положении после предлогов *у* (в) и *на* не имеют обязательно *у* в местном падеже единственного числа и представляют колебание.

Звательный падеж.

В современной разговорной речи не встречается форм звательного падежа, несходных с именительным. Звательный падеж по форме обыкновенно совпадает с именительным; лишь от отдельных слов сохраняются

особые, отличные от именительного падежа формы звательного; такова, напр., весьма распространенная форма *бра́цiку:* «не, бра́цiку мой, ня во́зьмеш».

Примечание. В песнях, записанных М. Н. Косич и А. Д. Нечаевым, нередки звательные падежи с окончанием *у* и *е* (с соответствующим фонетическим изменением последнего) в твердой разновидности и *у* в мягкой.

Примеры.

Мглинский уезд, М. Н. К.: сы́нку (Кожемяки, 83; Водвинка, 20), бо́жа (Горяны, 15; Росуха, 99; Шапочка, 71), бра́цику (ib.), чалаве́ча (ib., 98).

Стародубский уезд: прапо́ю (Абаринки, А. Д. Н., 82; Ильбово, ib., 105), ду́бу (Берновичи, М. Н. К., 85), карава́ю (Гарцево, А. Д. Н., 18; Росуха, М. Н. К., 16), сы́нку (Гарцево, А. Д. Н. 20, 40, 46), каза́че (ib., 54), бо́жа (ib., М. Н. К., 37; Лупеки, М. Н. К., 25), ме́сячку (Новоселки, М. Н. К., 25), по́пя Гарде́ю (Семешково, А. Д. Н., 114), по́пя Гардзе́ю (Росуха, М. Н. К., 21).

Новозыбковский уезд: сако́лику (Манюки, 92).

Отдельные слова.

Слова *рот* и *нос* имеют местные падежи: у ро́цi и у но́сi.

Примечание 1. Слово *рот* во всех косвенных падежах единственного числа сохраняет, по аналогии с именительным падежом единственного числа, *о* из слабого *ъ*: рот, ро́та, ро́ту, ро́там; в Стародубе весьма употребительно выражение «ро́там и но́сам хапа́юсь» в значении: «беру во все тяжкие, очень тороплюсь с какой-нибудь работой».

Примечание 2. В записях А. Д. Нечаева из села Семешкова встречается местный падеж «ле́ся» (ў тёмнам ле́ся, 117). Ни в других источниках, ни лично мне подобные формы не встречались. (Сравн. аналогичные образования в белорусских местностях, соседних с южновеликорусскими. Акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 176).

Слово *пуць,* перешедшее сюда из основ на *i* краткое, сохраняет в местном падеже старое окончание *i:* при пуцí (Кожемяки, М. Н. К., 67) иногда, впрочем, встречается и — пры пуце́.

В обиходном языке слово *пуць* почти не встречается и вытеснено словом *даро́га*; только родительный и творительный падежи единственного числа сохраняются в переносном значении в выражениях: «ня бу́дзя з яго пуця́»; «пуцём не раз(с)ка́жа» (не расскажет, как следует).

К твердой разновидности этого склонения принадлежат и слова: палы́н (=полынь) и пыл (=пыль), перешедшие сюда, вследствие отвердения конечного согласного звука.

Множественное число.

Именительный падеж.

В *твердой разновидности* формы именительного падежа со старым окончанием основ на *ŏ* исчерпываются современными основами на заднеебный согласный и словами: *species:* *сусе́дзi, не́храсцi* и *чэ́рцi*, переходящими во множ. числе в мягкую разновидность, при чем последнее слово (чэ́рцi) употребляется в именительном падеже мн. числа с окончанием старого винительного падежа, т.-е. с *ы* и с ударением на нем: *черты́,* но, повидимому, лишь в выражении: «черты́ яго ба́цьку зна́юць». Сюда же следует отнести и форму именительного падежа множественного числа *а́нгалi* (Гарцево, А. Д. Н., 19; Росуха, М. Н. К., 17) и также *я́нгалi* и *я́нгулi*, при чем основа его (с точки зрения современного языка) представляет колебание между твердой и мягкой разновидностью: с одной стороны имен. пад. единств. ч. — я́нгуль, а с другой — а́нгел; родит. пад. — я́нгела и я́нгуля и т. д.; то же и во множ. числе.

Окончание *i* (на месте старого *е* из основ на согласный) имеют слова с суффиксами *-iн* и *-цель*: мя́щанi, дваря́нi, крясьця́нi, радзíцелi и подобные им.

Под влиянием таких образований исключительно употребляется и форма — цыга́нi (имен. ед. числа цы́ган).

Во всех других случаях имени́т. падеж множ. числа имеет окончание старого винительного падежа основ на *ŏ*.

Формы имени́т. пад. мн. ч. на *а* вовсе не встречаются.

Примеры: старажы́ (Абаринки, А. Д. Н., 94), лясы́ (М. Н. К., Жигалки, 36; Гарцево, А. Д. Н., 51) и т. д.

В ответе на Академич. великорус. программу № 282: дамы́, паясы́, рукавы́, во́бразы, гла́зы, пи́сари, дахтары́, браты́ (§ 152).

То же и в ответе на такую же программу № 269, в записях М. В. Ушакова, в статье Ан. Ф. Полевого, в ответе Л. Гр. Самосадного и в ответе на программу Московск. Диалект. Ком. 91 (§ 40). В ответе на

программу Моск. Диал. Ком. № 91 отмечено также, что «именительн. падеж множ. числа на *а* от имен муж. рода не употребляется».

В *мягкой разновидности* только формы на *і*.

Родительный падеж.

В *твердой разновидности* почти исключительное употребление имеют формы родит. падежа с окончанием старых основ на *й*, с фонетическим изменением его в *оў* и с соответствующим изменением при безударности звука *о*.

Родительные падежи, восходящие к соответствующей форме основ на ŏ, т.-е. родит. падежи бессуффиксные, крайне редки. Они образуются исключительно от старых основ на согласный во множ. числе: мяшча́н(ь), крясьця́н(ь) и т. п. и цыга́нь, а также иногда и от некоторых отдельных слов, напр.: вало́с, аршы́н, салда́т и некоторых других.

В записях М. Н. Косич встречается также — ра́крут (Вдовинка, 84).

В ответе на Академ. белорус. програм. № 6 отмечено также: аршы́нав, салда́тав, глазо́в, раго́в, чалаве́кав, дру́гав (§ 83).

Примечание. В ответе на Академич. великорус. програм. № 282 отмечены формы род. пад. множ. ч.: мишша́нь, дваря́нь, цыга́нь и цыга́ний (§ 152).

В ответе на такую же програм. № 269 также — меща́нь, дворя́нь (§ 152).[1]

То же и в ответе на такую же белорус. програм. № 6: мишшань.

Некоторые слова имеют родит. падеж множ. числа с тем и другим окончанием: няма́ раго́ў и — бяз ро́г; пяць раз и — разо́ў пяць (в первом случае после числительного).

В *мягкой разновидности* и у слов с основой на отвердевшие согласные также господствует окончание *оў*, напр.: рублёв (Невзорово, М. Н. К., 90), зяцёў (ib., 90), дзивярёў (Росуха, М. Н. К., 51), гвазьдзёў, двёў и т. д. От последнего слова в сочетании его с числительным употребительна и форма *дзён*: пяць, шэсць дзён.

На ряду с *оў* довольно часто встречается окончание основ на ĭ. От некоторых имен оно наиболее или исключительно употребительно, напр.: кане́й и ко́ній, дажджэ́й, мячэ́й и др.

Примечание. В говоре г. Стародуба родит. падеж. множ. числа от слова *кама́рь* (комар) исключительно (если не парализуется книжным

[1] Примеры подчеркнуты в тексте программы с удержанием орфографии.

влиянием) *кама́рэй*; в других падежах единственного и множественного числа это слово также принадлежит к мягкой разновидности.

Слово *гро́шы* с отвердевшим согласным современной основы имеет родит. падеж множ. числа с окончанием основ на ĭ: гро́шый, иногда также и — гро́шы (без *й*).

Другие слова с отвердевшим согласным представляют колебание между окончанием *й* и ĭ основ: ключо́ў (М. Н. К., Бородинка, 87), но и ключэ́й, нажо́ў и нажэ́й, галубо́ў (М. Н. К., Жуково, 100) и галубе́й. Последнее и в других падежах множ. числа представляет то же явление: галуба́м, галуба́мы, галуба́х и — галубя́м, галубя́мі, галубя́х при строго проведенной в единств. числе твердой разновидности: го́луба, го́лубу, го́лубам.

Колебание между окончаниями *й* и ĭ основ замечается и в словах мягкой разновидности: рубле́й и рублёў, вугле́й и вуглёў (рядом с собирательной формой — вуга́льляв).

Единичный, повидимому, случай образования родит. падежа по образцу основ на ŏ представляет слово *суседзі*, перешедшее во множ. числе в мягкую разновидность (о чем смотри выше): род. падеж *сусе́дзь* на ряду с обычной формой *сусе́дзяй*. Косвенное указание на нее дает и встречающаяся в записях М. Н. Косич аналогичная форма винительного падежа: «Яго ма́ци старе́нькая пла́ча и уздыха́я сусе́дзь праклина́я» (Берновичи, 85).

Дательный падеж.

У слов обеих разновидностей только окончание *ā* основ, т.-е. *-ам*. Дательные падежи с окончанием *-ом*, встречающиеся в отдельных белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 196), вовсе не известны.

Винительный падеж.

Винительный падеж представляет сходство с родительным или с именительным падежом в зависимости от «одушевленности» или «неодушевленности» предмета, означенного тем или иным словом.

Винительных падежей с другими окончаниями, известных в других белорусских говорах, не встречается (акад. Е. Ф. Карский. Op. cit., т. II, в. 2, стр. 198—199).

Творительный падеж.

Творительный падеж в твердой и мягкой разновидности имеет только окончание основ на *ā* с *ы* на месте старого *и*, т.-е. *амы*.

Примеры в записях М. Н. Косич.

Мглинский уезд: каўра́мы (Бородинка, 35), агня́мы (ib., 89), караблямы (ib., 89), махра́мы (Водвинка, 14), гаплика́мы (ib., 14), з бая́рамы (ib., 20), дажджа́мы (Кожемяки, 67), луга́мы (ib., 68), бирягамы (ib., 68), вугла́мы ((ib., 96), дажджа́мы (Росуха, 74), марбзамы (ib., 74), каня́мы (ib., 84), хрэста́мы (ib., 90), кулака́мы (ib., 101), писка́мы (Яблонка, 29), ляска́мы (ib., 29).

Стародубский уезд: бара́мы (Бёрновичи, 85), някрута́мы (ib.), биряжка́мы (Далматово, 42), дажджа́мы (Лупеки, 22), сухаря́мы (Невзорово, 104), варага́мы (Платково, 81), кавра́мы (Погар, 108), мяда́мы (ib.), стага́мы (ib.), караба́мы (ib.), пирага́мы (ib.), чабата́мы (Семешково, 14).

Новозыбковский уезд: дуба́мы (М. Н. К., Манюки, 83).

В записях А. Д. Нечаева: уббрамы (Гарцево, 18), зуба́мы (ib., 28), врага́мы (ib., 42), силязня́мы (Ильбово, 110) и т. д.

То же и в записях М. В. Ушакова.

В ответе на Академ. програм. № 282 из Трубчевск. уезда отмечено только окончание *-амі* (§ 155).

Ан. Ф. Полевой отмечает в Новозыбковском уезде формы творит. падежа с окончаниями: *-ам*, *-амі* и *-амы*.

Формы с окончанием *-ам*, по определению А. Ф. Полевого, слышатся в следующих селениях: в Лобановке, Могилевцах, Брахлове, Шамовке, Чолхове, Черноокове, Истопках, Бабках, Плавне, Курознове, Старом Ропске, Крапивном и Гетманской Буде.[1]

Формы с *-амі* отмечены им: в Новом Ропске, Барках, Б. и М. Щербиничах, Шумиловке, Денисковичах, Спиридоновой Буде, Кирилловке, Каменском хуторе, Хоромном, Хотеевке, Янжуловке и Карпиловке.

Формы с *-амы:* в Сачковичах, Рудне, Каменке, Пруске, Киваях, Кневичах, Большой Топали, Каташине, Гулевке, Рубежном, Лакомой Буде, Б. и М. Кривце, Хохловке, Побожеевке, Данченковой Слободе, Рыловичах, Манюках, Скоробогатой Слободе, Тростани и Замишеве.

Примечание. Примеры у Ан. Ф. Полевого с *-ам*, *-амі* и *-амы* не только от слов мужеского, но и женского и среднего рода.

В мягкой разновидности изредка встречаются формы творит. падежа с окончанием *-мі* основ на ĭ; например: ко́ньмі таргу́я; грашмі бря́зкая.

[1] Ан. Ф. Полевым названы еще здесь: Азаричи, Серовка, Кожановка и Барановка, входившие в Гомельский уезд б. Могилевской губернии.

Большее распространение подобные формы имеют в других говорах белорусского языка. (Ср. акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 202—203).

Местный падеж.

Местный падеж такого же образования, как и творительный, т.-е. только с окончанием *-ах* основ на ā.

Обычных в других белорусских говорах местных падежей с окончанием *-ох* под ударением в говоре не имеется.

Примечание. **Звательный падеж.** Оригинальная песенная форма звательного падежа, при отсутствии такой формы в имен. пад. множ. числа, встречается в щедровной песне, записанной М. Н. Косич в г. Погаре: «Добрый вечар, мосьця панове!» (стр. 108).

Слова, восходящие к основам на *n* и *t*.

Слова муж. рода, восходящие к старым основам на *n*, сконяются, как имена мягкой разновидности основ на ŏ мужеского рода, напр.: ка́мень, ко́рень и т. д.

К словам мужеского рода, как уже отмечено, принадлежат частично и слова, восходящие к старым основам на *t* среднего рода. Кроме слова *дзіця́*, принадлежащего к склонению имен среднего рода (о чем ниже), старые основы подверглись изменению и осложнились суффиксом *-ак* (-ок), напр.: цялёнак, ваўчо́нак, парасёнак, гусёнак, вуцёнак и т. д. и вытеснили старые формы, восходящие к — тела, пороса, гуса и т. д. Сохранились они лишь частично (о чем в склонении имен среднего рода). Новые образования на *-ак* всецело следуют склонению имен мужеского рода, отчасти сохраняя *-ак* и во множ. числе: цялёнак, цялёнка, цялёнку и т. д., множ. число: цялёнкі, цялёнкаў, цялёнкам и т. д.; чаще однако встречаются формы множ. числа от старой основы на *t* с современными окончаниями имен муж. и средн. рода на ŏ: вуця́ты, вуця́т, вуця́там, вуця́т, вуця́тамы, вуця́тах, парася́ты, цяля́ты, шчаня́ты, цыпля́ты и т. д., лишь некоторые слова почти исключительно образуют формы множ. числа от основы с суффиксом *-ак*, напр.: чарцёнкі, мышо́нкі и т. д. Часты также в единствен. и множ. числе образования от этих слов с усложненным суффиксом *-анёнак* (-янёнок): чарцянёнак (иногда рядом с чарцёнак), мышанёнак, мышанёнкі, но — чарцёнкі. Нередки также во множ. числе образования от них с суффиксами *-аня́т-* (-янят-): мышаня́ты, папяня́ты (единствен. ч. папяно́к и папёнак, во множ. числе приходилось слышать также — папёнкі и папянкі), чарцяня́ты.

Иначе в других белорусских говорах (см. акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 247); сравни великорусские говоры.

На ряду со словом *дзіця́* весьма часты и, пожалуй, более употребительны такие же образования с *-ак*: дзіцёнак, р. дзіцёнка, д. дзіцёнку, в. дзіцёнка, тв. дзіцёнкам, м. дзіцёнкі(е). Множ. же число имеет только следующие образования: им. дзе́ці, р. дзяце́й, д. дзяця́м, в. дзяце́й, тв. дзяця́мы, м. дзяця́х. Форма творит. пад. множ. числа *дитя́мы* встречается и в записях А. Д. Нечаева (Абаринки, 85).

О некоторых другит явлениях в склонении имен, восходящих к старым основам на *t*, смотри в склонении слов среднего рода.

Собственные имена на *о* и уменьшительные.

Собственные имена с окончанием на *о*: Пятро́, Павло́ и т. д. с ударением на нем принадлежат к склонению имен мужеского рода; при неударяемости же *о* и соответствующем изменении его склоняются как имена женского рода: Гаўры́ла, Даніла, Ляксáндра, Мáрка; р. п. Гаўрылы, Данілы, Ляксáндры и т. д.

Уменьшительные имена на *-ка* представляют в склонении колебание между основами на *ŏ* и на *ā*, т.-е. между словами мужеск. и женск. рода.

Примеры.

Аднаго́ Иваничка (Погар, М. Н. К., 108), к бáтюшку (Гарцево, А. Д. Н., 49; Ильбово, ib., 102, 108), к бáтьку (Абаринки, А. Д. Н., 80, 87, 95), сваймý Андрэ́ячку (Бородинка, М. Н. К., 15), з бáцькам (М. Н. К., Жигалки, 66). Вáнячк°м (А. Д. Н., Семешково, 115), а с другой — дитя́тки, дитя́тку (вин. ед., А. Д. Н., Абаринки, 69), салаве́йку (Водвинка, М. Н. К. 97; Михайловск, ib., 50), к майму бáтюшкѣ (Ильбово, А. Д. Н., 108), сьвёкарьку (вин. ед., А. Д. Н., Гарцево, 22), сплязе́ньку (вин. ед., М. Н. К., Лупеки, 26).

Собирательные имена.

Собирательные имена с ударением на окончании — вараньнё, мужыччо и др. переходят в средний род и склоняются только в единственном числе, не образуя форм множ. числа: вараньнё, вараньня́, вараньню́, вараньнём, вараньнё и т. д.

Имена же с ударением на основе, напр.: брýсься, зе́льля, каме́ньня, стрýчча, ко́льля, кло́чча, прýцьця, кліньня, пало́зьзя, карэ́ньня, ласкýцьця, вало́сься и др. имеют формы единств. и множ. числа, при чем имен. падеж множ. числа имеет окончание *і*: брýсьсі, карэ́ньні, пало́зьзі и т. д., а родит.

множ. ч. принимает окончание основ на *ĭ*: — брýсьсяў, карэ́ньняў, пало́зьзяў и т. д. Несколько иначе в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 149).

Примечание. Собирательные имена от слов: сын, кум, зяць, брат, шýрын в говоре не встречаются. Формы имен. пад. множ. числа: сыны́, кумы́, зяці́, браты́, шýрыны. То же и в ответе на Акад. в.-р. програм. № 282.

Средний род.

Слова среднего рода в говоре обнимают: 1) старые основы на *ŏ* твердой и мягкой разновидности, 2) старые основы на *s*, совпавшие в формах склонения с основами на *ŏ*, 3) старые основы на *n* и 4) частично старые основы на *t*.

Слова, восходящие к старым основам на *ŏ* в твердой в мягкой разновидности и на *s*, в именительн. и винительн. падежах единственного числа при безударности окончания, вследствие указанных уже фонетических причин, совпадают с такими же безударными формами именительного падежа имен женского рода на *а*, а в остальных падежах единственного числа имеют те же окончания, что и имена мужеского рода, с тем лишь отличием, что 1) винит. пад. = имени́т., 2) род. падеж никогда не принимает окончания *у* и 3) более редки такие же (т.-е. с *у*) местные падежи. Лишь после предлога *па* (по) они, как и в словах муж. рода, употребляются исключительно.

Во множ. числе именит. и винит. падежи в твердой разновидности и в словах с отвердевшими согласными (кальцо́, во́гніща) имеют только *ы* или *і* у слов с основой на задненебный согласный.

Примеры.

Вако́шки (М. Н. К., Водвинка, 19), лы́ки (ib., 47, Росуха), письмы (А. Д. Н., Гарцево, 28), во́зиры (ib., 51), бало́ты, карыты, зёрны, гýмны, во́кны, пало́тны, сёдлы, сёлы, яйцы, гнёзды, пя́тны, вёдры, во́блакі, калёсы, стёклы и т. д.

Таковы же и формы винительного падежа.

Примеры.

Пало́тны (М. Н. К., Росуха, 101), вёслы (Погар, 107), вёдры (А. Д. Н., Гарцево, 49), варо́ты (М. Н. К., Бородинка, 18: Жигальки, 60; Погар, 109) и т. д.

В ответе на Академич. великорус. программу № 282: варо́ты, бало́ты, брёвны, вёслы, дро́вы, стёклы и т. д. (§ 166).

В такой же программе № 269 приблизительно те же примеры (§ 166).

В такой же белорусской програме № 6: варо́ты, сёлы, во́кны, ко́льцы, калёсы, я́йцы, сёдлы и т. д.

Примечание. В записях М. Н. К. и А. Д. Н. в песнях встречаются также формы имен.-винит. пад. множ. числа *ле́та* (должно быть под церковным влиянием).

Примеры.

М. Н. К.: Новые Ивайтенки, 64; Жигалки, 60; Росуха, 99; в последнем случае (т.-е. Росуха, 99), *ле́та* рифмуется со словом *се́та,* введенным в стих вместо *сеяно* для рифмы: «Се́та, се́та на но́ва ле́та». У А. Д. Н. форма *лета* с *т* мягким: «Мае́ ле́тя малады́я, тяпе́рь й мне пагуля́ть» (Абаринки, 67).

Едва ли однако в формах на *а* можно видеть образования живой, народной речи; в частности, форма *лета* в значении года мало употребительна и, кажется, ограничивается песнями, при чем в одной, известной мне вертепной песне (поется в г. Стародубе) — ле́ты: «Пашлі ле́ты шчаслі́выя сямў до́му гаспаді́ну».

Pluralia tantum также имеет только *ы*, наприм.: варо́ты, дро́вы и т. д., хотя у А. Д. Н. встречается и *варата́* (Гарцево, 33, 35, 39, 45, 52; Ильбово, 111); то же изредка и у М. Н. К. (Лупеки, 102; Погар, 111).

В мягкой разновидности имен. и винит. падежи имеют *а* и при безударности *і*, напр.: паля́, маря́, пла́цьці, іме́ньні и т. д.

Примечание. В ответе на Академич. великорусскую програму № 282 отмечен имен. пад. множ. числа — мо́ри (§ 166).

Родительный падеж множ. числа.

В твердой разновидности исключительное употребление имеют формы старых основ на *о:* вако́н, вако́шак, варо́т, вазёр, я́блак, во́блак, мест, сёл и т. д.; родительный падеж на *-оў* реже встречается.

Лишь в ответе на Академич. великорус. програм. № 282 из Трубчевского уезда отмечены род. падежи: дяло́в, акно́в, място́в (§ 167).

То же и в белорусск. програм. № 6: пи́сьмав, во́кнав, пало́тнав.

Слово *пляч́о* с отвердевшим согласным представляет, подобно аналогичным именам мужеского рода, колебание между окончанием основ на *ŏ* и на *ĭ:* пле́ч и плячэ́й.

Мягкая разновидность, наоборот, имеет окончания только основ на *ĭ:* пале́й, марэ́й и т. д. и отчасти основ на *ŏ:* пла́цьцяў, іме́ньняў и т. д.

Дательный, творит. и местный падежи.

Дательный, творит. и местный падежи имеют те же окончания, что и в муж. роде.

Слова, восходящие к основам на *s, n* и *t*.

Слова, восходящие к именам со старой основой на *s* ,как уже отмечено, совпали с основами на *ŏ*. Лишь формы *небяса́* и *чудяса́* сохраняют старый суффикс *es,* но они, особенно *небяса́,* крайне редки: косвенные падежи от них вовсе не употребительны. Оба слова, как и другие слова этой основы, перешли в склонение основ на *ŏ*. Суффикс *s* сохраняется также и в слове *калёсы* (телега). Имен. пад. ед. числа *ко́ла* говор не знает, но общеупотребительно производное от него *падко́л* (напр., па-пад кло́бью, М. Н. К., Лупеки, 72).

Примечание. В записях М. Н. К. (Погар, 108) в щедровной песне встречается форма местного падежа ед. числа *на нибясы́* («Славен ясы́, наш ми́лый бо́жа, на нибясы́»), но она не употребительна в разговорной речи, и из приведенного стиха ясно ее церковное происхождение.

Старые основы на *n* перешли в единств. числе в мягкую разновидность основ среднего рода на *ŏ* и не принимают суффикса *en* (ср. акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 245—246); наприм.: і́мя, урэ́мя, се́мя, бярэ́мя; дат. п. і́мю, урэ́мю, се́мю; тв. п. і́мем, урэ́мем, се́мем; мест. п. аб і́мю, аб се́мю, па і́мю, па ўрэ́мю, па се́мю. Формы множ. числа почти неупотребительны; лишь от слов *урэ́мя* и *се́мя* употребительно *урэмяна́* и *семяна́*. От слова *і́мя* можно иногда слышать родительный падеж *і́мяў* и твор. пад. *і́мямі*. Вместо *і́мя* в имен. пад. единств. числа обычна и форма *і́мё,* род. п. *ім'я́*. В записях М. Н. К. (Гриденки, 54) встречается *им'ё*.

Основы на *t* (среднего рода) в единств. числе почти вытеснены образованиями с суффиксом *ак* (ок), переводящим их в мужеский род (о чем см. выше).

Сохраняется лишь от некоторых слов старая, с соответствующим изменением форма имен. падежа един. числа средн. рода: дзіця́, пара́ся, щаня́, вуця́, цяля́; но и они, кроме формы *дзіця́*, довольно редки и употребляются главным образом в определенных выражениях, напр.: «щаня́ тако́е» — в применении к малорослому ребенку, «парася́» — в применении к грязному, неопрятному ребенку, «цяля́ тако́е» — в характеристике малоразвитого и непонятливого ребенка и даже взрослого человека. *Цяля́* наиболее употребительно в значении звательного падежа, а также в окрике: «цяля́, пашла́!»;

в оклике, в обращении употребительно и образование *вуць* и *ву́ці* («вуць, вуць!» и «ву́ці, ву́ці!» зовут обыкновенно уток).

В записях М. Н. К. (Жуково, 74) и А. Д. Н. (Ильбово, 98) встречается нередкая и в разговорчивой речи форма *вуця́мы* — образование по аналогии с формой *гуся́мы*. Обычны также и формы дат. падежа множ. числа *вуця́м*.

Форма имен. пад. единств. числа *дзіця́* часто употребляется, но формы косвенных падежей в разговорной речи неупотребительны и вытеснены соответствующими образованиями с суффиксом *-ёнак* (-ёнок), переводящим слово в мужеск. род. — дзіцёнак, дзіцёнка, дзіцёнку и т. д. (См. выше в склонении имен муж. рода).

Примечание. В записях М. Н. К. и А. Д. Н., кроме именит. падежа, встречаются и формы косвенных падежей:

дательный падеж единств. числа: дзиця́ци (М. Н. К., Росуха, 17; Водвинка, ib., 19);

местный падеж: дзиця́ци (М. Н. К., Кожемяки, 66, 67; также и у А. Д. Н., Гарцево, 18).

У М. Н. К. (Росуха, 22, Водвинка, 19) встречается и *винительный* падеж единств. числа с окончанием основ на *ā* — дзиця́цю.

Имена женского рода.

Слова женского рода обнимают: 1) старые основы на *ā* твердой и мягкой разновидности, 2) старые основы на *ĭ*, 3) старые основы на *ū* и 4) старые основы на *r*. Основы на *ū* и *r* подверглись значительным изменениям и приняли окончания основ на *ā*. Основы на *ā* и *ĭ* отчасти сохранили старые (с соответствующими изменениями) окончания, отчасти представляют следующие явления.

А. Основы на *ā*.

Основы на *ā* представляют незначительное отклонение от старых форм в окончаниях дательн., твор. и местного падежей един. числа имен твердой и мягкой разновидности (винит. един. числа, разумеется, имеет общерусское окончание *у* из *о* носового, о чем говорить не приходится).

Дательный и местный падежи.

Дательный и местный падежи представляют в твердой и мягкой разновидности под ударением окончание *-е* и при безударности *-і*; после отвердевших согласных *-ы*. Изредка и под ударением встречается *-і́*: к сыро́й земли́ (М. Н. К., Невзорово, 72).

Более часты случаи форм с *-і* под ударением в ответе на Академич. великорус. программу № 282: к радни́, к ряки́, к земли́, на зари́, к дачки́, на земли́ (§ 160).

В других источниках подобных примеров нет.

Иначе в других белорусских говорах, где имена мягкой разновидности всегда имеют *і* (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 216).

Пред рефлексом старого *ѣ* в дат. и местн. падеж. единств. числа сохраняется смягчение задненебных в соответствующие им свистящие звуки, наприм.: на руцэ́, на назе́, к Лявонісі (см. выше в отделе о задненебных).

Творительный падеж.

В творительном падеже на ряду с окончанием *-ою* (-аю) в твердой разновидности и *-ею* (-яю) в мягкой встречаются сокращенные формы на *-ой* (-ай) и *-ей* (-яй). В последнее время окончание *-ой*/*-ей* имеет значительное распространение.

Примеры.

Мглинский уезд: расо́ю (Бородинка, М. Н. К., 69), ро́жаю (Горяны, ib., 15), сястро́ю (ib., 48), заре́ю (Росуха, ib., 25), капо́ю (ib., 29), жано́ю (ib., 29), слуго́ю (ib., 29), паро́ю (ib., 74), жо́нкаю (ib., 77), вадо́ю (ib., 81), удаво́ю (ib., 81), бярёзаю (Шапочка, 66), гаро́ю (ib., 66), кудзе́ляю (ib., 98), и т. д.

Стародубский уезд: заре́ю, сястро́ю (Гарцево, М. Н. К., 30), пе́чкаю (ib., 31) и т. д. и рядом с ними — гаро́й (Росуха, 40), сястро́й (Горяны, 48) и т. д.

То же и в Академич. белорус. програм. № 6 (§ 92).

В ответе на Академич. великорус. программу № 269 имеем только — жено́й, шу́бой (§ 159).[1]

В ответе на такую же программу № 282, наоборот, отмечено, что конечное *-ой* не встречается (§ 159).

Звательный падеж.

Старые формы звательного падежа утрачены говором; вместо них имеют распространение или формы именит. падежа или значительно чаще, особенно в городах и местах с великорусским влиянием, формы с фонетической утратой конечного гласного: мам, цёць, баць, Пець, вуць и т. д., несвойственные другим белорусским говорам, кроме соседних с великорусскими. (Ср. великорусский язык).

[1] Примеры подчеркнуты в программе с сохранением их орфографии.

То же и в ответах на Академич. великорус. програм. №№ 269 и 282 (§ 149) и белорус. № 6 (§ 89).

Множественное число.

Во множественном числе в твердой разновидности исключительно старые формы, кроме форм творит. падежа.

В творительном падеже так же, как и в именах мужеск. рода, на ряду со старым окончанием *-амі* широкое распространение имеет окончание *-амы*.

Примеры.

Мглинский уезд: свéчкамы (М. Н. К., Бородинка, 16), прыгрóзамы (Росуха, ib., 74), пáрамы (ib., 84), ладóшкамы (ib., 101), нагáмы (Яблонка, 29), рукáмы (ib.), былúнаю (Шапочка, ib., 63) и т. д.

Стародубский уезд: тýчамы (М. Н. К., Лупеки, 22), птáшкамы (Човпня, ib., 17), падрýжкамы (Новоселки, 26), слёзкамы (ib.), гарáмы (Бёрновичи, 85) и т. д.

В записях А. Д. Н.: з дéвкамы (Абаринки, 65), тýчамы (ib., 66), кáртамы (Гарцево, 24), губáмы (ib., 28), слизáмы (ib., 39), гарáмы (ib., 42) и т. д.

Новозыбковский уезд: брóўкамы (Манюки, М. Н. К., 52), слязáмы (ib., 83).

То же и в Академич. великорус. программе № 269 (§ 164) и в записях М. В. Ушакова.

Наоборот, в Академич. великорус. программе № 282 и белорус. № 6 отмечено только окончание *-мі*.

Изредка встречаются творит. пад. множ. числа и с окончанием старых основ на *ĭ:* слязьмí (М. Н. К., Росуха, 75, 84; Жуково, 75; Мглин, 112).

В мягкой разновидности те же падежные окончания, что и в твердой; лишь некоторые имена имеют в родит. пад. множ. числа *-ей* (из основ на *ĭ*): зьмей, сьвіньнéй, наздрэ́й и т. д.

То же и в словах с отвердевшей согласной: свячá — свячэ́й, но клячá — кляч.

В словах на *-ня* в родительн. пад. множ. числа сохраняется конечный мягкий согласный: бáсень, пáшань, пéсень, вúшань, я́блань и т. д.

Слова мужеского рода, относящиеся к этому склонению, представляют в отдельных падежах колебание между формами основ на *ŏ* и на *ā:* тáтухны (род. ед. числа, Водвинка, М. М. К., 19), тáтухны (дат. ед., Росуха ib.), тáтухну (вин. п. ед. ч., Водвинка, ib.), но — с тáтухнам (ib., 20), с тáтухнᵒм (Гарцево, А. Д. Н., 20), тáтухну (д. ед., Абаринки, А. Д. Н., 62, 73, 86, 89),

к п'яницу (ib., 95), также весьма обычны: п'я́ніцай и п'я́ніцам, судзьдзёй и судзьдзём, са стáрастам и са стáрастай.

В статье Ан. Ф. Полевого отмечены в творит. пад. един. числа формы только с окончан. *-ам*: тáтам, сабáкам, бáтькам и т. д. (стр. 280).

Из отдельных явлений внимания заслуживает старая форма имен. падежа един. числа на *і* — пáні: «Пáни лижáла, хрэ́ну бажáла» (Бородинка, М. Н. К., 40); употребительна она и в разговорной речи, рядом с *пáня*; запись М. Н. Косич приводит из разговорной речи и форму звательного падежа: «Пани, а пани! Во бублики гарячые» (Стародуб, 107); у А. Д. Нечаева только — паня: «Драстуй, мая паня» (Абаринки, 86).

Б. Основы на *ĭ, ū* и *r*.

Имена женского рода с мягким конечным согласным восходят к старым основам на *ĭ* краткое. Часть слов, приняв соответствующее окончание (бáсьня, пéсьня, я́бланя), всецело перешла в основы на *ā*.

В единств. числе старые формы основ на *ĭ* сохраняются, при чем в творит. пад. единств. числа *j* ассимилируется предшествующему согласному: нóччу, кóсьцю, сóльлю, рэ́ччу, пéччу. От слова *ноч* встречается и форма *нóчаю*. (Ср. акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 236).

Во множ. числе род. падеж принимает только *-ей*. (Ср. другие белорус. говоры у акад. Е. Ф. Карского. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 338).

В дательн., творит. и местн. падежах только формы *ā* основ, при чем твор. имеет *-амы* (-ямы) вместо *-амі* (-ямі).

Примеры.

Дзьверя́мы (М. Н. К., Бородинка, 87; Водвинка, 98; Семешково, 14), дверя́мы, А. Д. Н., Гарцево, 21), кистя́мы (Погар, 107), рэчáмы (ib., 109).

Весьма редки творит. падежи множ. числа с окончанием основ на *ĭ*. Мне известны лишь — касьцьмí и пляцьмí. Иначе в других белорус. говорах (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 238—239).

Из других явлений частного характера, представляющих единичные случаи, отмечу: а) вин. п. един. числа *пастéлю*: «Бел-пастелю слати» (Абаринки, А. Д. Н., 68), если только он не от именит. падежа *пасьцéля;* ни то ни другое мне не встречалось: общеупотребительны именит. и винит. пад. един. числа *пасьцéль;* б) форма имен. пад. ед. числа *дзьверь* менее употребительна, чем форма множ. ч. *дзьвéры*.

Примечание. Форма *двéри* встречается и в записях М. Н. К. из Човпни (66).

в) Местн. п. един. числа от слова *грудзь*, должно быть, по аналогии со словом *сьпіна́*, принимает окончание основ на *ā*: у грудзе́ балі́ць; более употребительны однако формы множ. числа, когда говорится и про мужчину:

«И ня стрыжаны вусы,
На грудзях висяць хрясты» (Росуха, М. Н. К., 86);
«Идець, мой милю́сенький,
У за́сцежки на грудзях лента красная» (Шапочка, ib., 98).

г) От слова *ло́шадзь* некоторые падежи образуются иногда, как в именах мягкой разновидности муж. рода с основой на *о*: род.-вин. един. числа лашадзя́ («вот далі нам лашадзя»), дат. п. ед. ч. лашадзю́, твор. п. ед. ч. лашадзём, местн. п. ед. ч. на лашадзю́ (по аналогии со словом *конь* и ударение здесь перенесено на окончание).

Слово *гусь* сохраняет старую принадлежность к женскому роду.

К склонению основ на *ĭ* принадлежат и имена числительные от *5* до *19*, а также *20, 30, 50, 60, 70* и *80*, при чем нередко встречаются формы некоторых падежей, сходные с подобными образованиями в других белорусских говорах (см. акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 329—331).

С основами на *ā* и *ĭ*, как уже отмечено, совпали целиком, утратив старые окончания, и основы на *ū* и *r* или представляют колебание между той и другой основой.

Из отдельных слов, восходящих к старым основам на *ū*, отмечу следующие:

Слово *сьвякро́ў* (свекровь) вовсе не употребительно и заменено новообразованием — сьвякру́ха; то же и в записях М. Н. К. (Росуха, 63, 79; Водвинка, 12; Шапочка, 98; Лупеки, 72).

Слово *ця́рькаў* (церковь) или переходит в склонение основ на *а*: ця́рьква, ця́рьквы, ця́рькваю и т. д., при чем род. пад. множ. числа с окончанием основ на *ĭ*: царьквéй, дат. царьква́м, твор. ця́рьквамы, мест. ця́рьквах, или в имен. п. един. числа имеет старую, с соответствующим изменением форму винительного падежа ед. числа: ця́рькаў, а в твор. един. ч. ця́рькаўю.

Исключительно основам на *ā* принадлежит слово *мо́рква*: мо́рква, мо́рквы, мо́ркву, мо́ркваю и т. д.

Слово *любо́ў* (любовь) в родит. п. един. числа имеет — любо́ви (Мглин, М. Н. К., 112); отмечу здесь и весьма редкий имен. падеж един. числа — лю́бва.

Слова *маць* и *доч*, восходящие к старым основам на *r*, в разговорной речи малоупотребительны; употребление их ограничивается исключительно городом; в говоре же деревень исключительно господствуют производные — ма́тка и дачка́ или реже — до́чка. Формы косвенных падежей также образуются от них. Лишь в выражении — «тря́сца (лихорадка) ма́теры тваёй» употребительна исключительно старая форма дательного падежа с отвердевшим *r*.

Примечание. Записи песен у М. Н. К. и А. Д. Н. дают несколько случаев употребления в песнях старых форм некоторых падежей от слова *ма́ці*.

Примеры.

Именит. пад. ед. ч. Мглинский уезд: ма́ци (Кожемяки, 66, 67, 83; Росуха 17; Шапочка, 63, 65).

Стародубский уезд: ма́ци (Берновичи, 85; Гриденки, 52; Лупеки 31; Михайловск, 60), ма́ти (Погар, 111; Гарцево, А. Д. Н., 17, 40; Абаринки, ib., 64).

Родит. пад. ед. ч. Стародубский уезд: ма́ци (М. Н. К., Невзорово, 104; Михайловск, 60), ма́ти (Погар, 109; Гарцево, А. Д. Н., 48; Абаринки, ib., 64).

Дательн. пад. ед. ч. Стародубский уезд: ма́ти (Погар, 111).

Винит. пад. ед. ч. Стародубский уезд: ма́ти (Гарцево, А. Д. Н., 25).

Зват. пад. ед. ч. Мглинский уезд: ма́ци (Росуха, 22, 84).

Новозыбковский уезд: ма́ти (Манюки, 92).

Стародубский уезд: ма́ци (Берновичи, 85; Михайловск, 60; Новоселки, 50), ма́ти (Погар, 109, 110).

В записях М. Н. К. встречается зват. падеж *до́ня* (Росуха, 101), а также винительный (ib., 101) и зват. (ib.) *до́ню*, но в разговорной речи они неизвестны (ср. украинск. язык).

Краткие прилагательные.

В разговорной речи краткие формы имен прилагательных известны только в роли сказуемого; в значении же определения употребительны лишь полные формы прилагательных; полные в роли определений представляют и прозаические записи А. Д. Нечаева. Сравни другие белорус. говоры, где рифма также оказывает влияние на употребление крат-

ких форм прилагательных, возникших путем стяжения полных форм (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 297, 298, 299 и след.).

Примечание. Записи песен М. Н. Косич и А. Д. Нечаева представляют значительное количество случаев употребления прилагательных мужеск., женск. и средн. рода в краткой форме в следующих падежах.

Именительный пад. един. числа мужеск., женск. и среднего рода. *Мглинский уезд*, М. Н. Косич: Водвинка, 12; Жуково, 72; Росуха, 40, 61, 91; Шапочка, 64, 65, 71.

Стародубский уезд: Быстриков, 44; Жуково, 65; Лужки, 52; Михайловск, 50; Невзорово, 50; Новоселки, 26; Платково, 81; Погар, 110 и т. д.

В записях А. Д. Н.: Гарцево, 26; Абаринки, 64, 85.

Новозыбковский уезд: Манюки, 83, 92.

Суражский уезд: Клинцы, 103.

Родительный падеж един. числа мужеского рода. *Мглинский уезд:* Бородинка, 15; Жуково, 71.

Стародубский уезд: Погар, 110.

Дательный падеж един. числа мужеского рода. *Мглинский уезд:* Росуха, 79; Кожемяки, 67.

Стародубский уезд: Анушино, 51; Лупеки, 45, 103; Новоселки, 49.

Винительный падеж един. числа. Мглинский уезд: хут. Александровка, 90; Бородинка, 89; Кожемяки, 83; Мглин, 112; Росуха, 63, 79; Шапочка, 63.

Стародубский уезд: Анушино, 51; Гарцево, 44; Далматово, 42; Лупеки, 103; Новоселки, 50; Невзорово, 85, 104; Платково, 81; Погар, 109; Човпня, 26.

В записях А. Д. Н.: Абаринки, 80; Гарцево, 31; Ильбово, 112; Семешково, 114, 119.

Суражский уезд: Клинцы, 103.

Новозыбковский уезд: Манюки, 52, 91, 92.

Звательный падеж един. числа. Мглинский уезд: хут. Александровка, 90; Бородинка, 89.

Стародубский уезд: Гарцево, 80; Новоселки, 50; Новые Ивайтенки, 64; Невзорово, 104; Платково, 81; Погар, 110.

В записях А. Д. Н.: Абаринки, 80.

Новозыбковский уезд: Манюки, 83.

Именительный и винит. падежи множ. числа. Мглинский уезд: Верканька, 43; Кожемяки, 96; Росуха, 84.

Стародубский уезд: Гарцево, 39.

Имеются *имен.-вин. пад. мн. числа.* и в записях А. Д. Н.

Личные местоимения I-го и II-го лица и возвратное.

В склонении личных местоимений I-го и II-го лица и местоимения возвратного отмечу следующие формы.

Родит. падеж един. числа. I-е лицо — мяне́ (М. Н. К., *Мглинский уезд:* Росуха, 63, 75, 100; Бородинка, 16; Жуково, 100; Кожемяки, 67; Мглин, 112; *Стародубский уезд:* Бороздnино, 105; Човпня 17; Анушино, 46; Погар, 108; А. Д. Н., Гарцево, 23; Абаринки, 69 и т. д.).

Родит. падеж един. числа. 2-е лицо — цябе́ (М. Н. К., Берновичи, 85) и т. д.

Примечание. В ряде случаев в записи М. Н. К. встречается — мянѣ́. (*Мглинский уезд:* Росуха, 22; Водвинка, 34; Шапочка, 65, 66; *Стародубский уезд:* Гарцево, 30, 39; Гриденки, 52; *Новозыбковский уезд:* Манюки, 52). То же и во 2-м лице — цябѣ́ (Водвинка, 14, 34; Лупеки, 27; Гарцево, 30) и т. д., но это лишь неисправленные М. Н. К. опечатки.

В местностях, утративших цеканье — тябе́ (Погар, 110).

В возвратном местоимении — сябе́ (М. Н. К., Бородинка, 87; Жигалки, ib., 36).

Дательн. падеж един. числа. 1-е лицо — мне (М. Н. К., *Мглинский уезд:* Росуха, 17, 29, 32, 38, 75, 79, 84, 96; Водвинка, 19; Бородинка, 53; Шапочка, 65; Кожемяки, 83; *Новозыбковский уезд:* Манюки, 83, 91; *Стародубский уезд:* Гарцево, 44; Невзорово, 90; Човпня, 17; Анушино, 49; Семешково, 14; Михайловск, 60; *Суражский уезд:* Красновичи, 88).

2-е лицо: табе́ (М. Н. К., *Мглинский уезд:* Росуха, 29, 35, 79, 84, 102; Водвинка, 14, 97; Бородинка, 53; Горяны, 15; *Стародубский уезд:* Лупеки, 27; Гарцево, 39; Новоселки, 26; Жигалки, 36; Берновичи, 85; Лыщичи, 42; Михайловск, 60; Стародуб, 107; Гарцево, А. Д. Н., 20, 23, 38; Абаринки, ib., 79, 93; Ильбово, ib., 104 и т. д.; *Новозыбковский уезд:* Манюки, М. Н. К., 22, 92).

Возвратное местоимение: сабе́ (*Мглинский уезд:* Росуха, 15, 24; Бородинка, 15, 89; Горяны, 15; Шапочка, 63; *Стародубский уезд:* Берновичи, 55; Лыщичи, 42; *Новозыбковский уезд:* Манюки, 91; Клинцы, 103).

На ряду с этими формами, восходящими к старым *тобѣ, собѣ*, встречаются почти исключительно в городской речи формы: мінé, тібé, сібé, отражающие в произношении неударяемого *е* влияние русского литературного языка.

Винительный = родительному.

В *творительном:* мнóю, таббю, сабóю, но также с исчезновением конечного гласного звука: мнóй, табóй, сабóй.

Местный = дательному.

Во *множ. числе творит. падеж:* нáмы, вáмы (М. Н. К., Берновичи, 85; Бородинка, 89 и друг.) и нáмі, вáмі.

Другие падежи единств. и множеств. числа не вызывают на замечания.

Местоименное склонение.

Перечислю местоимения, придерживаясь следующей группировки:

1) Местоимения 3-го лица: ён, япá, янó.

2) Указательные: éты(й), éта(я); тэй (тый), тáя, тóе; такі(й), такáя, такóе; éткі(й), éткая и малоупотребительная форма — сэй, встречающаяся лишь в некоторых падежах.

Примечание. Местоимений: гэ́ны(й), а также—гэ́ты(й), гэ́ткі(й), отличающихся от éты(й) и éткі(й) приставочным звуком *г* вместо *j*, весьма распространенных в других белорусских говорах, не встречается.

3) Притяжательные: мóй, мая́, маё; твóй, тваја́, тваё; свóй, свая́, сваё; наш, ваш и іхні(й).

4) Определительные: увéсь, уся́кі(й), кáжды(й) и кáжан, жóдны(й), сам, самы́(й), іншы(й).

5) Отрицательные: ніхтó, ніштó, нічы́й, нія́кі(й) и друг.

6) Вопросительные и относительные: хто, што, які́(й), якáя, якóе; катóры(й), -ая; чы́й, чыя́, чыё.

7) Неопределенные: хтось, штось, хто-нéбудзь, чыйсь, чы́йся, якійсь, якійся, што-нéбудзь, нéхта, нéшта, нéйкі(й).

По образованию падежных форм местоимения: тый, éты(й), тáкі(й), éткі(й), наш, ваш, сáмы(й), хто, што, які́(й), нія́кі(й), катóры(й), жóдны(й), кáжны(й), сам — составляют твердую и отчасти (в некоторых падеж. от слов на задненебный звук) смешанную разновидность склонения, включающую в себя таким образом некоторые местоимения старой мягкой разновидности, перешедшие сюда вследствие отвердения конечного согласного.

Местоимения—ён, мой, твой, свой, сэй, чый, іхні(й), а также представлявшее когда-то смешанное склонение местоимение *увéсь* образуют мягкую разновидность.

Твердая разновидность.

Местоимения *тэй* (тый), *тáя, тóе*, восходящие к старым местоимениям *тъ, *ta, *to, представляют следующие формы единств. числа муж. рода.

Единственное число.

Именит. пад. муж. рода: тэй (М. Н. К., Росуха, 25, 63; Бородинка, 84, 89; Шапочка, 65; Лупеки, 101; Гарцево, А. Д. Н., 25, 59; Абаринки, ib., 66, 78) и — тый (Абаринки, А. Д. Н., 73). Форма *тый* в записях М. Н. К. и А. Д. Н. реже, чем *тэй* (в живом говоре наблюдается то же самое). У А. Д. Н. встречается и *той* (Ильбово, 102), но она нехарактерна для говора.

Именит. пад. ед. ч. женск. рода: тáя (Росуха, 47; Водвинка, 97, 98; Горяны, 48; Погар, 110; Гарцево, А. Д. Н., 26 и т. д.). У А. Д. Н. также и *та* (шчасли́вая та дявчóнка . . ., пишчáсная та дявчóнка, Гарцево, 42), но это явление несвойственно говору и есть результат великорусского влияния. То же и в других белорус. говорах (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 260).

Именит. и винит. пад. ед. ч. средн. рода: тóе.

Родит. пад. муж. рода: тагó; то же и в *средн. роде*. У А. Д. Н. встречается форма *тавó* (Абаринки, 72), но она несвойственна говору; даже в говоре средней интеллигенции г. Стародуба такие формы прививаются с трудом.

В *женск. роде* обычно — ты́я (М. Н. К., Росуха, 63; Бородинка, 35; Михайловск, 50; Манюки, 22; Абаринки, А. Д. Н., 70, 81, 92, 99; Семешково, ib., 115).

Примечание. У А. Д. Н. отмечена также в единичном случае форма *тэй:* «с тэй пары́» (Гарцево, 59). От других местоимений подобная форма не встречается.

Дательный падеж муж. рода: таму́; то же и в *среднем* роде, в *женском* роде: той.

Винительный сходен с родительным или с именит. (на тэй лужóк, Росуха, 49; на тэй свет, Гарцево, А. Д. Н., 20; на тэй бок, ib., 27; у тэй канéц, Абаринки, ib., 78).

В женск. роде винит. падеж представляет с соответствующим изменением старую форму, осложненную окончанием сложного склонения, *тую* (М. Н. К., Росуха, 51; Водвинка, 20; Бородинка, 15; Жуково, 71; Яблонка, 29; Шапочка, 65; Невзорово, 101; Михайловск, 50; Погар, 109, 110; Гарцево, А. Д. Н., 31, 48, 54 и т. д.).

Творит. пад. в муж. роде с окончанием сложного склонения *тым;* то же и в *среднем роде.*

Примеры. С тым ни разлучу́ся (М. Н. К., Погар, 109), с тым я павинча́юся (Абаринки, А. Д. Н., 63; Семешково, ib., 114), пад тым дре́вачкам (М. Н. К., Росуха, 95), застава́йтесь тым даво́лны (ib., Клинцы, 103), тым (Гарцево, А. Д. Н., 22, 23).

Творит. пад. женск. рода: то́ю и той.

Местн. пад. муж. рода: том, а также и — тым: на том баку́, у том дварэ́, но и — аб ты́м пыта́ю, аб ты́м журю́сь.

То же и в *средн. роде.*

В *женск. роде местн. пад:* той.

Множественное число.

Именит. падеж всех родов имеет формы, образованные под влиянием сложного склонения: ты́я и ты́і.

Остальные падежи всех родов также с окончаниями сложного склонения: тых, тым, тых (Абаринки, А. Д. Н., 94; Ильбово, ib., 107), ты́мы (М. Н. К., Бородинка, 102), ты́ми (Манюки, ib., 83).

Из *других местоимений* твердой разновидности отмечу следующие формы.

Местоимение *е́ты(й).*

Имен. пад. ед. числа муж. рода имеет: е́ты, реже — е́тый; в *женском роде* на ряду с формой *е́тая* употребительна и *е́та* (встречается она и в записях); то же и в *среднем роде.*

В *винит. пад. единств. числа женск. рода* на ряду с *е́таю* (форма *е́тую* очень редка) имеется и *е́ту.*

Примечание. У А. Д. Нечаева встречается *винит. пад.* единств. числа женского рода *е́сту*: ти́ря°/з е́сту шу́лу (Гарцево, 59).

Аналогичное образование *родит. пад.* муж. и средн. рода единств. числа встречается в говоре полуинтеллигентной среды в г. Стародубе — е́стага («з е́стага ні́чо́га ня бу́де»).

В *местн. пад. ед. числа муж.* и *средн. рода* преимущественно *е́там.*

От местоимения — сам *винит. пад.* единств. числа женского рода — саму́; менее употребительна форма *саму́ю* (яе́ саму́ ба́чыў; саму́ яе́ ўда́рыў).

От местоимений: наш, ваш *именит. пад.* единств. числа женского рода — на́ша, ва́ша.

Примечание. Форм *на́шая, ва́шая*, известных отдельным белорус. диалектам, в говоре нет (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 283).

Винит. пад. единств. числа того же рода: на́шу, ва́шу.

От местоимений: хто и што и сложных — хтось, хто-не́будзь, што-сь, што-не́будзь, не́йкі(й) *творит. падежи:* кім и чым, кі́мся и чы́мся; *местный пад.:* аб ко́м и аб чо́м.

Мягкая разновидность.

К мягкой разновидности принадлежат, как уже сказано, следующие, отмеченные выше местоимения: ён, мой, твой, свой, сэй, чый, і́хні(й) и уве́сь.

Местоимение *ён* представляет следующие формы.

Единственное число.

Мужеск. род. Имен. пад. — ён. В остальных падежах фонетическое изменение старых форм: род. п. яго́, дат. п. яму́, вин. п. = род., твор. п. ім, местн. п. аб (на) ём.

Примечание. У А. Д. Н. *род.* и *вин.* падеж — яво́ (Гарцево, 47), но это единичное малораспространенное великорусское явление, не характеризующее говора.

Женск. род. Именит. пад.: яна́ (М. Н. К., Росуха, 51, 74; Водвинка, 11; Бородинка, 16; Лупеки, 26; Невзорово, 72; А. Д. Н., Гарцево, 21, 24 и т. д.).

В записях А. Д. Н. также и *ина́* (Гарцево, 21; *йна*, 23, 37, 61 и т. д.) рядом с *яна́* (ib., 61).

В ответе на Акад. великорус. программы №№ 269, 282 (§ 185), белорусскую № 6 (§ 104) и в записях М. В. Ушакова отмечено *ина́.*

В ответе на такую же белорусскую программу № 221 встречается *ена́;* то же кое-где и в записях М. Н. К.

Родительный и винительный падежи муж. рода: яго́; женского рода — яе́ (М. Н. К., Росуха, 39, 74, 84; Водвинка, 12; Горяны, 15, 48; Човпня, 66; Гарцево, А. Д. Н., 37; Абаринки, ib., 93 и т. д.).

Дательн. пад. муж. и среднего рода: яму́; *дат. пад. жен. рода:* ёй (М. Н. К. Кожемяки, 68; Невзорово, ib., 90; Анушино, ib., 46; Семешково, А. Д. Н., 115 и т. д.).

Винит. пад. женск. рода = родит. пад.: яе́ (М. Н. К., Бородинка, 58; Горяны, ib., 48; Жуково, ib., 75; Шапочка, ib., 63; Кожемяки, ib., 68; Невзорово, ib., 90; Верканька, ib., 43; Гарцево, А. Д. Н., 28 и т. д.).

Твор. пад. муж. рода: ім, *твор. пад. женск. рода:* ёй (М. Н. К., Росуха, 15; Горяны, ib., 15 и т. д.) и ёю (Шапочка, ib., 64).

Местн. пад. муж. рода: ём (на ём, аб ём); *местн. падеж женск. рода* = дательн.: ёй (аб ёй).

Средн. род. имен. пад.: янб; остальные падежи, как в муж. роде.

Множественное число.

Именит. пад. для всех родов: яны́ (М. Н. К., Росуха, 14; Бородинка, 57, 89; Гарцево, А. Д. Н., 61). У А. Д. Н. единочное также — ані́ (Ильбово, 97), форма, свойственная обыкновенно говору городской интеллигенции. В записях М. Н. К. из Клинцов (103) и Погара (110) встречается имен. пад. *ані́*, как результат взаимодействия форм *яны́* и *ані́*.

То же и в других источниках; лишь в ответе на Акад. белорус. программу № 6 имеем: яны́ и — іны́.

В остальных падежах обычные формы: іх, ім и т. д., при чем *творит. пад.* в записях М. Н. К. с окончанием -мы и -мі (Лупеки, 65).

После предлогов, предшествующих соответствующим падежным формам этого местоимения, *н* отсутствует и слияние с предлогом устраняется сохраняющимся *j'ом*.

Из падежных форм *других местоимений* мягкой разновидности остановлюсь на следующих.

В *родит. и дат. падежах муж. и ср. рода единств. числа* местоимений мой, твой, свой обычны формы с утратой *е* — майго́, твайго́, свайго́ (М. Н. К., Погар., 109, 110; Мглин, 112; А. Д. Н., Гарцево, 30 и т. д.), майму́, твайму́, свайму́ (М. Н. К., Росуха, 74; Бородинка, 15; Жуково, 65; Гарцево, 39; А. Д. Н., ib., 18, 30; Абаринки, ib., 73). Нередки также образования и без такого сокращения: маяго́, тваяго́, сваяго́; маяму́, тваяму́, сваяму́; то же и в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 277—278).

Довольно распространенных в других белорусских диалектах форм со стяжением (см. «Белорусы» акад. Е. Ф. Карского, т. II, в. 2, стр. 278) — маго́, тваго́, сваго́ в Северско-белорусском говоре нет.

Примечание. Замены местного падежа творительным в Северско-белорусском говоре не встречается (см. Б. Тарашкевич. «Беларуская граматыка». 1918 г., стр. 38).

Родит. падеж единств. числа женск. рода: маёй, тваёй, сваёй и — мае́, тае́, свае́ («Биз мае́ ру́сыя ко́сачки», М. Н. К., Росуха, 22; «ни жа́ль жа мне ста́расци твае́», Горяны, ib., 15; «шука́ла свае́ ро́дныя ма́ти», Абаринки, А. Д. Н., 64 и т. д.).

В *имен. пад. множ. числа* употребительны формы на *-і* и на *-е*: маі́, тваі́, сваі́ и — мае́, твае́, свае́.

Творит. падеж множ. числа обыкновенно — тваі́мі, маі́мі, сваі́мі, но у А. Д. Нечаева (94) в сказке, записанной в селе Абаринках, встречаются творит. пад. множ. числа: тваймы́, маймы́ («з твайм́ы гро́шамы», «з маймы́ гро́шамы», стр. 94).

Таковы же падежи единств. и множ. числа от местоимения *чый:* чыйго́, чыйму́ и т. д.; множ. число: чыі́, чыі́х и т. д.

Примечание. У М. Н. К. в записи разговора на базаре в г. Погаре и местечке (теперь город) Почепе в единичном случае встречается и форма—чаво́, но она — явление, не характеризующее даже городские говоры: обычное образование в Погаре, Почепе, Стародубе, Мглине и Сураже — чаго́.

От местоимения *увéсь* (с приставочным *у* под влиянием других падежей) *местн. пад. единств. числа муж. и ср. рода:* усём; *род. единств. числа женск. рода:* усёй.

От местоимения *сэй* (сей) употребительны лишь некоторые формы в отдельных выражениях: «ні з таго́ ні з сяго́», «па сі́х пор», «то́е да сёе», «тэй да сэй яго́ зна́е» и т. д.

Из форм числительных *два и о́ба,* принадлежавших к местоименному склонению, отмечу: двох (А. Д. Н., Гарцево, 60), у дзьвёх, абаи́ (г. Погар), абаи́х (А. Д. Н., Гарцево, 60), абе́и (ib.) и другие, сходные с аналогичными образованиями в других белорусских говорах (см. акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 323—327).

СЛОЖНОЕ СКЛОНЕНИЕ.

Твердая и мягкая разновидность.

Единственное число.

Мужеск. род, именит. и зват. падежи. Записи М. Н. К. представляют в именит. и зват. падежах единств. числа муж. р. *-ый* в твердой и *-ій* в мягкой разновидности.

Примеры.

М. Н. К., *Мглинский уезд:* ми́лый (Росуха, 49), далёкий (ib.), ми́лый (Бородинка, 87), пло́хий (Жуково, 71), дурны́й (ib.), бо́лшый (ib., 72), сяре́дний (ib.), други́й (Кожемяки, 98), дурны́й (Жуково, 71) и т. д.

Стародубский уезд: вараны́й (Анушино, 46) и т. д.

В записях А. Д. Н.: малады́й (19), бага́тый (42), ро́дный (64), бя̊пу́тный (104) и т. д.

Примечание. В нескольких случаях при ударяемости окончания встречаются формы на *-ói*: варанóй (Росуха, М. Н. К., 20), милóй (в рифме с «удалóй», Бородинка, ib., 89), маладóй (ib., 102; Погар, ib., 107), мыладóй (ib., зап. Е. Якушкина, 20), халастóй (Бородинка, ib., 102; Клинцы, ib., 103), удалóй (Манюки, ib., 91; Погар, ib., 111).

Случаи с флексией *-ой* отмечены главным образом или в городах (Погар, Клинцы; последний до революции был посадом с преобладающим великорусским населением), или в песнях, записанных со слов парня (Манюки, 91), или представляют несвойственные живой речи образования и по месту ударения, например: удалóй, мiлóй при обычном удáлы(й), мíлы(й) и следовательно не есть явление, характерное для говора.

То же и в записах А. Д. Н.: маладóй, саладóй (мед саладóй), варанóй (24), дарагóй (74), глупóй (104), а с другой — при неударяемости окончания несколько форм с *-ай:* я́снай, уби́тай, кра́снай (32), ми́лай (34, 35), чарнабро́вай (34), ряти́вай (ib.), ми́линькай (35, 36, 66, 83), любе́знай (36), варо́нинькай (87), жапа́тай (53), микала́ивскай (83), хранцу́ськай, пе́рвай (83) и т. д.

Именит. пад. у А. Д. Н. с неударяемым окончанием *-ай* (с редуцированным гласным, восходящим к *о*, передаваемым здесь чрез *а*) и случаи с *-ой* при ударении на нем такого же происхождения, как у М. Н. К. именительные на *-ой* с ударением на нем, т.-е. являются

великоруссизмами. Содержание песен №№ 34, 35, 36, 37, 52, 56, 58, 59, 78, 87, 99 и 101 с подобного рода формами указывает на принадлежность их, во всяком случае, нестарому поколению.

В ответе на Акад. великорус. программу № 282: жо́втый, гнеды́й и гнедóй, залатóй, другóй, прямóй (§ 174).

В ответе на такую же белорусскую программу № 6 отмечено *-ый* при безударности и под ударением *-ой* (§ 112).

Наблюдения М. В. Ушакова отмечают окончание *-ый;* окончание *-óй* встречается, как редкое исключение.

Наблюдения Ив. М. Гневушева и Л. Г. Самосадного указывают на произношение окончания *-ый* со слабым неслоговым конечным *і̯*.

А. Ф. Полевой и А. Ф. Полевая вовсе отмечают отсутствие в Новозыбковском уезде конечного *і̯* неслогового: до́бры, си́ни.

В записях А. Д. Н. встречаются ряд форм с утратой конечного *і̯*: ро́днинькы (20, 23, 63, 73), ми́линьки (25, 52, 34, 69), бубно́вы (34), сызю́синьки (36), нижа́лисливы (63), кaто́ры (74), мало́динькы (104), други́ (107), ро́дны (ib.), даньськи́ (117) и др.

Формами, свойственными говору, как таковому, при ударении на окончании и без него следует признать именительный падеж с окончанием *-ый* и *-ій* со слабым конечным неслоговым *і̯* или вовсе без него.

Показания записей у М. Н. К., А. Д. Н. и других наблюдателей относительно последних форм (т.-е. форм на *-ы* и *-і*), правда, несходны: у М. Н. К. только формы с *-ый* и *-ій*; то же и у М. В. Ушакова, между тем как у А. Д. Н. и те и другие; у И. М. Гневушева и А. Г. Самосадного отмечено *і̯* слабое; у Ал. Ф. и Ан. Ф. Полевых формы только без *і̯*. Мне известно произношение без конечного неслогового звука или с очень слабым, едва уловимым в отдельных случаях *і̯*, что, как уже сказано, обозначаю на письме при посредстве (й).

То же и в югозападных говорах Белоруссии (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 303—304).

Известных северовостоку Белоруссии форм имен. падежа единств. числа муж. рода на *-эй* в говоре нет (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 307).

Родит. падеж муж. и средн. рода только с окончанием *-ога* и *-ага* в твердой и *-яга* в мягкой разновидности.

Записи М. Н. Косич и А. Д. Нечаева, ответ на программу Моск. Диал. Комис. № 91, ответ Ив. М. Гневушева и Л. Г. Самосадного и наблюдения М. В. Ушакова указывают на эти же окончания.

Ответ на Акад. белорусскую программу № 6 отмечает *-ога*, *-ага* в твердой разновидности и *-ига* в мягкой (§ 117).

В *женском роде* в твердой разновидности преимущественно формы с окончанием *-ыя*, хотя встречаются и на *-ай*.

В мягкой разновидности аналогичные окончания.

Примеры. М. Н. Косич: ру́сыя (Росуха, 22), пра́выя (ib.), ми́лыя (ib., 38, 79), круты́я (ib., 100), вяли́кия (Водвинка, 33), из чужы́я (Жуково, 71); у А. Д. Н.: сла́дкия (Гарцево, 48) и — нямéрнай (59) и т. д.

Примечание. Лишь в ответе на Акад. великорусскую программу № 282 из Трубчевск. уезда имеем: ат маладо́й, ат худо́й, ат свято́й, ат сляпо́й, но также и ат ря́бый, ат краси́вый, ат до́брый (§ 177).

Также и в белорусской программе № 6 из того же уезда отмечены окончания *-эй*, *-ый*, *-ій:* маладо́й, сыро́й, бага́тый, пре́жний, сярэ́дний и т. д. (§ 117).

Дательный падеж муж. и средн. рода оканчивается на *-ому*, *-аму*, *-яму*, а *женск. рода* на *-ой*, *-ай*, *-яй*.

Примечание. В ответе на Акад. белорусскую программу № 6 отмечены также и формы на *-эй*: свято́й, залато́й, маладо́й (§ 118), неизвестные говору.

Винит. пад. муж. рода = родит. или именит. падежу; в *средн. роде* = именит.

Винит. пад. женск. рода обыкновенно имеет оконнание *-аю*, *-ою*, *-яю;* лишь изредка формы на *-ую* и *-юю*.

То же находим и в записях М. Н. К. и А. Д. Н., при чем у А. Д. Н. вин. пад. преимущественно с *-аю*.

Примеры. М. Н. К.: Ня ў дру́жнаю (Росуха, 79), сваю́ ми́лаю (ib., 81), гару́ высо́каю (Бородинка, 15), лю́таю мядзьве́дзицу (Кожемяки, 67), дзе́ўку харо́шаю (Лупеки, 16), бярёзаваю (Невзорово, 90), тре́цьцяю но́чачку (Платково, 81), туре́цкаю зямлю́ (Берновичи, 85) и — пра́вую (Росуха, 51), харо́шую (ib., 62), прыго́жую (ib.), ву́мную (ib.), разу́мную (ib.), ни ма́лую (Водвинка, 20), ни вяли́кую (ib.), хрящёную (ib., 33), чо́рную (Бородинка, 57), го́рькую (ib., 88), низнако́мую (Жуково, 71), ни вясёлую (ib.), бага́тую (хут. Александровка, 74), то́нкую (Лупеки, 16), кудря́вую (ib.), кучаря́вую (ib.), кра́сную (ib.), васьму́ю (Невзорово, 90).

А. Д. Н.: на чатвéртаю (Гарцево, 17), на пя́таю (ib., 18), го́рькаю (ib., 23), ро́дную (ib., 27), пра́ваю (ib., 37), ле́ваю (ib.), бе́лаю (ib., 38),

хало́днаю (Абаринки, 64), тёмнаю (ib., 85), тане́нькаю (ib., 88), аляне́нькаю (ib.), бе́днаю (ib.), лу́чшаю (Ильбово, 100) бурла́цкаю (ib., 103), то́нкаю (Семешково, 113), высо́каю (ib.), кудря́ваю (ib.), кучаря́ваю (ib.) и т. д., но также и *-ую:* ка́ждую (ib., 108) и т. д.

Также, по наблюдению Ан. Ф. Полевого, в Новозыбковском уезде формы вин. пад. на *-аю* (*-яю*) и *-ую*.

В ответе на Акад. программу № 282: кра́сную, ми́лаю, бе́лаю, но — худу́ю, бальшу́ю (§ 176).

То же и в белорусской Акад. программе № 6: тёплаю, хало́дную, я́сную, си́нюю, пре́жняю, но также и — пре́жнію (§ 118).

Формы винит. пад. на *-аю* возможны лишь при безударности окончания; при ударении же на окончании только *-ую*: дурну́ю, другу́ю, дарагу́ю, пусту́ю и т. д.

Творительный падеж в муж. и средн. роде имеет *-ым*, *-ім* и в *женск.* *-ою*, *-аю* (*-яю*), *-ой*, *-ай*, (*-яй*).

Примеры.

М. Н. К.: сянно́ю (Росуха, 29; маладо́ю, ib.; Бородинка, 89), пе́рваю (Жуково, 71), друго́ю (ib.), бе́лаю (Шапочка, ib., 66) и — ве́рнай (Росуха, 29), камяно́й (ib., 40), се́рай (Жуково, 72).

А. Д. Н.: пухаво́й (Гарцево, 33), гарячо́й (ib., 33). То и другое окончание так же, как и в соответствующих формах именного склонения, встречается и в прозаических записях А. Д. Н.: пра́вой руко́й (96).

Местный падеж в муж. и средн. роде имеет *-ом* и *-ам* (*-ям*), в *женск. роде* *-ой* и *-ай* (*-яй*).

В ответе на белорусскую программу № 6 отмечены окончания *-ам* и *-ям:* ста́рам, си́вам, усе́дням, да́льням (§ 119).

Множественное число всех родов.

В записях М. Н. К. имеется *именит. падеж множ. числа для всех родов* только с окончанием *-ыя*, *-ія*, не считая нескольких орфографических написаний или типографских недосмотров.

Примеры.

М. Н. К.: глыбо́кия (Росуха, 49), кали́навыя (ib., 96), кудла́тыя (ib., 102), ста́рыя (Гарцево, 41, 42), бра́выя (Верканька, 43), глу́пыя (ib.), залаты́я (Анушино, 46), дро́бныя (ib., 51) и т. д.

У А. Д. Н. также формы с *-ыя*, *-ія*: жо́ўтыя (Гарцево, 20), грабавы́я (ib., 20), залаты́я (ib., 24), малады́я (ib., 25, 48) и т. д., но также и с *-ыи*: се́рыи (ib., 31), бе́лыи (ib., 31), ру́сыи (ib., 55).

В ответе на Акад. великорус. програм. №№ 269, 282 (§ 179) и на белорус. програм. № 6 (§ 120) только формы с *-ыя* и *-ія*.

То же и в наблюдениях А. Ф. и Ан. Ф. Полевых.

Мне известны и те и другие формы.

Других форм именит. падежа, известных в других белорусских диалектах, в говоре нет (ср. акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 318—320).

Из косвенных падежей приходится отметить формы творит. падежа с окончанием *-амы* (*-ямы*) при безударности его и *-ымы* (*-імы*) под ударением. В записях М. Н. К., правда, только *-ымы*: чырвóнымы (Гарцево, 31), рáзнымы (Бородинка, 89), дубóвымы (87), малады́мы (Шапочка, 98), круты́мы (Берновичи, 85) и т. д.

А. Д. Н. более верно передает эту черту говора: харóшамы (Гарцево, 18), пригóжамы (ib.), чóрнымы (ib., 28) и т. д.

Наличность формы творит. пад. множ. числа с *-амы* не исключает окончания *-амі*; между прочим, она отмечена и в наблюдениях Ан. Полевого: си́нями, вяли́ками, крáснами (ср. акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 322).

СПРЯЖЕНИЕ.

I. Тематические глаголы.

А. Личные формы глагола.

Изъявительное наклонение.

Настоящее время. Единств. число. Оставляя в стороне, как не представляющие особенностей, формы 1-го лица единств. числа, отмечу следующее.

2-е лицо единств. числа.

В записях А. Д. Н. встречается форма 2-го лица един. числа — идёш (31), но подобные формы даже в городской речи редки и должны быть отнесены насчет влияния русского литературного языка. В формах 2-го лица един. числа, как отмечено уже в фонетике, звук *е* в положении под ударением пред отвердевшим звуком *ш* не переходит в *о*.

Об ассимиляции *ш* следующему *с* в глаголах на *-ся* также сказано в фонетике.

3-е лицо единств. числа.

В ответе на Акад. програм. № 269 отмечены формы с окончанием *-ть* (с «легким цеканьем», § 211), с оговоркой, что формы без *-ть* употребительны

в Стародубском и Суражском уездах. Однако здесь же есть пометка: «ён бярé, а также скажут — ён бярéть».

В ответе на такую же программу № 282 отмечены формы с *-ть* и бессуффиксные: знáя и знáить, игрáя и игрáить, бярéть и бярé, хóдить и хóдя, плятéть и плятé и т. д. (§ 211).

В ответе на такую же белорусскую программу № 6 то же самое: нясéть, гляди́ть, вядéть, игрáить, гамóнить и — кóрмя, тéрпя, хавáя и т. д. (§ 122).

В ответах на кратк. Акад. прогр. №№ 295 а, 295 б (Мглинск. уезд), 209 а (Стародубский уезд) и 203 (Новозыбковский уезд) отмечены формы 3 лица един. числа с *-ть*; в №№ 292 а, 292 б (Суражский уезд) и 209 б (Стародубский уезд) отмечены формы без конечного *т* мягкого (*ть*).

В ответе И. М. Гневушева формы без *-ть*: идé, нясé, хóдя, бярó (§ 41).

В ответе Л. Г. Самосадного формы только с *-ть*: идéть, вядéть, нясéть (§ 17).

По наблюдению М. В. Ушакова, также формы с *-ть*; лишь в выражении «хто ягó знáе» встречается бессуффиксная форма.

В ответе на програм. Моск. Диал. Комис. № 91 при ударении на основе формы бессуффиксные: знáя, пи́ша, éдя, мéля, хóдя, нóся, лю́бя и наоборот с *-ть*: идéть, вядéть (§ 17).

По наблюдению Ан. Ф. П., в Новозыбковском уезде у глаголов 1-го спряжения часты формы без *-ть*, а у глаголов 2-го спряжения формы с *-ть* и могут быть без него, если ударение на основе.

Показания ответов на программы из Мглинского уезда и наблюдения Л. Г. С. и М. В. У. в том же Мглинском уезде сходятся между собой: устанавливают произношение с *-ть*; сходны также между собой и ответы на краткую Акад. программу из Суражского уезда и наблюдения И. М. Гневушева в том же уезде: и там и здесь отмечены формы без *-ть*.

Некоторое несходство таким образом в ответах из Стародубского уезда, с одной стороны, и противоречие между ответом на краткую программу из Новозыбковского уезда и наблюдениями Ан. Ф. П. в том же уезде, с другой. Возможно, что в данном случае ответ дан недостаточно продумано: не принято во внимание место ударения в глаголах, автор ответа мог быть связан определенным примером и вопросом программы, возможны здесь и другие неблагоприятные условия наблюдений. По крайней мере, в ответах на программу № 209 а из с. Нижнего приходится отметить ряд явлений, не соответствующих говору, напр.: Вáнькя, помалéнькю, несёть, со слезáм, с рукавáм, под ногáм и друг.

Мне известны формы с *-ть* и без него, при чем наличность форм с *-ть* или отсутствие его обусловлены следующим.

1) В не возвратных глаголах с тематическим гласным *е*(1-е спряжение) формы 3-го лица един. числа или бессуффиксные, т.-е. не принимают окончания *-ть/-ць*, или с *-ть/-ць*. При безударности тематического гласного употребительны только бессуффиксные формы; при ударении же на тематическом гласном возможны те и другие формы.

Записи М. Н. К. и А. Д. Н. в значительной степени подтверждают это.

Примеры.

М. Н. К., *Мглинский уезд:* пыта́я (Росуха, 25), ка́жа (ib., 63), пыта́я (Горяны, 15), памо́жа (Жуково, 65), ве́рня (ib., 65),, уздыха́я (Шапочка, 65), разу́я (ib., 65), пацалу́я (ib., 65), рыда́я (ib., 71), пи́ша (Новые Ивайтенки, 64) и т. д.

Стародубский уезд: кря́ча (Лупеки, 31), ка́жа (ib., 72), бяры́ця (Гарцево, 41), ня ле́зя (Човпня, 66), маха́я (Жигалки, 66), гука́я (ib.), напева́я (Анушино, 51), ня мо́жа (Платково, 81), пла́ча (Берновичи, 85), маха́я (Погар, 108), угада́я (ib.), куку́я (ib., 109), пыта́я (ib.), заспева́я (ib., 110) и т. д.

Новозыбковский уезд: распра́шывая (Манюки, 73).

У А. Д. Н.: ма́я (Гарцево, 55), до́йдя (Абаринки, 65), ўзо́йдя (ib., 65), прилята́я (Ильбово, 100), памага́я (ib.), гре́я (ib.) и т. д.

В записях Е. Якушкина: се́я (Погар, 20) и т. д.

С другой стороны, у М. Н. К. *Мглинский уезд*: раўне́ (Росуха, 24), брахне́ (ib.), идзе́ (ib., 25), ирже́ (ib., 34), киўне́ (ib., 51), маргне́ (ib.), идзе́ (ib., 81), махне́ (ib., 99), расце́ (ib.), устае́ (Водвинка, 11), расьце́ (Бородинка, 89), махне́ (Горяны, 15), п'е (Жуково, 74), шле́ (ib.), идзе́ (ib., 76), баре́ (Шапочка, 63), идзе́ (ib., 65), гудзе́ (ib., 71) и т. д.

Стародубский уезд: идзе́ (Гриденки, 52), ильле́ (ib.), плыве́ (Быстриков., 44; Погар, 107), расте́ (ib., 109).

У А. Д. Н.: гуде́ (Гарцево, 21), вяде́ (ib.), пасе́ (ib., 44), нясе́ (ib.), йде́ (ib.), шле́ (Абаринки, 63), ни дае́ (ib.), п'е (ib., 82), ня йде́ (ib.) и т. д. и — идзе́ць (Росуха, М. Н. К., 79), гудзе́ць (ib.), нясе́ць (Водвинка, ib., 33), идзе́ць (Невзорово, ib., 88), пяе́ць (ib.), дае́ць (ib.), иде́ть (Погар, ib., 110), пайме́ть (А. Д. Н., Гарцево, 19), дае́ть (ib.), иде́ть (ib., 34), ня п'е́ть (ib., 100), ни вяде́ть (ib.).

Новозыбковский уезд: клюе́ (Манюки, 92).

К ним можно добавить и весьма частые: жыве́ць, ідзе́ць, кляне́ць, дае́ць, бяро́ць, нясе́ць, кладзе́ць, расьце́ць, аро́ць, рве́ць и друг.

2) В не возвратных глаголах с тематическим гласным *i* (2-е спряжение) формы 3-го лица един. числа образуются с *-ть/-ць*, если тематический гласный находится под ударением; при безударности его употребительны бессуффиксные формы с нефонетической заменой тематического гласного *i*. То же находим и в источниках, напр., у М. Н. Косич, А. Д. Нечаева и др.

Примеры.

М. Н. К., *Мглинский уезд*: хо́дзя (Росуха, 17), про́ся (ib.), ме́ся (ib.) све́ця (ib.), про́ся (Водвинка, 19), угаво́ря (Жуково, 65), ня лю́бя (Лупеки, 65), хо́дзя (ib.), су́ша (Кожемяки, 67), жу́ря (ib.).

Стародубский уезд: све́ця (Гарцево, 30), стро́я (Анушино, 49), су́ша (Михайловск, 76), жу́ря (ib.), ро́дзя (ib., 60), хо́дзя (ib.), сви́ща (Погар, 109), загаво́ря (ib., 110), зазво́ня (ib.).

У А. Д. Н.: ходя́ (Гарцево, 18), про́ся (ib.), све́тя (ib., 19), ме́ся (ib.), ло́мя (Абаринки, 89) и т. д.

У Е. Якушкина: хо́дя (Погар, 20), скаро́дя (ib.). С другой стороны: виси́ць (Росуха, М. Н. К., 63), ляци́ць (ib., 79), шуми́ць (ib.), а также: крычы́ць, сядзі́ць, ляжы́ць и т. д.

То же и в югозападных белорусских говорах, с тем лишь отличием, что в употреблении тех и других форм здесь менее последовательности, чем в Северско-белорусском говоре (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 341 и проф. Н. Н. Дурново. «Очерк истории русского языка», стр. 341); северовосточным белорусским говорам неизвестны бессуффиксные формы (ср. южновеликорусские и украинские говоры; см. акад. Е. Ф. Карский. «Русская диалектология», стр. 58, 144; проф. Н. Н. Дурново. «Очерк истории русского языка», стр. 332, 345; «Труды Моск. Диал. Комис.», вып. 5, стр. 28—29, 38, 60 и след.).

Формы с *-ть/-ць* при безударности тематического гласного у глаголов 2-го спряжения крайне редки; в записях М. Н. К. и А. Д. Н. они единичны: ня хо́дзиць (Росуха, 91), де́ржить (Погар, 107), прахо́дить (А. Д. Н., Ильбово, 97).

Мне приходилось слышать подобные формы среди мещан в Стародубе и Погаре (один из примеров у М. Н. К. как раз в записи из Погара). По аналогии с ними отмечу здесь же, как индивидуально городские, формы и от глаголов с тематическим *е*: ка́жыть, пі́шыть, се́іть и т. д.

Примечание. Образование по аналогии с бессуффиксными формами представляет и песенная форма *шуме́* (М. Н. К., 71) с заменой чрез *е* тематического гласного *i* («Шуме́, гудзе́ зялёная дубра́ўка»).

В записях А. Д. Н. встречаются в нескольких случаях формы 3-го лица един. числа с переходом *е* в *ё*: идёть (31, 39, 41, 74, 79), настаёть (39), плывёть (41, 75), даёть (50), бярёть (ib.), пяёть (51), шлёть (63).

Мне известны они также в говоре г. Стародуба и Погара, но не как явление общего характера, а как единичное или индивидуальное. И там и здесь они нехарактерны для говора и вызваны южновеликорусским влиянием. Таковы же и единичные в записях А. Д. Н.: рипи́т (84), кипи́т, (ib.) (в песне со следами городского влияния).

Множественное число.

1-е лицо множественного числа.

Отмечу здесь слышанное мною в д. Горицы произношение 1-го лица с окончанием *-ом* вместо *-ем*: ідо́м, нясо́м, вядо́м.

То же и в наблюдениях Ан. Ф. Полевого в Новозыбковском уезде: идо́м, бяро́м, вязо́м, дяро́м, ирво́м, жно́м и др. По замечанию А. Ф. Полевого, эта черта распространена не по всему уезду.

В ответе на Акад. белорус. программу № 6 также отмечены подобные формы: маго́м, пряго́м, пяко́м (§ 123).

В записях М. Н. К. встречается единичный пример — забяро́м, (Росуха, 38).

Примечание. Об отвердении здесь *р* говорить не приходится: говору известно отвердение *р* только перед гласными переднего ряда.

2-е лицо множественного числа.

Формы 2-го лица множ. числа имеют иногда ударение на конечном *-е* с переходом его в *-о* (*ё*) (о чем см. в фонетике). Таковы, например: ідзіцё, п'іцё, спіцё.

То же отмечает А. Ф. Полевой в Новозыбковском уезде: вязитё, мяситё, кладитё и т. д.

Формы с конечным *ё* (*'о*) отмечены и М. В. Ушаковым. То же и в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 352—353).

Примечание. В ответе на Академическую великорус. прогр. № 282 из Трубчевского уезда и белорусск. № 6 из того же уезда отмечены формы 2-го лица множ. числа: иде́тя, нясе́тя, кладе́тя, пяе́тя (№ 282, § 210); пяе́тя, блюде́тя, бяре́тя (№ 6, § 124).

3-е лицо множественного числа.

В 3-м лице множ. числа формы с окончаниями *-уць/-уть* и *-аць/-ать*, в зависимости от принадлежности глагола к 1-му или 2-му спряжению, при чем глаголы 2-го спряжения при неударяемости окончания принимают *-уць/-уть* вместо *-аць/-ать*, например: лю́бюць (М. Н. К., 51), хо́чуць (ib., 50, 85, 97), гавб́рюць (ib., 103, 112), су́дють (ib., 112), но́сють (А. Д. Н., 19) и т. д.

Таковы же: про́сюць, дзе́люць, ко́рмюць, бе́люць, ві́дзюць, хва́люць, е́ьдзюць, хо́чуць, во́дзюць и т. д.

То же и в ответе на Акад. белор. програму № 6 и великорус. №№ 269, 282: ко́сють, про́сють (№ 6, § 124), хва́лють, хо́дють, но́сють, ру́бють, су́шуть, де́ржуть (№№ 269, 282, § 213).

Примечание. В ответе на программу № 282 на ряду с приведенными формами отмечены и формы с отпадением *-ть*: яны хо́дя, яны но́ся, пи́ша, ка́жа, игра́я (§ 213).

В других источниках таких форм нет; мне также не приходилось их слышать.

В говорах Новозыбковского уезда, наоборот, Ан. Ф. Полевым отмечены случаи перехода глаголов 1-го спряжения при безударности окончания в 2-е: бе́гаять, пла́чать, ла́ять.

Примечание. В записях А. Д. Н. встречается несвойственная говору форма: гавб́рять.

Отдельные явления.

Из отдельных явлений отмечу:

1) глагол *жевать* известен говору в старой форме — жваць (жьвати); 1-е лицо един. числа: жву́, 2-е л.: жве́ш, 3-е л.: жвець; 1-е л. множ. числа: жвём, 2-е л.: жвёце,[1] 3-е л.: жвуць.

2) От глагола *дуць* формы настоящего времени: 1-е лицо един. числа — дму, 2-е л.: дме́ш, 3-е л.: дмець; 1-е л. множ. числа: дмём, 2-е л.: дміцё или реже — дмёте (в городских говорах), 3-е л.: дмуць. На ряду с ними употребительны и формы: ду́ю, ду́еш и т. д.

3) От глагола *пець* формы настоящего времени: 1-е л. един. числа — пяю́, 2-е л.: пяе́ш, 3-е л.: пяе́ць; 1-е л. множ. числа пяём, 2-е л.: пяёце, 3-е л.: пяю́ць.

[1] О написании в подобных формах *е* см. ниже.

От глагола *е́здзіць* формы 1-го лица един. числа наст. времени образуются следующим образом: е́ździю, также и — е́жджу; в городах обыкновенно — е́жжу.

Основы на задненебные.

В глаголах с основой на задненебные согласные эти последние, под влиянием форм 1-го лица един. числа и 3-го лица множ. числа, сохраняются и в других формах, наприм.: бягі́ш, бягі́ць; множ. число: бягі́м, бягі́це; пяке́ш, пяке́ць; множ. число: пякём, пякёце; таковы же: цяке́ш, стрыге́ш, стрыге́ць, беряге́ш и т. д.

Но, с другой стороны, 3-е л. множ. числа от глагола ляжа́ць — ля́жуць.

В ответе на Акад. белорус. программу № 6: бягу́, бяги́ш, бяги́це, бягу́ць (§ 133).

В ответе на такую же великор. програм. № 269: тяке́ш, но — биряже́ш.

В ответе на такую же програм. № 282 те же явления. Во множ. числе отмечены формы: биряго́м, пяко́м, сяко́м, стиряго́м; 2-е л. биряге́тя, пяке́тя, сяке́тя, стиряге́тя (§ 203).

То же и в Акад. програм. № 269 (§ 203).

Будущее время.

Будущее время выражается: 1) формами настоящего времени совершенного вида и 2) сочетанием infinitiv'а с формами: бу́ду, бу́дзеш, бу́дзе и. т. д.

Повелительное наклонение.

Единственное число.

Отмечу весьма распространенные формы *2-го лица* с утратой конечного *і*.

Примеры.

Пало́ж (М. Н. К., Росуха, 79; Гарцево, 44; Манюки, 91; А. Д. Н., Гарцево, 69), стано́ў (М. Н. К., Лупеки, 65), ня ўво́дзь (ib., Жигалки, 60), ня вво́дь (ib., Погар, 109), ни узво́дь (ib., 110), ни нано́сь (А. Д. Н., Гарцево, 31), насо́дь (ib., Абаринки, 69), ни ўзыхо́дь (ib., 86) и друг.

Такого же происхождения, но с переходом *-і* после гласного в неслоговый звук, и весьма распространенная форма — пад́ой (от глагола падаіць); встречается она и в записях А. Д. Н. (Ильбово, 107).

Примечание. В записях А. Д. Н. встречается также и форма *а́ступ* (114), но в разговорной речи она неупотребительна.

3-е лицо един. числа выражается формой 3-го лица ед. числа настоящ. времени изъявительного наклонения в соединении с предшествующими ему *няха́й:* няха́й зна́е, няха́й дзе́лае и т. д.

Примечание. Пишу здесь *е*, как и в других аналогичных формах, согласно лишь белорусской орфографии: здесь слышен звук заднего ряда нижнего подъема, иногда несколько передвигающийся к переду; удобнее всего было бы обозначать его буквой *а* (*я*).

Множественное число.

1-е лицо. Употребительны здесь формы с окончанием настоящего времени изъявительного наклонения: ідзём, нясём и т. д. Нередки также формы 1-го лица множ. числа, осложненные суффиксом 2-го лица множ. числа *-це*: хадзімце, по́йдземце и т. д. Употребление таких форм имеет место преимущественно там, где речь обращена ко многим лицам, или когда говорящий употребляет в обращении «Вы».

Формы *2-го лица* множ. числа представляют соединение соответствующих форм единственного числа и окончания множ. числа *-це* в фонетическом изменении его: ни нано́сьця (М. Н. К., Росуха, 100), пи́ця (ib., Жуково, 74), е́дзьця (ib., 76), сажни́ця (ib., Жигалки, 66), выхо́дьтя (Ильбово, А. Д. Н., 112), выно́сьтя (ib.) и т. д.

Примечание. Старых форм множ. числа на *-ем* (из *-ьм*): хадзе́м, касе́м и т. д., хадзе́мце, касе́мце, известных (с фонетическим изменением) в украинском языке и в других белорусских диалектах, в говоре нет (см. акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр.361—362). Изредка лишь встречается единичная форма — хадзе́м.

Аналогично формам 2-го лица множ. числа образуются также повелительные формы от частиц *ну* и *на*: ну́це, на́це.

3-е лицо множ. числа выражается сходно с 3-м лицом един. числа.

Отдельные явления.

Из отдельных явлений отмечу:

1) От глагола *печь* формы повелит. наклонения: пе́й, няха́й пяе́ць, пе́йця, няха́й пяю́ць.

2) От глаголов *піць, біць, ліць* формы 2-го лица един. числа: пі, бі, лі; последнее (лі) иногда также с двойным или долгим *л*.

Примеры.

Ня би́ (М. Н. К., Бородинка, 53), ня пи́ (ib., 89; Горяны 72; Платково, 71; А. Д. Н., Гарцево, 29; Абаринки, 73, 77), вы́пи (Гарцево,

ib., 40). В сложении глагола *ліць* с предлогом употребительна также форма с конечным неслоговым звуком *і*: вы́лий (Гарцево, А. Д. Н., 43), нали́й (ib., 47). Формы множ. числа: пі́тя (Ильбово, А. Д. Н., 99), а также — біце, ліце.

Примечание. В записях А. Д. Н. встречается также *ня бе́й* (78) и форма множ. числа *пе́йтя* (77), но подобные формы и в городской речи крайне редки и нехарактерны для говора. В записях А. Д. Н., кроме того, первый пример встречается в песне № 163 с фактом влияния на говор русского литературного языка (б'ёт), а лексика песни № 158, где отмечен второй пример (пашть́ньня, кисяёй), также указывает на городское влияние.

3) М. В. Ушаковым отмечены формы повелительного наклонения — еда́йтя и седа́йтя. Последняя довольно редко встречается в говоре; что же касается первой, то она мне неизвестна.

Основы на задненебные.

Глаголы с основой на задненебные звуки образуют формы повелительного наклонения, подобно формам настоящего времени изъявительного наклонения, т.-е. с сохранением задненебных пред гласными переднего ряда: бягі, пякі, цякі и т. д. и — бягіце, пякіце, цякіце и т. д.

Под влиянием форм настоящего времени изредка отмечаются формы с шипящими на месте задненебного: запряжы́ця (Росуха, М. Н. К., 34, 100). Такова же и весьма распространенная форма *памажы́* (А. Д. Н., Гарцево, 20, 101).

Прошедшее время.

Прошедшее время выражается только формой несклоняемого 2-го причастия прошедшего времени без вспомогательного глагола: пашо́ў, узя́ў, даў и т. д.

Из отдельных явлений отмечу формы прошедшего времени: ішо́ў, ішла́, ішло́, ішлі́ с приставочным *і* под влиянием форм настоящего времени.

Сослагательное наклонение.

Сослагательное наклонение образуется из форм несклоняемого 2-го причастия и восходящей к аористу частицы *бы*, звучащей в говоре, как *ба*; при чем нередко частица *ба* удваивается (с утратой во второй части *а*), наприм.: узя́ў ба, прада́ў ба, уда́рыў ба, даў баб яму́ хараше́нька, кі́нуў баб и т. д.

Б. Именно-глагольные формы.

Infinitivus.

Infinitivus имеет окончание только *-ць*. Формы на *-ці* с сохранением на нем ударения редки. Даже в infinitiv'ах с ударением на конечном *-і* ударение переходит на основу, и конечное *-і* отпадает: несьць, трэсьць, весьць, плесьць, месьць и т. д. То же и у глаголов с основой на задненебный звук: печ, моч, стяро́ч и т. д.

В ответах на Академ. программу №№ 269 и 282 также приводятся формы с *-ть*: несть, плесть, рость, гресть (§ 199) и т. п.

По наблюдениям Ан. Ф. Полевого, окончание infinitiv'а в Новозыбковском уезде также имеет *-т* мягкое; лишь в селе Ропске часто встречаются формы с *-ті*: е́сти, взя́ти и т. д.

В нерифмованных записях А. Д. Н. (разговор с пастухом и сказки) формы исключительно на *-ть*: па́сьвить (Гарцево, 58), наде́лать, зде́лать (58), каза́ть, де́лать, раби́ть, адахну́ть, зави́давать, ре́зать, зде́лать (59), жать, дастать, выпива́ть, шука́ть, спать, прясть, дажыда́ть (60), разбуди́ть, укла́давать, падава́ть, ирва́ть, хава́ть, тягну́ть (61), закури́ть (Абаринки, 93), заку́ривать, пагуля́ть, пап'я́нстватать, крися́ть, старажы́ть (94), стяре́ч, начава́ть, несть, дави́ть (95), ве́шать, жыть (96); среди них и единичное — нясти́ (94).

Несколько иначе в других белорус. говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 372—374); ср. диалектическое произношение в великорус. языке (проф. Н. Н. Дурново. «Очерк истории русс. языка», в. 2, § 179, стр. 103).

Примечание. В песнях, записанных М. Н. К. и А. Д. Н., встречаются в значительном числе infinitiv'ы на *-ті*.

Примеры.

Мглинский уезд: Бородинка (М. Н. К., 15, 53, 84), Водвинка (ib., 19, 34, 97), Горяны (ib., 15), Жуково (ib., 75), Задубенье (ib., 51), Кожемяки (ib., 67, 68, 98), Лупеки (ib., 16, 31, 44), Мглин (ib., 112), Новые Ивайтенки (ib., 64), Росуха (ib., 49, 79, 101).

Стародубский уезд: Абаринки (А. Д. Н., 68), Берновичи (М. Н. К., 85), Гарцево (ib., 37, 41; А. Д. Н., 18, 20), Жигалки (М. Н. К., 66), Ильбово (А. Д. Н., 99, 110), Михайловск (М. Н. К., 50, 60, 105), Новоселки (ib., 50), Погар (ib., 109), Семешково (ib., 18; А. Д. Н., 114), Човпия (М. Н. К., 17).

Новозыбковский уезд: Манюки (ib., 22).

То же и в песнях, записанных Е. Якушкиным (Погар, стр. 20, 21, 22). Но в живой речи они не встречаются и представляют исключительно песенное явление.

На ряду с ними песни имеют и живые формы на *-ть*. Значительное количество примеров представляют записи М. Н. К. и А. Д. Н., например, *Мглинский уезд:* Бородинка (М. Н. К., 53, 84), Водвинка (ib., 19, 62), Кожемяки (ib., 67, 68), Росуха (ib., 62, 63, 84, 96), Яблонка (ib., 27).

Стародубский уезд: Абаринки (А. Д. Н., 84), Анушино (М. Н. К., 46), Берновичи (ib., 85), Гарцево (А. Д. Н., 22), Гриденки (М. Н. К., 53), Далматово (42), Лупеки (ib., 23), Ильбово (А. Д. Н., 99, 114), Погар (М. Н. К., 110), Човпня (ib., 17).

Из отдельных явлений отмечу:

1) Infinitivus *іціць* (ітіть) (А. Д. Н., Гарцево, 22) или ідзіць (ідіть) (ib., Абаринки, 84), осложненный суффиксом *-ть/-ць*; такова же и форма — сайціць (сайтіть).

2) Infinitiv'ы с основой на задненебный звук имеют формы: печ, беч, леч, цеч, сеч и т. д.

Причастия и деепричастия.

Причастий, как таковых, в говоре нет. Встречающиеся формы на *-чы(й)* и *-шчы(й)* и реже на *-мы(й)* имеют значение имен прилагательных: жыву́чы(й), калю́чы(й), тряску́чы(й), бліску́чы(й), ня п'ю́шчы(й), гуля́шчы(й), любімы(й).

Более употребительны формы на *-ты(й), -ны(й)* и *-т* и *-н*: убіты(й), зары́ты(й), ко́латы(й), ве́нчаны(й), ізьмя́т, зашы́т, зары́т, зьдзе́лан, абру́блен; примеры из М. Н. К.: зве́нчана (Росуха, 22), узя́та (ib., 48) и т. д.

Примечание, В песнях у М. Н. К. встречаются формы *се́та* (= се́яно, Росуха, 99) и *абадра́та* (ободрана, ib., 48), вызванные рифмой: се́та рифмуется с «ле́та», а «абадра́та» с «узя́та».

Из *деепричастий* употребительны формы с окончаниями *-учы* в настоящем времени и *-шы* и *-ўшы* в прошедшем.

Примеры.

Пла́чучы (М. Н. К., Росуха, 75), папира́ючысь (ib.), аблива́ючысь (ib.), хо́дзючы (ib., 79), кля́нучы (ib.), кипучы́ (ib., 101), идучи́ (Водвинка, ib., 33), сто́ючы (Жуково, ib., 75), стаючы́ (ib.), сто́ючы (Лупеки, ib. 103), хо́дзючы (ib.), но́сючы (ib.), ла́зючы (ib.), ни стуша́ючы (Невзорово, ib., 104), лятучы́ (Платково, ib., 81), сцялючы́ (ib.), стаючы́ (Погар, 111), клюючы́ (Мглин, ib., 112), се́дючы (Гарцево, А. Д. Н., 23) ни

разга́ртаючы (ib., 39), глядю́чы (ib., 44), киплючы́ (рифмуется с «пячы́») (ib. 49), кричучы́ (ib.) бурчучы́ (ib.), стаючы́ (Абаринки, ib., 81), идучы́ (Ильбово, 112), клянучы́ (ib., 112), лятучы́, гля́дючы (Семешково, ib., 118) и — прыхили́ўшы, пла́каўшы (Човпня, М. Н. К., 17), сабра́ўшы (Гриденки, ib., 53) и т. д.

То же и, по наблюдениям Ан. Ф. Полевого, в Новозыбковском уезде.

Примечание. Южновеликорусских форм деепричастий прошедшего времени на *-мшы,* распространенных в северных и восточных белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 376), в Северско-белорусском говоре нет.

Исключение составляет ответ на Академ. программу № 282 из Трубчевского уезда: «ни спрасёмшы» (§ 218).

II. Нетематические глаголы.

Употребительны следующие формы:

1) 3-е лицо един. числа настоящего времени от глагола *быць* с нефонетической заменой *-е* звуком *-ё* (о): ёсць; реже и притом исключительно в ответах на вопрос та же форма имеет сокращенный вид: *е.*

Примечание. В щедровной песне, записанной М. Н. К. в Погаре (108), встречается форма 2-го лица един. числа *ясы́* в рифме с *нибясы́.* И та и другая форма не живая, не известная разговорной речи.

2) От глаголов *даць* и *есьць* (edere) сохранились некоторые старые формы с соответствующими фонетическими изменениями звуковой стороны их и с перенесением в отдельных формах ударения: 2-е лицо единств. числа — ясі́, дасі́. То же и в ответах на Академ. программу № 269 (§ 219).

Рядом с ними нередки и новообразования (по аналогии с тематическими глаголами): 1 лицо един. числа — дасі́ш, ясі́ш; 2-е лицо множ. числа: дасьцё, ясьцё, а также и — дадзі́це, ядзі́це и — дадзіцё, ясіцё. Последние более употребительны в городских говорах.

В ответе на Академ. великорус. программу № 282: аддастё, спитё, яси́, зьяси́.

Формы 3-го лица множ. числа: даду́ць, яду́ць и ядзя́ць.

Примеры из записей М. Н. К. и А. Д. Н.:

Дасьцё (М. Н. К., Росуха, 38), атдаси́ (Кожемяки, 87), дасьтё (Стародуб, 107), аддаси́ (А. Д. Н., Семешково, 116), з'яси́ (Абаринки, ib., 94).

Примечание. В записях А. Д. Н. встречается форма *нима́м* (Гарцево, 20: «нимам я радиначки»), неизвестная в разговорной речи.

Главнейшие синтактические явления.

И́мена существительные при числительных два, дзьве, тры и чатыры.

При числительных *два, дзьве, тры* и *чаты́ры* Северско-белорусскому говору свойственно употребление исключительно форм множественного числа имен существительных; при этом от имен женск. рода с подвижным ударением формы множеств. числа принимают ударение современного родительного падежа единств. числа, совпадая таким образом по ударению с этим падежом.

Примеры.

Дзве капы́ (Росуха, М. Н. К., 35), у три ряды́ (ib., 51), дзьве капы́ (ib., 63), тры пра́зники (ib., 96), тры дни (Бородинка, ib., 53), два дни (ib.), тры разы́ ((ib., 88), три славе́чки (х. Александровка, ib., 88), два мае́ браты́ ро́дныя (Жуково, ib., 76), два вянцы́ (Яблонка, ib., 22), тры гарады́ (Кожемяки, ib., 87), тры палки́ (Невзорово, ib., 85), на чаты́ры рубли́ (ib., 90), тры двары́ (Жигалки, ib., 36), тры сады́ (ib.), тры лясы́ (ib.), тры гары́ (ib.), тры ряки́ (ib.), дзве магі́лы (Манюки, ib., 83), дзьве дачки́ (ib., 91), тры садо́чки (Погар, ib., 109), три гадо́чки (Погар, ib.).

У Е. Якушкина: чаты́ри ме́сячки (Погар, 20) и т. д.

А. Д. Н.: тры кани́ (Гарцево, 22), тры казаки́ (ib., 32), три браты́ (ib., 34), тры палки́ (ib., 41), два дубы́ (ib., 47), два грабы́ (ib.), чаты́ри браты́ (ib., 57), два гады́ (ib., 60), три дни́ (Абаринки, 68), три гады́ (ib., 73), три вазы́ (ib., 79), три́ брусы́ (ib., 82), на чаты́ри рубли́ (ib., 84), чаты́ри дубы́ (ib., 92), три гады́ (ib., 100), три разбо́йнички (Ильбово, 105), на три часо́чки (ib., 110), на три гадо́чки (ib.), три дни (ib., 110), два вянцы́ (Семешково, 115).

Примечание. Такие сочетания, как: два ду́ба (Манюки, М. Н. К., 83), два го́луба (Гарцево, А. Д. Н., 78), дивяно́ста три двара́ (ib., 82), два бра́хнейка (ib., 90), два бра́та-сакала́ (Ильбово, ib., 103) очень редки и есть результат влияния русского литературного языка. В записях А. Д. Н. они чаще, чем у М. Н. К.

Аналогичные сочетания и в ответе на Академ. великорус. программу №№ 269 и 282: два разы́, тры разы́, два рубли́, три дни́ и т. д. (§ 230).

То же отмечается на востоке и северовостоке Белоруссии (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 143).

Форм двойственного числа от слов женского и среднего рода, характерных для южной и югозападной Белоруссии, в говоре нет. (Ср. акад. Е. Ф. Карский, ib.).

Сравни украинский язык (О. Курило. «Уваги до сучасної української літературної мови», 3 изд., стр. 134).

Согласование подлежащего со сказуемым.

а) В сочетании числительных *два, три, чаты́ры* при именах существительных с глагольным сказуемым последнее ставится преимущественно в единственном числе, например: дзве магі́лы ляжы́ць (М. Н. К., Манюки, 83), расте́ тры садо́чки (Погар, ib., 109), два дубы́ стаі́ть, два грабы́ ляжы́ть (А. Д. Н., Гарцево, 47); реже формы множественного числа.

б) В говоре гг. Стародуба и Погара при подлежащем в единств. числе сказуемое и определение при подлежащем ставятся во множ. числе, когда говорится о родителях: ма́ма сказа́лі, на́шы ба́тінька пае́халі, ва́шы ма́ма пашлі́ и т. д. То же наблюдается, когда речь касается уважаемых лиц.

Говору деревень такое сочетание почти неизвестно; встречается ли оно в говоре гг. Мглина, Суража, Новозыбкова и Клинцов, сведений нет. В обращении же к родителям и вообще уважаемым лицам употребительно только местоимение «Вы».

Примечание. В г. Стародубе говорить родителям «ты» — признак хорошего тона. Наблюдается это явление в говоре интеллигенции, преимущественно пришлой, оттуда оно проникает иногда и в местный язык.

Особенности употребления падежей.

Родительный падеж.

а) При infinitiv'е глаголов движения (а по аналогии с глаголами движения и от других глаголов), стоящем на месте старого supin'а, дополнение стоит обыкновенно в родительном падеже, лишь иногда заменяясь винительным.

Примеры.

Идзи́ дзіцятки шука́ць (Росуха, М. Н. К., 63), прышо́ў ми́лый травы́ каси́ць (Водвинка, ib., 62), лёну брацъ (Шапочка, ib., 63), пае́хаў мой мужы́к гаро́ду паха́ць (Задубенье, ib., 64), идзи́ квасо́ли садзи́ци (ib.), идзи́ця вы у по́ля зилянога жы́та глядзе́ци (Гарцево, ib., 41), ци ня при́йдя дявчо́начка ва́ды ра́н° брать (А. Д. Н., Гарцево, 50), пашли́... ры́бачки лави́ть (А. Д. Н., Абаринки, 81), лезь на ду́ба (ib., 93).

Отмечу наиболее часто встречающийся оборот с родительным падежом: сянéй забы́ў замкну́ць.

То же и в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 3, стр. 139) и в украинском языке (О. Курило. Op. cit., стр. 53—55).

б) При глаголах: шука́ць, пыта́ць, вы́пытаць и некоторых других дополнение ставится в родительном падеже.

Примеры.

Шука́й сабé пання́начки таки́я, як сам (Горяны, М. Н. К., 15), у ягó пра́ўды вы́пытаю (Жуково, М. Н. К., 74), шука́ла сваé рóдныя мати́ (А. Д. Н., Абаринки, 64). Особенно часты такие родительные падежи в выражениях: пытáе ягó умá; умá майгó прахóде.

в) При ряде глаголов родительный падеж единств. числа неодушевленных имен мужеск. рода стоит вместо винительного.

Примеры.

Вéтяр ду́ба шатáя (А. Д. Н., Абаринки, 68), тагó ду́ба сяку́ть (ib., 72), пасóдють на мне зялёнага ду́ба (ib., 73), чахóтки папа́ў (получил чахотку, ib., 83).

Таковы же: даў рубля́, на ду́ба паляцéла, укараці́ць свайгó вéку и т. д.

Примечание. Именам женского рода такие родительные падежи при тех же глаголах неизвестны, например: пасóдють на табé бéлаю бярёзу (А. Д. Н., Абаринки, 73).

Сравни другие белорусские говоры (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 3, стр. 141—142), украинский язык (О. Курило. Op. cit., стр. 96—97) и великорусский язык.

г) При глаголе *сьмяя́цца* объект смеха ставится в родительном падеже с предлогом *с* (з): сьмяю́цца з ягó, з іх сьмяю́цца, сьмяю́цца з мянé.

То же в белорусском (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 3, стр. 195) и украинском языке (О. Курило. Op. cit., стр. 94—95). Свойственного украинскому языку употребления в этом случае дательного падежа без предлога (ib.) в Северско-белорусском говоре нет. В Северско-белорусском говоре равноправны и, пожалуй, более употребительны такие сочетания, как: кала мянé сьмяю́цца, кала ягó сьмяю́цца, яны́ кала нас сьмяя́ліcь и т. д.

Примечание. В сборнике сказок А. Афанасьева № 6 в подобных случаях встречается творительный падеж с предлогом над: «насмия́вшись над на́ми»; в разговорной речи такая конструкция малоупотребительна.

д) Для обозначения места и лица, к которым направляется действие, нередко ставится родительный падеж с предлогом *да* (до) вместо дательного с предлогом *к* и винительного с предлогом *у* (в). Родительный падеж с предлогом *да* ставится также и вместо наречия *дамóў* (домóй).

Примеры.

М. Н. К. Да дóму (Росуха, 32), да ми́лыя, да сваé (ib., 38), да цéркви ишла́ (ib., 95), да дóму (Водвинка, 19), идзéць да бабу́сячки (ib., 33), да дóму паéдзя (ib., 34), прыéхаў да дóманьку (Задубенье, 64), пайшла́ да дóму (ib.), зьвяpни́тесь да дóму (Берновичи, 85) да сваéй Пятрóўны (Бородинка, 35), паляцéли да рэ́чки (ib., 53), паляцéли да крыни́чаньки (ib.), прышли́ вéсци да ма́чыхи (ib., 57), прышли́ вéсци да рóдныя ма́ци (ib., 58), да майгó дварá (ib., 102), да цябé я прышла́ (Жуково, 75), ни да рéчки, ни да вóзяра (Гриденки, 52), да глыбóкага калóдзизя (ib.), ён да мянé хóдзя (Михайловск., 60), ни хади́ да мянé (Погар, 109), я да тябé бу́ду хади́ти (Мглин, 112).

У А. Д. Н.: ни литáй. . . да мянé (Гарцево, 31), пайду́ да крáснай дявчы́ны (ib., 32), пайдём да пáна (ib., 35), паéду да Ма́шыньки (ib., 35), ў гóсти да мянé (ib , 40), вяду́ть дéвку да винцá (ib., 44), хади́ла да чулáна, да чулáна нóвага (Абаринки, 71), бу́ду да тябé хади́ть (ib., 71), аўпрáвили да тюрьмы́ (ib., 75), пóйдиш да шынку́ (ib., 77), ни при́ду да вас (ib., 83), éхать да винцá (Семешково, 114) и т. д. и — пашла́ йнá до дóму (Гарцево, 28), панёс да дóму (ib. 35), пусти́ў да дóму (ib.), з ву́лицы да дóму (ib., 47), приду́ я до дóму (Ильбово, 105), приди́ ты да дóму (ib.).

То же и в сказках, записанных А. Н. Афанасьевым в Погаре: пашла́ да кавaля́, да падру́жак (№ 4), паéхав да другóй, (№ 6), приéхаўши да шатрá, пашóў да крыни́цы, пашóв да бáбы, ляти́ да маéй жóнки (№ 14), пашóў да папá, сабира́ўся да цéркви (№ 31), пашлá да дóму (№ 14).

У Е. Якушкина: Гей, женá, да дóму (Погар).

Сравни украинский язык (О. Синявский. «Украинский язык», 88).

Однако подобные обороты не обязательны: на ряду с ними в разговорной речи весьма часто употребляется дательный падеж с предлогом *к* и винительный с предлогом *у* (в). То же находим и в записях М. Н. К., А. Д. Н. и в сказках А. Н. Афанасьева.

Примеры.

К гарадóчку (Росуха, М. Н. К., 79), к рéчанцы Дунáю (Водвинка, ib., 57), к ручаéчку (Бородинка, ib., 69), панёс ка двару́ (Жуково, ib., 100), к мáтушцы (Шапочка, ib., 65), ка мне (Невзорово, ib., 90; Клинцы, ib., 103), к Дунáй-рэ́чки (Манюки, ib., 92), к нам трóя гастéй (Погар,

ib., 108), падайди́ к маймý дварý (Гарцево, А. Д. Н., 37), падыжджáя ка дварý (ib., 39), прилитáй ...ка мнé (ib., 47), ка мнé хóдиш (Абаринки, 70); в сказках А. Н. Афанасьева: прихóдя к хáте (Погар, № 14), пашлá к дýбу, пашлá в цéркавь, паéхав у цéркавь (ib.), пашлá у канюшню (ib.).

е) Обычны родительные падежи времени, например: тагó гóду, тагó ж чáсу; тагó лéта, як мой бáцька памёр, тагó ж вéчара, аднагó рáзу и т. д.

ж) Родительный падеж нередко употребляется в своеобразном сочетании, в выражении: «прашчайте ат вас». М. Н. К. также отмечает его в мещанском говоре г. Погара: «об éтам прощáйтя, да свидáния ат вас»(106). В крестьянских говорах такие сочетания встречаются реже.

Дательный падеж.

а) В сочетании с глаголами приветствия ставится дательный падеж лица, таковы, например: здарóў тябé, дявчы́начка (А. Д. Н., Гарцево, 72), дрáстуй табé, служи́вы (ib., Абаринки, 94), здрáстуйтя вам (М. Н. К., Погар, 106). На ряду с «драстуйте» употребляется и «здарóвенькі», чаще однако в ответ на приветствие.

Подобные обороты одинаково употребительны в городской и крестьянской речи.

Примечание. Довольно распространен в городских говорах дательный падеж в своеобразном сочетании: «слýхайте мне сюды́» (послушайте меня). В записях он встречается только у М. Н. К. — отмечен ею в Погаре (106).

б) Для обозначения места, куда направлено движение, в записях М. Н. Косич встречается дательный (по форме) падеж с предлогом *у* от слова *двор*: у двóру прышлá (М. Н. К., Шапочка, 98), пашлá янá у двóру (ib., Михайловск, 60). Подобные обороты встречаются нечасто.

Возможно однако, что здесь вин. пад. ед. числа, образованный по аналогии со словами женского рода на *а*, или остаток старины.

То же и в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 152). Сравни южновеликорус. говоры Обоянского уезда Курской губернии (записи А. С. Машкина в «Материалах по этнографии Курской губернии»).

Винительный падеж.

а) В некоторых случаях сохраняется в Северско-белорусском говоре старая форма винительного падежа множественного числа: от имен одушевленных предметов, иногда и лиц, винительный падеж иногда равен современному именительному (а не родительному) падежу множественного числа

Примеры.

Прамяняў быкі на барáны, кóні таргýя, пагнáў карóвы (в последних двух примерах возможен и винительный, равный родительному) и некоторые другие.

Единичные примеры встречаются у М. Н. К. и А. Д. Н.: заўём вянóчки мы на ўси́ святы́я (М. Н. К., Водвинка, 54), паéхаў я на пáри кóни (А. Д. Н., Гарцево, 59), за мной паслы́ шле (ib., Ильбово, 98).

Сравни другие говоры белорусского языка (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 141).

Сравни украинский язык (О. Курило. Op. cit., стр. 97—98).

б) При отрицании *не* винительный падеж не всегда переходит в родительный, например: не 'ставля́й мяне́ адну́, ня бі Пара́ску, ня взяў сваю жóнку дамóў и некоторые друг. Такие обороты однако нечасты.

в) Весьма обычен винительный падеж времени с предлогом *у* (в) и без него: у лéта, у вóсень, у зімку, у дзéнь і ў ноч (в последнем примере нередок и творительный падеж: днём і нóччу), ў éту вóсень ягó взялі ў салдáты, тóя лéта ён хадзіў на зáрабаткі.

г) Менее распространен винительный времени с предлогом *за:* трóба скасíць за пагóду; вхóдя ўмёршы за два́ гады́ му... (Гарцево, А. Д. Н., 61).

д) Реже употребляется винительный места (без предлога) в таких выражениях, как: ізде́ пóле, éдзе пóле и подобных им. Чаще однако здесь творительный падеж.

Единичные примеры приведены и у М. Н. К.: идзé пóля, йдзé другóя (Росуха, 75), прыплóсь дзéўкам Дунáй плысць (Бородинка, 57).

Сравни другие белорусские говоры (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 133—134) и украинский язык (О. Курило. Op. cit., 109).

е) Почти исключительно употребительны сочетания винительного падежа с предлогом *у* (в) или *па* (по) и глагола *пайці́* и подобных ему: пашлá ў я́гады, ў грыбы́, ў малíну, ў смарóдзіну или: па я́гады, па грыбы́, па сéна, па мя́са, па авёс, па вадý и т. д.

Примеры в записях немногочисленны: пашли́ дзéўки у я́гадки... да ў чóрную смарóдыню (М. Н. К., Бородинка, 57), паéду... па тýю Лукíрку крáсную (ib., Водвинка, 20).

Примечание. В городах употребительны иногда сочетания с творительным падежом и предлогом *за*, например: за карасíнам, за спíчкамі, за сóлью и т. д. Нередко подобные сочетания проникают и в говор деревни.

Сравни другие белорусские говоры (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 189); сравни западные говоры украинского языка (О. Курило. Op. cit., стр. 105—106); сравни переходные украинско-белорусские говоры («Известия Отд. рус. языка и слов.» Акад. Наук. 1898, т. III, кн, 3).

ж) При глаголе *ваяваць* объект действия ставится в винительном падеже без предлога: нéмца, тýрка ваявáць и т. д.

Есть один пример и у М. Н. К.: «хóча з нáмы... тýрка ваивáць» (Берновичи, 85).

Сравни в украинском языке: «козаки воювали татар...» (О. Курило. Op. cit., 101).

Творительный падеж.

При глаголе *гнаць* ставится творительный падеж вместо винительного; обыкновенно этот оборот встречается во фразе: «канём гóня».

Единичные примеры есть у А. Д. Н.: а я бýду канём гнáти (Гарцево, 28), Хвéдячка канём гóня (ib.).

Выражение отрицания.

Отрицание обыкновенно выражается словом *нямá* и реже производными от него: нямáша, нямáшацькі, нямáшака, например: нямá хлéба, нямá сéна, нямашáцькі ягó там. В отрицательных ответах на вопрос употребляются эти же слова или отрицание *не*.

Примечание. У М. Н. К. в единичном случае (в песне, сочиненной 20-летним парнем) встречается *нет*: «на вýзинькай на палбсцы нет ни мéха, ни картóшки (Росуха, 77), но в живой речи оно не употребляется не только в деревнях, но и среди той части городского населéния, у которой нет стремления говорить русским литературным языком.

Употребительны и образные выражения отрицания: ні кáпелькі, ні крóшачкі, например: ні кáпелькі ня стыдна ямý, ні крóшачкі ты ня люібіш мяне и т. п.

При наличии в предложении отрицания *нямá* весьма обычно употребление с ним косвенных падежей местоимений *хто* и *што* без отрицания *не*: нямa кагó, нямá чагó глядзéць, нямá камý сказáць, нямá чым хвалíцца и т. д. Таково же и — нямá кудьí и т. д. Это однако не исключают и сочетания с *не*: нéкаму, нéчым, нéкуды и т. д. Ср. другие белорусские говоры (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 207).

Выражение вопроса.

а) Одним из наиболее обычных способов выражения вопроса является употребление частицы *ці*, ставящейся в начале предложения, например: ці нямá ягó у вас? ці ня бáчылі вы, кудьí ён пабéг? ці ня бáцька твой здурэў?

То же и при двух, взаимно исключающих друг друга вопросах: ці жыў ён, ці памёр? ці пóйдзіш ты, ці не?

б) При вопросе о причине и цели действия употребительны формы родительного и дательного падежей местоимения *што*: *чаго* и *чаму*, иногда *ча*: чагó ты з ім вóзішся? чагó ты стаíш? чамý вы няйдзіцё? чамý ты ня скáжаш яму? чамý цябé мáтка малóга не задавíла? ча ж ты éта стаíш? и т. д. То же в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 210—211).

Примечание. Более в песенной, чем в разговорной речи, в вопросах о причине и цели употребляются также *учóм* или *чом*, например: учóм ты ни цвилá? (М. Н. К., Бородинка, 102), учóм зáмуж ни йшлá? (ib.), учóм ты халастьíй? (ib.), учóм ня хóдзиш на вýлицу? (Лупеки, ib., 72), чом ты, кавáль, ...ни куéш (ib., 80), учóм на табé мýлка спаць (Платково, ib., 81), учóм ты, Вáнька, разбясóвисный ты стаў (ib.), учóм салдáта ни любíть (Бороздино, ib., 105), чом ты, Иванюша, ня вéсил (А. Д. Н., Гарцево, 33).

Безличные предложения.

а) Сравнительно часты (чаще, чем в русском языке) бессубъективные предложения с предикатом в форме причастия среднего рода страдательного залога настоящего и прошедшего времени, например: панатаскáна грязі, чагó тóлькі тудьí не панакладáна, да сіх пор заббра не загарóджана, за маё жьíта да мянé і набíта.

Сравни другие белорусские говоры (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 15—16); ср. украинский язык (О. Курило. Op. cit., стр. 120—121; О. Синявський. «Украинский язык», стр. 81—82).

б) Весьма распространены безличные по существу предложения с формальным подлежащим, выраженным местоимением 3-го лица един. числа среднего рода, напр.: віднó што янó раздажджжíцца, мóжа яно распагóдзіцца, мóжа янó на éтам і акашьíцца, як янó апяць нахмáрыла и т. д.

То же и в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 12) и в украинском языке (О. Синявський. Op. cit., 82—83).

Примечание. Подлежащее из этой формы часто заходит и в полные предложения: хоць янó і трýдна учы́цца; янó ўжо и спаць лю́дзі паляглí; янó ўжо і ноч прайшлá, і дзéнь наступíў; бáчыце, янó як мянé ўзя́лі и т. д. Сравни украинский язык (О. Курило. Op. cit., 133; О. Синявський. Op. cit., стр. 83).

Сложное предложение.

В сложном предложении отмечу весьма распространенный способ подчинения предложений при посредстве союза *што*: а йдзé ж тая липи́начка, што лы́ки дзерýцца, а йдзé ж тáя дзяўчы́начка, што лю́дзи смяю́цца (М. Н. К., Росуха, 47), пра тýю дяўчóначку, што чóрныя брóвы (ib., Погар, 110), тэй двор, што нóвыя сéни (А. Д. Н., Гарцево, 26), сабáка злéзя, што на скры́ни (ib., Абаринки, 93), гусáк, што ляти́ть адзáду (А. Н. Афанасьев, Погар, № 4в) и т. д.

Из других способов наиболее употребительно сочетание с местоимением *які(й)*. Встречается оно и в записях: там висéв змей, яки́й хатéв сíлаю взять за себé зáмуж Анастáсию (А. Н. Афанасьев, Погар, № 6), не вы́шав из лéсу, па якóму ямý трéба былó итти́ (ib.).

Падежные формы в соединении с предлогами.

Собственно предлоги и предлоги-наречия по своему происхождению, употребляемые только с *родительным падежом:* апры́ч, ат, без, вакрýг, да, длі (для), із (з), із-за, із-пад, замéст, калá, крóмі (и акрамя́), мíма, напрóці, напярёд (и напéряд),[1] папярёк (и пóперяк), пóсьлі (и пасьля́), прамéж, прóці (-ў), рáдзі, сéряд (и сярёд), у, упярёд (и упéряд), ўмéста.

Примечание. Преимущественно в песнях и реже в разговорной речи употребляется предлог *край*: палажы́ли сы́на край дарóжки, а нявéстачку край дали́начки (М. Н. К., Бородинка, 89), край Дунáю палóтны бяли́ла (Росуха, ib., 101), у чы́стам пóли край дарóжки (х. Александровка, ib., 90), ягó нóжачки край дарóжачки (А. Д. Н., Гарцево, 33), палажы́ў край акéнца (ib., 37), иглá край дарóжачки (ib.), у пóли край дарóги (ib., 44), палóжуть мянé край грани́чаньки, палóжуть тябé край дарóжачки (Абаринки, (ib., 73), пастáвлю я хáтачку

[1] Здесь и в других аналогичных случаях нарушается белорусская орфография.

край вады́ (ib., 76), сав'ю́ гняздó край дарóжачки (ib., 87), ся́ду я... край дарóжачки (Ильбово, ib., 100), ёсть ў пóли край дарóги сухáя игрýшыца (Семешково, ib., 116).

Реже употребляется в песнях предлог *канцы*; в разговорной речи он крайне редок: канцы́ гарóда, канцы́ сялá.

Об употреблении предлога *да* (до) уже было сказано в отделе «Особенности употребления падежей».

Предлог *із* чаще встречается без начального гласного, в виде *з* и нередко смешивается с предлогом *с*; то же и в сложении с предлогом *пад*.

Примечание. Больше в песнях встречается предлог *длі* в значении *возле, подле.*

«Што-й дли ты́я парадзя́льницы
Да сядзéла да бабýсинька» (М. Н. К., Бородинка, 35).

С таким же значением иногда употребляется этот предлог в сокращении: *лі, ля.*

Предлоги только с *дательным падежом*: к.

Об употреблении предлога *к* смотри в отделе «Особенности употребления падежей».

Предлоги только с *винительным падежом*: пóўз (паўз), пра, скрозь, чéряз (чаще тéряз).

Например: паўз хáту, паўз мянé, пóўз забóр и т. д.

Примечание. Предлог пóўз (паўз) употребляется исключительно с винительным падежом. В других белорусских говорах он обычен с родительным падежом и лишь в некоторых случаях с винительным (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 171).

Предлог *пра* в значении *о, об* и реже *для* является весьма употребительным, например: гавóре(я) пра мянé, пра ягó жавý, берягéць пра вялíк дзень, пра вялíкае сьвя́та (большой праздник), пра лíхую гадзíну.

Иначе в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 193); ср. украинский язык (St. Smal-Stockyj und Th. Gartner: «Grammatik der ruthenischen (ukraïnischen) Sprache», стр. 441; О. Синявський. Op. cit., 88).

Предлог *чя́ряз*, кроме обычного пространственного и временного значения: чя́ряз сад, чя́ряз лес, чя́ряз сялó, чя́ряз год, чя́ряз час и т. д., часто употребляется в причинном значении, например: усё чя́ряз яé пагíбла, прапаў чя́ряз бáбу, чя́ряз бáбу ўсё злó и т. д.

Предлог *скрозь* употребляется только с винительным падежом; употребления его и с родительным падежом, известного другим белорусским говорам (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 194), в Северско-белорусском говоре нет.

Довольно часто предлог *скрозь* заменяется предлогом *чярэз*; *скрозь* обычно встречается в таких выражениях, как — як скрóзь зямлю́ правалі́уся.

Предлоги только с *творительным падежом*: над и пéрад.

Предлоги только с *местным падежом*: пры.

Предлоги, требующие *родительного, винительного* и *творительного падежа*: с.

Предлоги, требующие *родительного* и *творительного падежей*: меж, мéжду, памі́ж (изредка памі́з).

Предлоги, требующие *дательного, винительного* и *местного падежей*: па.

Предлоги, требующие *винительного* и *творительного падежей*: за, пад.

Предлоги, требующие *винительного* и *местного падежей*: аб, на, в (ў, ув). О замене *аб* см. выше.

Главшейшие сочетания при посредстве союзов и других слов.

Абó (иногда або — або) в значении *или*: прыду́ ў надзéлю абó ў панядзéлак.

Абы́ в значении *лишь бы, только бы*: няха́й п'е, абы́ на здарóўе, абы былó с чагó.

Аджа в значении *ведь*: а́джа ты быў у яé; а́джа ты ўзяў.

Аж, а́жна в значении *так что*: спужа́ўся я, аж тря́сусь увесь; слу́хаў, слу́хаў, а́жна стра́шна ста́ла; а́жна вóчы на лóб лéзуць.

Атó в причинном сочетании: ня трóнь ягó, ато ён уку́ся.

Аўжэ́-ж в значении *конечно, да, разумеется*, преимущественно в ответах на вопрос: ці пра́ўда éта? — Аўжэ́-ж пра́ўда.

Ба при повелительном паклонении в значении *же*: ня бíсь ба! ідзі ба ўжо; глянь ба.

Бада́й часто вместо *штоб*: а бада́й вы падóхлі; а бада́й цябé ліха́я гадзіна задавіла.

Бу́ццам (или будта): бу́ццам я ня знаю; буццам я там ня была́.

Да в противоположениях и в соединительных сочетаниях (заменяет в противоположных сочетаниях *но*, неизвестное Северско-белорусскому говору), например: зна́ю, да каза́ць ня бу́ду; пашóў ён, да і вярну́ўся наза́д; пашóў да і ка́жа,

Дак в значении русского *так*: разкі тры я ягó хвацíў, дак ён і ня ды́хнуў (из показаний на суде).

Эгé, эгé-ж в значении *да*: эгé-ж, быў ён; эгé, éта са́мая.

Заты́м што в значении *потому что*: прада́ў, заты́м што грóшы нямá.

І не только в соединительном сочетании, но также иногда и для соединения противоположных сочетаний: цябé дава́лі, і ты ня взя́ў; цябé даюць, і ты не бярэ́ш.

Каб в значении *если бы*: каб я зна́ў, што ён ня вóзьме.

Калí в значении *если*: калі ня зна́еш, дак і маўчы́.

Ма́буць со значением *может быть, должно быть*: ма́буць яна́ вéдзьма; мабуць ён зна́е.

На́ват в значении *даже*: на́ват хлéба нямá.

囊штó в вопросительных предложениях в значении *зачем*: наштó ты ягó б'еш? на штó табé яна́?

Нятó в значении *иначе, в противном случае*: ідзі ж, нятó шкуру я з цябé спушчу́.

Няўжэ́ и *няўжлí* в вопросительных предложениях: няўжэ́ éта пра́ўда? няўжлі ты ня мóг?

Няха́й в значении русского *пусть*: няха́й ён ка́жа; няха́й бу́дзе так.

Та в значении *но* иногда в соединении с *толькі*: ба́чыў, та тóлькі нічóга не каза́ў.

Тай (иногда *дай*): узя́ў грóшы, тай быў такóў, пашóў дай не вярну́ўся.

Так в значении *поэтому*: яго ня зва́лі, так ён і не пашóў.

Такí в значении *ведь, всё-таки*: я такі каза́ў яму́; ён такі ўба́чыў.

Тóлькі — як, чаще *толькі што — як*: тóлькі што я ўста́ў, як ён прыхóдзе і ка́жа.

Хоць в значении *хотя*: хоць і ма́тка я яму́, да дармá.

Часто *хоць — хоць* употребляется при исключающих друг друга понятиях: хоць так, хоць éтак, а éхаць трэ́ба; хоць я, хоць ён — ніхтó дармá рабóтаць ня бу́дзе.

Ці в значении *ли*, чаще всего при вопросах или при сочетании исключающих друг друга понятий: ці спа́ў ты сягóньня? ці пóйдзеш ты? ці чу́лі вы? ці п'я́ны(й), ці дурны́(й), ці саўсíм сумашэ́ччы(й).

Ці што в значении *что ли*: даў ба яму́ рублі два ці штó.

Чаму́ и *чагó* в вопросах о причине и цели. Смотри в отделе «Выражение вопроса».

Чы́мся в значении *чем*: чы́мся рабіць за такія грóшы, дак лу́ччы на пе́чы праляжа́ць.

Што в сочетаниях, находящихся в различных друг к другу отношениях. Отмечу *што* в сравнительном сочетании: адзе́вецца, што твой пан.

Як в значении *как*: шата́ецца, як не ўпадзе́ць.

Як в соединении с *бы* в значении *если бы*, *когда бы* и т. д.: як-бы я зна́ў, дак зрóду не пашóў бы; як-бы вы чу́лі, што яна́ каза́ла.

УДАРЕНИЕ.

Ударение в Северско-белорусском говоре в огромном большинстве случаев представляет особенности белорусского ударения. В частности оно сходно с ударением говоров соседней с ним бывш. Могилевской губернии, но представляет и явления, отличающие его от них. Пользуясь отчасти приведенным у акад. Е. Ф. Карского (т. II, в. 1, стр. 508—518) перечнем слов, составленным на основании словаря Носовича и ответов на белорусские программы, укажу слова белорусской Северщины, отличающиеся от слов бывш. Могилевской губернии по ударению:

абó (Северско-белорусск.)	.....	а́бо (словарь Носовича).
аржаны́(й) »	.....	аржа́ный (М. Б., 4, Мог. губ.).
багнó »	.....	ба́гно (словарь Носовича).
балва́н »	.....	ба́лван словарь Носовича (в Быховском уезде балва́н).
дóчухна »	.....	дочу́хна (словарь Носовича).
заба́вна »	.....	за́бавно » »
закла́дка »	.....	за́кладка (М. Б., 4, Мог. губ., но в Быховском уезде, М. Б., 9, закла́дка).
за́пах »	.....	запа́х (словарь Носовича).
зашчы́тны(й) »	.....	за́щитный (словарь Носовича, М. Б., 4, Мог. губ.).
ку́рыца »	.....	куры́ца (М. Б., 3, Мог. губ.).
малóдзенькі(й) »	.....	малодзе́нький (М. Б., 4, Мог. губ.).

нарóд (Северско-белорусск.)	....	на́род (М. Б., 4, Мог. губ., но в Быховском уезде, М. Б., 9, нарóд).
нау́чаны(й) »	.....	на́ўчаны (словарь Носовича).
п'я́ніца »	.....	п'яни́ца (словарь Носовича, М. Б., 4, Мог. губ.).
рабóтаць »	.....	рабыта́ць (М. Б., 4, Мог. губ.).
сьмяшны́(й) »	.....	сме́шный (М. Б., 3, Мог. губ.).
сóкал »	.....	сакóл (М. Б., 4, Мог. губ.).

По ударению слова эти сходны с говорами югозападной Белоруссии (см. акад. Е. Ф. Карский, ib.) или отчасти с великорусскими говорами.

На ряду с этим в отдельных словах наблюдается колебание в ударении: барада́ўка и барóдаўка, за́гадка и зага́дка, заку́ска и за́куска, за́сланка и заслóнка, за́кладка и закла́дка, за́шчэпка и зашчэ́пка, загвóздка и за́гваздка, íмя и імя́, калясó и кóлеса, каўза́цца и кóўзацца, кóршун и каршу́н, ма́лы(й) и малы́(й), напе́ряд и напярёд, пóтым и патóм, сівíзна и сівізна́, упе́ряд и упярёд и т. д.

Причины этого колебания те же, что и в других говорах белорусского языка (см. акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 507): вызваны они главным образом влиянием соседних говоров Украины и Великороссии. Однако это влияние невелико и ограничивается лишь отдельными словами.

В частности Северско-белорусскому говору не известен переход ударения с имени существительного на предлог в тех случаях, в каких это явление свойственно великорусским говорам (см. проф. Н. Н. Дурново. «Описание говора деревни Парфёнок», 109—111) и лишь отчасти некоторым белорусским (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 543—544). Влиянием аналогии других падежей, наоборот, ударение удерживается на том слоге, на котором оно было в именительном падеже. Таким образом употребительны следующие ударения: за руку́, за нагу́, на ваду́, па мóрю, па пóлю, на руку́, на нагу́, на ряку́, за ряку́, за ру́кі, за нóгі, на гря́зі, пад гару́, прі сме́рті и т. д. Ср. южновеликорус. ударение (В. И. Чернышов. «Русское ударение», стр. 60).

Наоборот, в именах существительных, соединенных с предложными приставками, в ряде слов ударение переходит на приставку: за́клік, за́цішак, пры́казка, рóзгляд, за́раз, за́відпа, за́гадзя, за́крутка, за́сек, нядóімка, пры́гавар, пры́дача, пры́данае.

То же и в других говорах белорусского языка и в южновеликорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 539—540; В. И. Чернышов. «Русское ударение», стр. 60—61).

В глаголах, соединенных с предложными приставками, также наблюдается колебание между формами с отсутствием перехода ударения и формами, меняющими ударение. С одной стороны, в глаголах, соединенных с приставками: во-, воз-, вы-, ударение переходит на приставку: во́зьмеш, во́йдзем, во́зьмуць, во́йдуць, во́зьмеце, во́йдзеце и т. д., а с другой — в ряде глаголов с другими приставками ударение не переходит на приставку, например: памёр, прада́ў, заня́ў, прыня́ў, запёр, наня́ў, абня́ў, пача́ў, пражы́ў, перада́ў, перялі́ў, аджы́ў, прапі́ў, пракля́ў.

То же касается и отрицания *не*, стоящего пред глаголом.

Наконец, в ряде глаголов, соединенных с приставками, ударение также не переходит на приставку, но, сравнительно с глаголами без приставок, отодвигается на один слог к началу, на коренной гласный, например: прысто́яць, прасто́яць, падво́дзіў, прыво́зілі, агле́дзіўся, вско́чыў, саско́чыў, захо́дзіў и др.

В изменении слов без приставок отмечу следующее явление. Под влиянием именительного падежа единственного числа в ряде слов ударение удерживается в косвенных падежах единств. и отчасти и множ. числа на том же слоге, напр.: именит. пад. ба́лаўник, крэ́мень, абу́х, хрэ́бет, ячме́нь и некоторые другие; род. падеж — ба́лаўніка, крэ́мня, абу́ха, хрэ́бта, ячме́ня; дат. падеж — ба́лаўніку, хрэ́бту, ячме́ню и т. д.; множ. число, имен. пад. ба́лаўнікі, крэ́мні, абу́хі, хрэ́бты, ячме́ні; род. пад. ба́лаўнікаў, крэ́мняў, абу́хаў, хрэ́бтаў, ячме́няў и т. д.; иногда также и хрябты́, хрябто́ў и т. д.

В некоторых говорах белорусского языка в большинстве этих слов ударение, начиная с родит. пад. единств. числа, переходит в единств. и множ. числе на окончание (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 547).

В словах *во́лас* и *пі́сарь* в именит. падеже множ. числа сохраняется ударение на том же слоге, на каком оно было в единств. числе, а в косвенных падежах переносится на окончание — во́ласы, пі́сары, вало́с, валаса́м, пісарэ́й, пісаря́м и т. д.

В словах: бог, дзед, арэ́х, пан в формах множ. числа ударение переносится на окончание: багі́, дзяды́, арях́і (нередко также и арэ́хі), паны́ и др.

Ударение на окончании имеет также во множ. числе и слово *воўк:* ваўкі́, ваўко́ў и т. д., а в единств. числе: во́ўк, ваўка́, ваўку́ и т. д. То же и в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 550—554).

В словах среднего рода, кроме немногих случаев, ударение во множественном числе не бывает на окончании: во́йскі, дро́вы, ле́ты, бало́ты, варо́ты, до́латы, во́блакі, сло́вы и т. д., но маря́, паля́. Несколько иначе в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 553), но, с другой стороны, и там имеются, правда, немногочисленные отступления.

Слова женского рода с ударением на окончании под влиянием форм именительного и других падежей единств. числа сохраняют его в винит. падеже единств. числа: руку́, нагу́, ряку́, ваду́, бараду́, галаву́, зіму́, вярбу́, гару́, зямлю́, расу́, саху́, сцяну́, цану́, дачку́ и др. То же и в других говорах белорусского языка (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 556). Сравни южновеликорусские говоры (В. И. Чернышов. «Русское ударение», стр. 58, 59).

Отступлений от этого положения, известных в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 557—558), в Северско-белорусском говоре нет.

Слова *кроў* и *грязь* во всех косвенных падежах сохраняют ударение на корне: кро́ў, кро́ві, кро́ві, кро́ўю, кро́ві, грязь, гря́зі, гря́зі, грязь, гря́зьзю, па гря́зі. Иначе в Могилевских говорах: кро́ў, -ві́ (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 559).

В производных именах существительных ударение нередко остается на том же слоге: бо́ндарыха, зло́дзей, мо́ладзеж (преимущественно в городах), но более многочисленны такие, как: ткачы́ха, панамары́ха, купчы́ха и т. д.

В ряде имен ударение преимущественно на первом слоге: до́ска, до́лата, ба́лаўнік, крэ́мень, рэ́мень, тво́раг, кла́дзьбішча и др.

В именных формах имен прилагательных ударение в женском и среднем роде единственного числа, а равно и во множ. числе остается на том же слоге, на котором оно было в мужеском роде, т.-е. на основе: глуп, глу́па, глу́пы, стар, ста́ра, ста́ры, вялі́к, вялі́ка, вялі́кі, дзе́шыў, дзе́шыва, дзе́шывы, п'ян, п'я́на, п'я́ны.

Примечание. Формы женского и среднего рода в силу аканья совпадают.

В ряде имен прилагательных сложного склонения удерживается ударение именных форм, например: бо́сы(й), про́сты(й), то́ўсты(й), сле́пенькі(й) и т. д., но с другой стороны — мало́дзенькі(й) (реже, преимущественно в песнях маладзе́нькі(й)), мале́нькі(й), а также и ма́ленькі(й) и т. д.

В ударении глагольных форм отмечу переход ударения, начиная со 2-го лица единств. числа настоящего времени, с окончания на основу: га-

варю́, гаво́рыш, гаво́ре(я), гаво́рым, гаво́рыце, гаво́рюць, прашчу́, про́сьціш, про́сьце, про́сьцім про́сьціце, про́сьцюць; таковы же: раджу́, ро́дзіш, ро́дзе и т. д., дзяржу́, дзе́ржыш, дзе́ржа, дзе́ржым, дзе́ржыце, дзе́ржуць. Последний глагол (дзяржу́) встречается и с ударением на окончании — дзяржы́ш, дзяржы́ць и т. д.

Ударение на окончании имеют во 2-м лице единств. числа нетематические глаголы *дам* и *е́м*: дасі́, ясі́, дасьцё, ясьцё.

Из тематических глаголов отмечу с ударением на окончании 2-го лица множ. числа: сьпіцё, ідзіцё, вядзіцё, вазьміцё и некоторые другие (иногда также и гаварыцё). Формы с таким ударением употребляются преимущественно в городском говоре. Сравни такие же ударения в югозападных белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 569).

В формах прошедшего времени ударение в женском роде оказывает иногда влияние на другие формы единств. и множеств. числа, вследствие чего имеем: бы ў, была́, было́, былі́, жыў, жыла́, жыло́, жылі́, даў, дала́, дало́, далі́, взялі́, лілі́, клялі́, началі́, пілі́ и т. д. и с другой стороны — бра́ла, гна́ла, жда́ла, іка́ла, гна́лі, жда́лі, іка́лі. То же и в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 571) и в украинском языке (см. О. Синявський. Op. cit., стр. 75; Ogonowski. «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache», стр. 228). Нередко, впрочем, во множ. числе от глаголов: даць, нача́ць, взяць можно слышать, преимущественно в деревнях, формы с ударением, аналогичным в муж. роде: да́лі, нача́лі, взя́лі, но в среднем роде единств. числа ударение исключительно на окончании.

В формах деепричастий настоящего времени ударение никогда, кроме песен, не бывает на окончании: хо́дзючы, се́дзючы, ле́жучы и т. д. Лишь *ідучы́* имеет ударение на окончании. Несколько иначе в других белорусских говорах, где оно преимущественно на окончании, хотя возможны здесь и случаи с ударением на основе (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 572).

В наречиях, образованных от имен прилагательных, по аналогии с ними сохраняется ударение на том же слоге, на котором оно было в именах прилагательных, например: далёка, глубо́ка, лёгка, цёмна, цёпла и т. д. при прилагательных: далёкі(й), глубо́кі(й), лёгкі(й) и т. д.

В сложных наречиях, в состав которых входит предложная приставка, ударение обыкновенно переносится на приставку: за́раз, за́відна, зда́лека, за́гадзя, на́дта.

Отдельно отмечу: учо́ра, і́начы, ваччу́.

Особенности ударения некоторых других слов см. в словаре.

СЛОВАРЬ.

Слова, встречающиеся преимущественно в бывших северных уездах Черниговской губернии.

Примечание. Буквы А. Ф. П. и М. В. У., стоящие после слова, указывают, что слово и его значение целиком или частично (после *точки с запятой*) взято мною у А. Ф. Полевого или М. В. Ушакова.

А.

аба́бак — гриб березовик; куча гречихи (М. В. У.).
аба́палка — крайняя доска при распилке дерева.
абгарну́ць — обвернуть.
абгатава́цца — приготовиться.
або́руч — двумя руками.
або́ — или.
абраві́та — прямо (М. В. У.).
абро́тка — узда.
абро́тнік — бездельник.
абры́днуць — надоесть.
абцэ́нькі — клещи (А. Ф. П.).
абцугі́ — клещи.
абшчапі́ць — обнять.
абы́ — лишь бы.
абы-хто́ — кто-нибудь.
абы-што́ — что-нибудь.
абы-я́к — как-нибудь.
абясьці́цца — отозваться где-нибудь (А. Ф. П.).
авто́рак — вторник.
аго́ўтацца — прийти в себя.
Ада́рка — Дарья.
адгукну́цца — отозваться.
а́джа — ведь.
аддуду́рыцца — оттопыриться.
адкасну́цца — не приставать.
адку́ль — откуда.
адку́тацць — открыть.
адпе́таваць — побить кого-нибудь.
адружы́цца — жениться; помолвиться (А. Ф. П.).
адту́ль — оттуда.
адуры́ць — обмануть.
адчура́цца — отказаться, отречься.
адчыні́ць — отворить, открыть.
аж, а́жна, а́жны — даже, так что.
акапы́цца — ограничиться.
акра́ец — краюшка хлеба.
акра́йка — кромка сукна.
Акdjо́та — Ксения.
але́й — конопляное масло; растительное масло (А. Ф. П.).
алі́ — или.
алі́ва — деревянное масло.
амёга — кислое, солёное.
андара́к — шерстяная юбка.
аппяну́цца — обкрыться.
апу́ка — мяч из коровьей шерсти.
асе́ць — овин.
асьмётак — стоптанный лапоть или башмак.
ат — междометие для выражения неудовольствия.
ато́ра — обмолоченные колосья.
ато́ря — мелкий колос в соломе (М. В. У.).
ато́са — веревка, соединяющая оглоблю с осью.
Атро́х — Трофим.
атру́та — отрава.
аўжо́ж — конечно, да.
аўто́рак — вторник.
ахля́лы(й) — ослабевший.
аццён — отсечение.
ачу́ніць — прийти в себя.

Б.

бабáхнуць — упасть, шлепнуться.
бабíны — угощение, пирушка по случаю рождения ребенка.
бáбіць — принимать ребенка.
багí — иконы.
багáта — много.
багнó — болото; неубранная постель.
бадáй — чтоб.
бáйды біць — бездельничать, заниматься пустяками.
бажавóліць — дурнеть, свихнуться.
бажáць — хотеть.
базíкаць — болтать, разговаривать.
байстрá } внебрачный
байстрюк (-ýк) } ребенок.
бáкі забíць — переговорить, убедить кого-нибудь.
бакóўка — дверка в печи.
балáба — род рыбы (А. Ф. П.).
балабóны — бубенчики (М. В. У.)
балагýла — крытая повозка.
балазé — благо, хорошо; возле (М. В. У.); мол (А. Ф. П.).
баламýт — смутьян, возмутитель.
балматáць — говорить быстро, неразборчиво.
бальшáк — большая дорога.
бандýра — музыкальный инструмент.
бараніць — защищать.
бараніць — см. **скарадзíць.**
баркáн — забор.
барыльца — боченочек.
барыцца — запаздывать.
батавáцца — возиться.
бáўкаць — звонить.
бáхур — любовник.
бáцнуць — сильно ударить.
бач — ишь, смотри.
бáчыць — видеть.
башлáк — барышник, мошенник (М. В. У.).
бéбехі — перина, подушки.
біндзюг — большая, глубокая телега.
блазьнá — несовершеннолетний; глупый.
блёкат — белена.
блíскаўка, блíскавіца — молния.
бліскýчы(й) — блестящий.
бóзна-што — ерунда, пустяки.
бóлакі — облака.
бóліць — увеличиваться, становиться больше.
бóлна — сильно.
бóндаць — шляться без дела (А. Ф. П.).
бóўкала — язык у колокола.
бóўтала, бóўціла — болт; палка для пуганья рыбы (М. Ф. У.).
бóхан — круглый хлеб.
брáма — ворота.
брáхнейка — ласковое обращение к брату.
брацéнік — двоюродный брат.
брýдны(й) — грязный.
брыдка — едко, противно.
брыд — нечистота.
брыдзéць — щипать (говорится о действии мыла на глаза).
брыль — шляпа.
бражчáць — звенеть чем-нибудь.
брáзкаць — бряцать.
бряхáч — врун, лгун.
бряхунéц — адвокат.
бýбачка — крупинка, зернушко.
будавáць — строить.
бýдзе — довольно, достаточно.
бузавáцца — возиться.
бузóк — сирень.
бýйны(й) — крупный.
бук — боченок с небольшими отверстиями на дне для бученья белья.
букáты(й) — круглый.
букóнкі, быкóнкі — ставни.
бýльба — картофель.
булькатáць — клокотать, булькать.
бýрбалка — пузырь, образующийся на воде при падении в нее чего-нибудь.
буркатáць — говорить тихо.
бурыць — разорять, разрушать.

бýсня — аист (А. Ф. П.).
бýццам — будто.
бýхтаць, бухтóрыць — лить с силой.
быдла — тощие домашние животные.
бытьле — голые стебли.
бяёдаваць — уничтожать.
бязглýзды(й) — глупый, без ума.
бялáскі — забор из столбиков или тонких планок.
бялáсы(й) — беловатый.

В.

вáга — вес, значение.
вáгам — медленно, неспеша.
вадзéнь — овод.
вадзáнка — кадка для воды.
важжахнýцца — ужаснуться.
вáжка — тяжело, трудно.
вáжыць — весить.
вазóўня — сарай для телег и саней.
Валасажáр — созвездие Плеяд.
валасéнь — нарывы на пальцах в виде прозрачного пузыря.
валахáты(й) — мохнатый, косматый.
валацýга — бродяга.
вáпна — известь.
варушыць — шевелить.
вáрыва — кислые бураки в рассоле.
вáўка — рана.
ваўхвíць — ворожить.
вéка — крышка от кадки.
вéльмы — очень (А. Ф. П.).
вéна — приданое.
вербалóз — ива.
вéрчык — плетеный, посыпанный солью баранок.
вéрьхі — верхóм.
веряніна — см. **лямешка.**
вéхаць — мочалка для мойки посуды.
відзéлка — вилка.
вілашнік } — ухват.
вілкі }
вір — глубокое место на реке.
вірш — стихотворение.
віршóўнік — мальчик, произносящий стихотворение в день Рождества или Нового года.
віскí — волосы на висках.
вóбраць — см. **абрóтка.**
вóдгул — эхо.
вóла — подгрудок.
вóмега — нечто очень кислое или соленое.
вóнкі — на дворе, вне избы.
вóпряткі — одежда.
вóпух — опухоль.
вóтлыг — оттепель (А. Ф. П.).
вóўна — волна, овечья шерсть.
вóўтарь — алтарь.
вóхкі(й) — сырой, влажный.
вóчы — глаза.
вýдзіць — бить (А. Ф. П.).
вульлáк, вýлей — улей.
вýгадкі — выдумки.
вýкараскацца — выбраться из беды.
вýсалупіць — высунуть.
вýсмажыць — выжарить.
вытрябéнькі — выдумки, прихоть.
вышаць — становиться выше.
вышка — чердак.
Вялікадне — Пасха.
вярёдаваць — привередничать.
вясéльле — свадьба.
вятрáк — ветряная мельница.
вячэра, -ать — ужин, ужинать.
вячóркі — вечерницы (А. Ф. П.).

Г.

гáвкаць — лаять.
гадавáць — растить.
гадзіна — час, время.
гáдка — думка, мысль.
гаіць — лечить, заживлять.
гай — роща, лесок.
гáйда — марш! вперед!
гальнік — веник.

гаманéт — портмонэ.
гаманíць — говорить.
гамýзам — сразу (А. Ф. П.).
гамýла — кусок мягкого, недопеченного хлеба.
Гáнна — Анна.
гáньбіць — поносить, дурно отзываться.
Гáпка — Агафия.
гаплíк — крючок.
гаплíчка — петля для крючка.
гáрба — большая телега (А. Ф. П.).
гарбýз — тыква.
гáрны(й) — красивый.
гарóдзіна — огородные овощи.
Гарпíна — Аграфена.
гартавáць — калить железо.
гартáць — перелистывать, перевертывать.
гарэ́лка — водка.
гацáць — бегать, прыгать.
гéпнуцца — упасть, шлепнуться.
гíдка, -і(й) — противно, противный.
гíнуць — гибнуть.
гіравáць — управлять (А. Ф. П.).
гірчáць — ворчать.
гірáць — бросать, пихать (А. Ф. П.).
гíцаць — подскакивать.
гíцель — истребитель собак.
глей — ил.
глёк — кувшин.
глузд — разум.
глузавáць — насмехаться.
гной — навоз.
гóгаль — франт (М. В. У.).
гóдзе — довольно! перестань!
гóльле — прутья, ветви.
гóман — разговор.
гóнар — честь.
грайлó — беспорядок.
грамáда — большая куча, толпа, общество.
грóшы — деньги.
грýбка — голландская печь.
грыбы́ — губы.
грызь — грыжа.
грэ́бавацъ — брезгать, пренебрегать.
грэмянýцца — упасть.
грюк — грохот, стук.
грюкатáць — стучать, грохотать.
грю́кнуць — стукнуть, грохнуть.
грямя́кнуць — ударить.
грянáя нядзéля — 8-я неделя после Пасхи, Русальная неделя.
гýдзіць — хулить, порицать.
гук — звук (А. Ф. П.).
гукáць — звать.
гурóк — огурец.
гульня́ — гулянье.
гурчáць — журчать.
гурт, гуртóк — сборище, кружок.
гуоць — плакать, реветь.
гуся́чы(й) — гусиный.
гýтарка — разговор.
гýтаць — колыхать, подбрасывать.
гýтацца — качаться на качелях.

Ґ.

ґáнкі — крыльцо.
ґвалт — крик, шум.
ґонт — тонкие, короткие дощечки для кровли крыши.
ґрунт — почва.
ґуз — нарост, шишка.

Д.

дабá — время (А. Ф. П.).
дагáры — вверх ногами.
да-дóлу — вниз, книзу.
да-дóму — домой.
даёнка — подойник.
дазаля́ць — надоедать.
дáлі — сравнит. степень от **далёко.**
далóнь — ладонь.
далóў — на пол.
дармá — все равно, пусть.

дармá што — несмотря на то, что...
дарэ́мны(й) — бесплатный.
дасю́ль — до сих, до этих пор.
датýль — до тех пор.
даўбáць — клевать.
даўжынá — длина.
дашчэ́нту — до конца (А. Ф. П.).
двóйчы — дважды, два раза.
двóру — домой.
дзéжка — боченок.
дзень у дзень — каждый день.
двесь — где-то.
джыгáліць — жалить крапивой.
дзівавáцца — удивляться.
дзíвіцца — смотреть.
дзы́га — волчок.
дзюрчáць — журчать.
длі — подле, возле, близь.
дóбре(я) — хорошо.
дóлі — на полу.
дóня — дочь, доченька.
дóсюль — см. **дасю́ль.**
дóтуль — см. **датýль.**
драбíна — лестница.
дрáпаць — царапать.
драця́ны(й) — проволочный.
дрот — проволока.
дýжа — очень сильно.
дýля — фига; груша.
ды́баць — еле итти, чуть итти.
дзю́бка — клюв, нос.
дзяўчы́на — девица.
дзя́дзіна — жена дяди.
дзя́каваць — благодарить.

Е.

е — 3-е лицо ед. ч. наст. вр. от глагола **быць.**

Ж.

жадáць — хотеть.
жáліцца — жаловаться.
жартавáць — играть, шутить, шалить.
жáрты — шутки, игры.
жáчка — жнея (А. Ф. П.).
жвáкі — пережеванная пища.
жваць — жевать.
жлýкта — кадка без крышки и дна для бученья белья.
жлýкціць — бучить белье.
жмáкаць — мять.
жмáкі — выжимки, жмыхи.
жмаць — жать, давить.
жмéня — горсть.
жóдны(й) — каждый.
жóнка — жена.
жóўкнуць — желтеть.
жах — ужас, страх.
жупáн — кафтан из цветной материи.
жýрба — тоска, печаль.
журлíвы(й) — скучающий.
журы́цца — тосковать, скорбеть, печалиться.
жывікá — название ягоды.
жыгýчка — крапива.
жы́жа — огонь.
жыравáць — кормить до сыта, откармливать.
жы́чка — завязка, тесёмка (А. Ф. П.).
жэ́ряб — жребий.
жэ́ўжык — подвижной, вертлявый человек.

З.

забабóны — суеверия.
забарсáць — затянуть веревку в лапоть (А. Ф. П.).
зáбарсьні — веревки в лаптях (А.Ф.П.).
забары́цца — запоздать.
забáчыць — увидеть.
зáбалаць — несученая нитка.
завірýха (-ю́ха) — непогода, мятель, дурная погода.
зáвірта — веревка, прикрепляющая оглоблю к саням (М. В. У.).
загавáла — неповоротливый, грубый человек.

загада́ць — приказать.
за́гваздка — загвоздка, чека.
загва́ліна — завалина.
загне́т — передняя часть печи.
задры́паны(й) — забрызганный, запачканный грязью.
задубі́цца — поднять высоко платье.
зады́шка — одышка.
зазно́ба — печаль, огорчение.
займа́ць — трогать.
закавра́шы — манжеты.
закаву́лак — узкий переулок.
закаса́ць — засучить, заворотить.
закля́клы(й) — окоченелый.
закря́снуць — застрять; сделаться твердым.
заку́таць — закрыть, затворить.
замарне́ць — захиреть.
зама́шкі — конопля, идущая на приготовление холста.
замо́жны(й) — зажиточный человек.
занядýжыць — заболеть.
запалі́ць — зажечь.
запане́ць — стать барином.
за́печак — небольшое пространство между стеной и печью.
заплю́шчыць — закрыть глаза.
запо́мніць — забыть.
за́раз — сейчас.
зару́чыны — помолвка.
заручы́цца — поздороваться.
заска́біць — занозить.
за́сек — закром.
засілі́ць — поймать в силок; брать неумеренно ложкой.
засто́льлейка — место за столом.
за́цірка — похлёбка из ржаной муки.
за́таўка — толченое сало, положенное в борщ или суп.
затрыма́цца — задержаться.
захлі́паць — заплакать.
захліпну́цца — захлебнуться.
захлю́паны(й) — загрязненный нижний край одежды.
за́хад и **захо́д** — заход солнца.
зача́врыць — захиреть.
зашчэ́пка — застежка.
збо́жжа — хлеб в зернах.
званы́ — колокола.
звы́кнуць — привыкнуть.
звя́каць — пристально, надоедливо просить.
згатава́ць — приготовить.
зго́дзіцца — примириться, согласиться.
здор — сало из внутренности кабана.
зе́начка — зрачок (А. Ф. П.).
зірну́ць — глянуть.
зло́дзій — вор.
злот — монета в 15 копеек.
злуча́ць — соединять.
злы́дні — бедность, нищета.
злюбава́ць — облюбовать.
злякáцца — испугаться.
змага́ць — одолевать в борьбе.
зма́лку — с малых лет.
змо́віць — сказать.
зноў — снова, вновь.
знушча́цца — глумиться, издеваться.
зо́рька — звезда.
зра́ньня — с утра.
зык — крик, жужжание; овод (А. Ф. П.).
зьдзе́кі — издевательства.
зьдзець — снять.
зьдзіка́цца — издеваться.
зьні́вечыць — уничтожить, обратить в ничто.
зьні́кнуць — исчезнуть, пропасть.
зьні́шчыць — привести в убожество.
зьняць — снять.
зю́зя — холод.
зява́ць — кричать, быть невнимательным.
зязю́ля — кукушка.
зяле́за — железо.

І.

ідзе́ — где.
ідзі́ць — итти.

іка́ўка — икотка.
імжа́ — мелкий дождь.
імпет — напор; испорченный воздух.
інба́р — амбар.
іншы — иначе.
іржа́ — ржа, ржавчина.
іска́зіцца — измениться.

К.

кава́дла — наковальня (А. Ф. П.).
кава́лак — кусок.
кава́лда — неуклюжий.
кава́ль — кузнец.
каву́н — арбуз.
кагане́ц — небольшая керосиновая лампа.
каду́к — злой дух.
каза́ць — говорить.
ка́йстра — мешок.
калакалу́ша — черемуха.
калёсы — телега.
калі́ — если, когда.
ка́ліва — стебли картофеля (М. В. У.).
калі́сь — когда-то.
калі́ўка — ягодка; немножко.
ка́ліч — калека.
калы́ска — колыбель.
калю́жка — небольшая лужа.
каля́ды и **ко́ляды** — Рождественские праздники.
камо́ра — комната, светлица.
ка́напа — диван с жестким сиденьем.
кано́ўка — кружка (А. Ф. П.).
каніча́нька — коник, лошадка.
капа́ніца — мотыка.
капе́люх — головной убор.
капліца — часовня.
капцы́ — межевые столбы (А. Ф. П.).
капы́стка — мешалка в виде длинной лопаточки.
карава́й — раскрашенный и позолоченный хлеб с фигурными украшениями, раздаваемый гостям в конце свадебного вечера.
карава́йцы — пресные блины.
караго́д — хоровод.
карбо́ванец — рубль.
карпе́ткі — мужские носки.
карці́ць — очень хочется.
каря́ўка — тряпка.
ка́таваць — истезать, сильно бить.
като́к — колесо.
каўбу́х — желудок.
каўза́цца — скользить по льду.
каўне́р — воротник.
каўта́ць — быстро глотать, не разжевывая пищи.
каўто́к — глоток.
каха́ць — любить.
каце́лка — подсолнечник.
кацяня́ты — котята.
ка́чка — утка.
ка́чкі — челюсти.
качу́лка и **кача́лка** — скалка.
каша́ра — скотный двор.
кашу́ля — рубаха.
кваку́ха — курица наседка.
квасо́ль — фасоль.
кве́цаць — замазывать (А. Ф. П.).
кваты́рка — форточка в окне.
кве́тка — цветок.
ке́люх — рюмка (А. Ф. П.).
кіла́ — грыжа.
кіта́йка — ленточка (М. В. У.).
кій — палка.
кі́йкі — кукуруза.
кішэ́ня — карман.
кію́шка — кукуруза.
кло́пат — пускай, пусть.
клу́нак — мешок.
клы́гаць — хромать (М. В. У.).
кля́мка — щеколда.
кнот — фитиль.
ко́дла — племя.
ко́кат — ветвь; сук (А. Ф. П.).
ко́мін — дымовая труба.
ко́птарам — с верхом, чрез край.
краве́ц — портной.

кра́лі — бусы.
крам — товар.
кра́мны(й) — купленный в лавке.
кра́сачка — цветочек.
красе́лія — настурция.
кра́сіць — украшать.
кра́шанка — крашеное, пасхальное яйцо.
кра́шчы — лучше.
кругі́ — лишаи.
кры́га — льдина.
крыні́ца — источник ключевой воды.
крэ́глі — кегли.
крэ́гліна — кегля (А. Ф. П.).
крэ́йда — мел.
крякта́ць — кряхтеть.
крямя́ны(й) — крепкий, плотный.
крянуцца — тронуться с места.
ку́бел — большой ушат с крышкой для хранения преимущественно женского платья.
куёўдзіцца — двигаться, ворочиться.
ку́зік — пуговица.
кужалёк — чёсанный лён.
куко́біць — лелеять, воспитывать.
кумя́чыць — бить.
ку́па — куча, собрание чего-нибудь; торф (А. Ф. П.).
купля́ць — покупать.
кура́па — лягушка (М. В. У.).
курчы́на — шест пред печью для платья (А. Ф. П.).
куса́нік — огрызок.
кут, -о́к — угол, уголок.
куцьця́ — сочельник.
ку́хлік — глиняная кружка.
кушне́р — скорняк.

Л.

лабрэ́т — здоровый, рослый парень.
ла́дкі — оладьи.
ла́йка — брань.
ланцу́г — цепь.
ла́пік — латка, заплатка.
ла́піць — латать.
ласката́ць — щекотать.
ла́сы(й) — лакомый.
ла́та — жердь.
ла́тка — большая миска.
ла́цьвіна — толстая жердь.
ле́два — едва.
ле́мбік — небольшой кувшин.
ле́мент — шум, крик.
лементава́цца — беспокоиться, шуметь, кричать.
ле́ска — ограда из тонких палочек; плетенка для подкладывания под дверь (А. Ф. П.).
ле́шіць — намечать линии во время посева (А. Ф. П.).
лі, ля — возле.
ліпе́ць — чуть-чуть держаться.
ліхама́рец — бедняга.
лі́чанька — личико.
лі́чыць — считать.
ло́жа — постель.
луна́ — отражение звука, эхо.
лу́пацъ — хлопать глазами.
лупа́ты(й) — с большими глазами.
луска́ — чешуя, перхоть.
лу́снуць — надтреснуться.
лу́тка — косяк.
лыч — рыло.
лю́лька — колыбель; курительная трубка.
лю́стра — зеркало (А. Ф. П.).
ля́бех — лентяй.
ля́да — очищенное от кореньев поле; прилавок.
ляда́чы(й) — дрянной, негодный, гадкий.
ляда́шчына — негодная, дрянная вещь.
ляка́ць — пугать.
ля́мец — войлок.
ляме́шка — кушанье в виде густого теста преимущественно из ржаной муки; едят его с салом и коровьим маслом.
ля́скат — стук, хлопанье.
ляшч — лещ (рыба).

М.

ма́буць — может быть, должно быть.
маге́рка и **марге́лка** — поярковая шляпа.
мадзіца — сокращенное из **маладзіца**.
мазні́ца — дегтярка; грязный человек.
майстрава́ць — мастерить.
ма́кацер — высокая глиняная посуда.
маку́ха — конопляные жмыхи.
маладзік — новолуние.
маладзіца — женщина.
ма́мухна — матушка.
мана́ — призрак, иллюзия.
мара́ — призрак, привидение; гибель (А. Ф. П.).
мардава́цца — суетиться, возиться.
марко́тна — печально, изнурительно.
марне́ць — пропадать, терять, хиреть.
мару́да — мямля, медленный, вялый.
маска́ль — солдат; старообрядец.
масніца — половица.
масо́л — кость.
ма́тка — мать.
матня́ — суета; часть брюк.
мату́зка и **матузо́к** — шнурок, тесемка.
маўля́ў — мол, так сказать.
ма́цаць — трогать.
ме́нець — становиться меньше.
мець — иметь.
мжель — мгла.
мігата́ць — мерцать.
міна́ць — проходить; проходить мимо.
міркава́ць — соображать.
мітусіць — перемешивать.
млі́ва — то, что мелется, помол.
мло́сна — дурно, тошнотно.
мло́сны(й) — томительный, расслабляющий.
млын — мельница.
млявота — усталость, слабость.
мля́вы(й) — усталый, слабый.
мо́ва — язык, речь.
мо́віць — говорить.
мо́галкі — кладбище.
мо́жа — может быть.
мо́тлах — тряпье, куски.
муздэ́чка — уздечка (М. В. У.).
му́ліць — надавливать, мешать.
му́лка — жёстко.
муліва́ны(й) — крашеный.
муліва́ць — красить, рисовать.
мур — каменная стена.
мурава́ць — строить из кирпича.
му́сіць — мочь.
мязе́ны(й) — крайний, меньший, младший.
мя́кнуцца — упасть.
мя́льле — отбросы пеньки, кострика.
мятліна — растение, растущее во ржи.

Н.

набго́м — чрез край.
набры́днуць — надоесть.
на буі — на открытом месте.
на́ват — даже.
навя́ліцца — навязаться.
надаку́чыць — надоесть.
надве́я — надежда.
на́дта — слишком, черезчур.
напава́ць — напоить.
напрянуць — надеть.
нараві́ць — угодить.
нарыпа́х — со скрипом.
насе́ньне — семена.
наўве́це — на примете.
наўздаго́н — вдогонку.
наўзлако́ткі — облокотясь.
наўда́ку — вряд ли.
наўло́ньні — на коленях.

нахіліцца — наклониться.
нахіляць — наклонять, нагибать.
нахмáрыцца—становиться пасмурно.
начóўкі — корыто для стирки белья.
нашалóпіць — надвинуть.
нáща — натощак.
незабáрам — вскоре.
нéкалі — нет времени.
непапýшч — вроде того, как.
нéсын — приемный сын.
нікаць — соваться без дела.
ніцы(й) — скрытный, притворный.
нóйды — может быть, вдруг.
нягáдкі — хоть бы что.
нягóда — непогода.
нядзéля — воскресенье.
някрýт — рекрут.
нямá — нету, нет.
нямáшацькі — нет.
ня пустýй — не тронь! не мешай!
ня рýш — не тронь!
няўжóж, няўжэ́ — неужели.
нях́ай — пусть.
няшчы́мны(й) — без масла (говорится про пищу).

П.

пабáчыць — посмотреть.
пабрáцца — пожениться.
пабуджáць — будить.
пáвадка — половодье.
павéк — во всю жизнь.
павéць — навес.
паварóзка — тесемка.
пагáліцца — зариться.
пагуляй — подожди!
падвышáць — поднять.
падмурóўка — обкладка кирпичом.
падпярáзывацца—подпоясываться.
падрáпаны(й) — поцарапанный.
падтáшша — навес.
падýжыць — поправиться.
падýза — шлея (М. В. У.).

падчарёвак — брюхо, сало с брюха кабана.
паéчыць — испачкать.
па-за — за, вне.
пазвóннае — перезвон по покойнике.
пазычáць — одолжать; занять.
палі́к — наплечник.
палíца — полка для посуды.
палóнік — разливательная ложка.
палýднаваць — есть после обеда.
палýмісак — очень глубокая, большая тарелка.
пáля — свая, столб в воде.
паляніца — род хлеба.
памáлу — осторожно! тихо!
пáмаркі — сознание.
памáцкі — ощупью.
пампýшка — лепешка, пышка.
памы́йніца — лохань.
пан — барин, помещик.
панавáць — господствовать.
панажы́ — часть ткацкого станка.
пáні — барыня.
пáнначка — барышня.
панядзéлак — понедельник.
панянáчка — см. **пáнначка.**
панáць — погонять.
папілнавáць—усиленно, старательно работать.
папялáсты(й) — пепельный.
пáрабак — молодой человек, холостяк.
парáдачка — совет.
парáдзіць — посоветовать.
парáхвія — церковный приход.
парукáцца — поздороваться.
парэ́чка — красная и белая смородина.
пасвары́цца — поссориться.
пасёстра — двоюродная сестра.
пáска — кулич.
пасталы́ — лапти.
пастаньня́ — подол (М. В. У.).
пастаялка — кислое молоко.
пасудóк — судок.
папрáнік — пряник.

парушы́нка — соринка.
патапáць — утопать.
патарóча — несчастье в дороге (А. Ф. П.).
патрапля́ць — попадать.
патрýшэны — черствые именины (М. В. У.).
паты́ліца — затылок.
пахарóнка — место для прятанья чего-нибудь.
пачóпка — веревка на ведре.
пачýць — услышать.
папкрáбаць — поцарапать.
пéвень — петух.
пéкнуць — упасть.
пéлькі — груди (женские).
перш — сначала.
пéнзель — кисть.
перэканáцца — убедиться.
перапя́к — испуг.
пéцкаць — мазать, пачкать.
пéўны(й) — верный.
пільнавáць — с усилием, старательно что-либо делать.
пíпух — бутон.
пíпуць — типун, болезнь языка.
піскленак — цыпленок.
плóйма — много; род; большая семья.
плюскаць — моргать глазами.
плющчыць — жмурить глаза.
пля́ма — пятно.
пляхóтка — пеленка (М. В. У.).
пляц — площадь.
пля́шка — бутылка.
пóкацца — растреснуться, удариться.
пóкут — красный угол в избе.
пол — род кровати (А. Ф. П.).
пóплаў — луг (А. Ф. П.).
пóпляч — плечо в плечо.
пóравацца — хлопотать по хозяйству.
пóруч — рука об руку, рядом.
пóспа — мучной отвар с мелом для побелки стен.

пóставка — нижняя часть женской рубашки.
пóстаць — место, где стоит жнея (А. Ф. П.).
пóсуд — посуда.
пóўз — возле.
пóшасць — эпидемия.
праблукáць — проблуждать.
праглынýць — проглотить.
празнусьціць — провести (А. Ф. П.).
прáнік — валек для белья.
пранцавáты(й) — сифилитический, негодный, скверный.
прастругнýць — пройти далеко.
праць — мыть на реке белье с вальком.
прахáць — просить, приглашать.
прахóны(й) — ноздреватый, негустой (о хлебе).
прáца — работа.
працавáць — работать.
прашкáпіцца — провиниться.
прóрва — бездонная пропасть; прожорливый человек.
Прóсічка — Евфросиния.
прывітáць — приветствовать.
прыгарнýцца — приласкаться, прижаться.
прыдáтнасць — склонность.
прыдбáць — приобрести.
пры́зба — завалина.
пры́клікa — предлог, причина.
прылáшчыць — приласкать.
пры́мха — прихоть.
прынáда — приманка.
прынáдзіць — приманить.
пры́печак — место перед печью.
прыпóл — подол.
пры́сак — пепел (А. Ф. П.).
пры́скі — брызги.
прыскапáцца — приставать к кому-нибудь.
прыскры́нак — ящичек в сундуке для хранения мелких вещей.
прыслухáцца — прислушиваться.

прысма́кі — лакомства.
пры́снуць — брызнуть.
прытулі́цца — прислониться.
прыхілі́цца — см. **прытулі́цца.**
прычыні́ць — закрыть.
прычыпуры́цца — приодеться, принарядиться.
прэч — жарить.
пту́шка — птичка.
пу́га — кнут.
пуга́ўё — кнутовище.
пуко́вы(й) — темно-красный (М. В. У.).
пу́ня — хлев.
пу́шка — круглая коробка.
пу́шны(й) — мягкий.
пыл — пыль.
пыла́ць — отвеивать зерно (А. Ф. П.).
пырскі — см. **пры́скі.**
пырну́ць — толкнуть.
пяко́лак — часть печи, куда загребают жар.
пя́лачкі — пяльцы.
пялёгаваць — воспитывать; бить (А. Ф. П.).
пялюстка — кусок тонко раскатанного теста.
пяръ́эбрына — реберная часть.
пяхцёрь — неуклюжий.

Р.

рабі́ць — работать, делать.
ра́да — совет.
ра́ду ра́дзіць — давать совет.
радзі́начка — родные.
Ражтво́ — Рождество.
размаўля́ць — разговаривать.
разгарну́ць — раскрыть, развернуть.
размілю́сенькі(й) — очень милый, приятный.
раз'ю́шаны(й) — разозленный (А. Ф. П.).
ра́іць — советовать.
ральлё — пашня.
раманіць — слегка стучать (говорится про дождь).
ра́ньне — утро.
ра́птам — внезапно, вдруг, быстро.
раскірэ́ка — кривоногий.
раскірэ́чыць — расставить ноги.
распу́т — разврат.
растанкі и **ро́станкі** — место, где расходятся дороги.
растра́цца — расстаться.
расхры́даны(й) — с раскрытым воротником.
расшматава́ць — разорвать, растерзать на куски.
раўча́к — ручей.
рахма́ны(й) — ручной, послушный.
рахуба — возня, хлопоты.
ро́дзічы—родственники; родительская суббота–день поминовения умерших.
ро́жа — мальва.
ро́йла — беспорядок.
рука́цца — здороваться.
рунду́к — ларёк.
ру́піць — беспокоить.
рыж — рис.
рып — скрип.
рыпе́ць — скрипеть.
рыхтава́ць — приготовлять.
рышта́к — жолоб для стока воды.
рэгата́ць — смеяться.
рэ́зьвіны — приспособление для носки сена (А. Ф. П.).
рэ́лі — качели.
рэ́пацца — трескаться; злиться.
рю́ць — плакать.
ря́жка — деревянная шайка.
ря́сьсе — лохмотье.
ратава́ць — спасать.
рату́йце — караул!

С.

саката́ць — кудахтать.
салама́ха — кушанье в роде густого киселя.

салёнка—вареный картофель (А. Ф. П.).
сало́дкі(й) — сладкий.
са́пка — род лопатки для полотья гряд.
саракваша — простокваша.
саро́ка — женский головной убор.
саро́міцца — стыдиться.
сая́н -- юбка.
сво́лак — журавль у колодца (А.Ф.П.).
се́йбіт — сеятель.
сёлета — это лето.
селядзёц — селедка.
сіга́ць — шагать.
сіге́нь — шаг.
сі́кацца — ходить часто, приставать.
сіля́ць — черпать.
ска́бка — заноза.
скажэ́ны(й) — неистовый, бешеный.
сказі́цца — взбеситься, измениться.
скака́ць — танцовать,
скапа́ць — колоть.
скарадзі́ць — боронить.
скарю́чыцца—скорчиться, согнуться.
скары́нка — корка.
скачо́к — сверчок.
скі́бка — кусок хлеба.
скіго́ліць — вопить, стонать, плакать.
скі́нуцца — превратиться.
скля́ньне — битое стекло.
скна́ра — скупой.
ско́кі — танцы.
ско́рка — см. **скары́нка.**
скрэгата́ць — скрежетать.
скры́ня — сундук.
скрылёк — тонкий ломтик чего-нибудь.
скрясе́ньне — воскресенье.
скуба́ць — драть, щипать, рвать.
скуё́удзіць — смять, скомкать.
ску́лка — чирей.
ску́льле — чиреи.
ску́сьць — см. **скуба́ць.**
слепянёк — маленькая лампочка.
слуп — столб.
сма́га — сухость губ, налет на губах от жажды.
сма́жыць — жарить, высушивать.
смак — вкус.
смакта́ць — сосать.
сма́лец — перетопленное сало; разум, сообразительность.
смалі́ць — обжигать.
сма́шны(й) — вкусный.
сме́цьце и **смяцьцё** — сор.
смо́рад — смрад, угар.
со́ньняйка — солнышко.
со́пкі(й) — рыхлый.
со́рам — срам.
спаві́ваць — пеленать.
спаві́віч — свивальник.
спайма́ць — поймать.
спакваля́ — не торопясь, медленно.
спалюбі́ць — полюбить.
спо́рна — успешно, выгодно.
спра́ва — дело.
спра́ўды — в самом деле.
ссука́ць — свить.
ста́рэц — нищий.
старчака́ — вверх ногами, перпендикулярно.
старчы́ха — нищая.
столь — потолок.
стра́ва — кушанье.
стрэпяну́цца — встрепенуться.
стрява́ць — вступать в разговор.
стукаце́ць — стучать.
су́днік — ящик, заменяющий шкаф, куда прячут съестное.
суно́жка — перекладина между ножками стола.
супо́рлівы(й) — сопротивляющийся.
су́прядкі—посиделки, совместное прядение.
суро́чіць — сглазить.
сусі́м (зусі́м) — совсем.
сустрака́ць — встречать.
схамяну́цца — спохватиться.
схапі́ць — схватить.

схо́вы — сохранение чего-нибудь.
сы́пкі(й) — сыпучий.
сьве́тла — огонь, лампа.
сьві́тка — верхняя одежда из крестьянского сукна.
сьвякру́ха — свекровь.
сьне́даць — завтракать.
сьхілі́цца — наклониться.
сьце́жка — дорожка.
сьцёжка — лента.
сьцяба́ць — бить плеткой или кнутом.
сяго́лета — этот год.
сяке́ра — топор.
сялі́дзьба — усадьба, место для поселения.
сямігры́венік — монета в 20 копеек.
сярэ́дзіна — поясница.
сярён — наст.
сяўба́ — посев.

Т.

та́ечка — обращение к подруге.
тала́нь — природное дарование.
тарка́цца — касаться, трогать.
тарнава́ць — беспокоить, волновать (А. Ф. П.).
таргу́н — название растения.
та́та — папа.
та́тухна — папочка.
таўчо́нка — картофельное пюре.
таўчэ́нікі — род кушанья; побои.
твар — лицо (употребляется очень редко. А. Ф. П.).
то́рба — сумка, котомка.
трапля́цца — случаться.
тро́хі — немножко.
труна́ — гроб.
трэ́ба — нужно.
трябу́х — внутренности.
турбава́цца — беспокоиться.
туро́к — тупик, закоулок.
тыдзень — неделя.
ты́м ча́сам — между тем.
ты́рса — древесные опилки.

У.

уба́чыць — увидеть.
уго́ры — вверху.
уго́ру — кверху.
удварэ́ — дома.
удзе́лацца — запачкаться.
удо́ба — наружность.
удо́ўжкі — в длину.
удру́гі — в другой раз.
уе́длівы(й) — назойливый.
уе́чыцца — упачкаться.
узго́рак — пригорок.
узі́мку — зимой.
узува́ць — обувать.
укро́п — горячая вода; растение.
улазі́ны — новоселье (А. Ф. П.).
уле́тку — летом.
уло́ньне — колени.
улякну́цца — испугаться.
уна́дзіцца — повадиться.
упіна́цца — упираться.
упо́ўзіны см. **улазі́ны.**
упу́дзіцца — взбеситься, испугаться.
усло́н — скамья.
у́ступіць — вступить, взойти.
усхо́дзіць — взойти.
уто́ўшкі — в толщину.
ухапі́цца — схватиться.
учыні́ць пірагі́ — поставить тесто.
ущука́ць — перестать (о дожде. А. Ф. П.).

Х.

хава́цца — прятаться.
хава́ць — прятать.
хай — пускай.
халя́ва — голенище; грязный, неопрятный человек.
хамло́ — невежа, грубый человек.
хапа́цца — хвататься.
харкі́ — мокрота.
харты́ — борзые собаки.
хваро́ба — болезнь.

хварэ́ць — болеть.
хві́ля — буря, порывы ветра.
хво́йка — сосна.
хво́ртка — калитка.
хіба́ — неужели.
хілі́цца — клониться.
хло́пец — парень.
хлуп — туловище птицы; затылок, спина (А. Ф. П.).
хлю́пацца — плёскаться.
хляшчо́м — открыто (А. Ф. П.).
хма́ра — туча.
хма́рна — пасмурно.
хо́дарам — покачиваясь во все стороны.
худо́ба — домашнее имущество.
хуртаві́на — непогода.
ху́тка — охотно, скоро.
ху́тра — мех.
хаўту́ры — похороны, поминки.

Ц.

цаге́льня — кирпичный завод.
цапо́к — тонкая железная палка.
ца́цкацца — играться.
цвет — цветок.
ці — или.
ціка́ць — убегать.
цо́каць — ударять.
цыба́рка — ведро.
цыбу́ля — лук.
цыка́вы(й) — любопытный.
цырку́н — сверчок.
цы́ркаць — стрекотать; доить корову.
цы́ўкаць — пищать (про птиц).
цьві́нтарь — церковный двор.
цьмя́ны(й) — неяркий.
цэ́гла — кирпич.
цюцю́н — табак.
цяпло́ — костер.
царэ́хаўка и **царэ́пка** — мотылёк.
цяцю́ха — лихорадка. (М. В. У.).

Ч.

чабаты́ и **чо́баты** — сапоги.
чалаве́к — муж.
чале́шік — часть русской печи.
чаля́дка — прислуга.
чапа́ць — трогать.
ча́пля — цапля.
чапля́ць — цеплять.
чапуры́цца — наряжаться, прихорашиваться.
чапяла́ — сковородник.
ча́рка — рюмка.
чарнагу́з — аист.
чарэ́н — верх русской печи.
частава́ць — угощать.
чата́ць — считать.
чата́цца — знаться (А. Ф. П.).
чвя́каць — чавкать.
чо́вен — чёлн.
чу́тка — слышно.
чырво́ны(й) — красный.
чырaві́чкі — башмаки.
чэ́рэт — камыш.
чэ́хлік — верхняя часть женской рубашки, преимущественно из коленкора.

Ш.

ша́бля — сабля.
шаве́ц — сапожник.
шалёны(й) — дурной, сумасшедший.
шаляваць — обивать шелевкой.
шалупа́йкі и **шалупа́хі** — скорлупа орехов или подсолнечника.
ша́лька — шайка.
шамаце́ць — шуршать, шелестеть.
ша́маць — производить шорох.
ша́мнуць — прийти куда-нибудь неожиданно.
шанава́ць — уважать.
шанава́цца — вести себя хорошо.
шапава́л — валяльщик, войлочник.
шапаце́ць — шевелиться, шуршать.

шарэ́нка — ряд.
ша́та — риза, оклад на иконе.
шаткава́ць — шинковать, мелко резать.
ша́хва — шкап.
шва́чка — швея.
шві́дкі(й) — скорый, быстрый.
шво́рка — веревка.
шкарба́н — очень старый, старик.
шкарэ́дны(й) — скупой.
шке́ліць — шутить, насмехаться.
шкі́ркі — затылок.
шко́да — вред, убыток.
шкра́бацъ — царапать, чесать.
шкура́цьце — куски кожи.
шлу́нак — желудок.
шлях — дорога.
шмарга́ць — дёргать.
шмат — кусок.
шмато́к — обрезок материи.
шма́цьце — лохмотье.
шо́лудзі — кожная болезнь.
шо́па — палатка на рынке со съестными припасами.
шо́рсткі(й) — шершавый.
шо́рык — мочалка для мойки в бане.
шпак — скворец.
шпа́рка — быстро.
шпо́кацъ — ударять.
шпуля́ць — бросать.
шпунт — пробка, затычка в бочке.
шуга́ць — гонять.
шука́ць — искать.
штаўха́ць — толкать.
што́пка — кружка.
шу́ла — стойка.
шупля́цьця—мелочь,ерунда(А.Ф.П.).
шупшы́на — шиповник, дикая роза.
шурпа́ты(й) — шероховатый, негладкий.
шур(ь)я́к — шурин.
шчаме́ль — шмель.
шчога́лька — франтиха.
шчубо́ўкаць — падать в воду с шумом (А. Ф. П.).
шчыме́ць — болеть, болезненно ныть.
шчы́ра — сердечно.
шчытна — плотно.
шы́бка — стекло оконной рамы.
шыба́ць — бросать.
шы́гальле — иглы хвойных деревьев.
шыно́к — кабак, винная лавка.
шынка́рь — трактирщик, кабатчик.
шыры́нка — кусок полотна.
шэ́лех — грош.

Э.

эгэ́ — да.

Ю.

ю́шка — суп, уха, какая-нибудь жидкость.

Я.

я́грус — крыжовник.
як — как.
я́ка-сь — как-то.
які́-сь — какой-то.
як-не́будзь — как-нибудь.
яко́в — каков.
я́лавічына — говядина.
ялі́на — елка.
я́нгуль — ангел.
я́рмалка и **я́рмалак** — ярмарка.
Яро́х — Ерофей.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Пользуясь тем обстоятельством, что работа печатается в типографии Академии Наук СССР, приведу здесь некоторые из сделанных мною в разное время в различных местах записей, преимущественно со слов старшего поколения.

Значение некоторых буквенных и других знаков в записях.

ӓ обозначает после мягких согласных звук нижнего подъема в направлении к переднему ряду. Иногда, особенно у лиц младшего поколения, на месте этого звука слышится звук, близкий к звуку *е* переднего ряда среднего подъема, или закрытый звук e^1, или же наблюдается колебание между этими звуками и между *а* и *ӓ*.

и̇ обозначает лабиализованный звук среднего ряда верхнего подъема.
у = *ы*.
i̯ обозначает *i* неслоговое.
u̯ » *u* »
j » средненебный звонкий фрикативный согласный.
h » гортанный звук.
w » билабиальный звонкий фрикативный звук.
č = *ч*.
š = *ш*.
ž = *ж*.
ch = *х*.
d^z обозначает мягкую зубную звонкую аффрикату на месте мягкого *d*.
t^s обозначает мягкую зубную глухую аффрикату на месте мягкого *t*.
$\widehat{d\check{z}}$ = аффрикате $\widehat{дж}$.
◡ обозначает краткость гласного звука.
— » долготу звука.
, » мягкость согласного звука.
ʹ » ударение.

Неударяемые гласные *о*, *а* и *е*, кроме первого предударного слога, являются слегка ослабленными. Наибольшее ослабление наблюдается во втором предударном слоге в положении его пред *а* и в слоге, непосредственно

следующем за ударяемым. Но и в том и другом случае ослабленные звуки не переходят в ъ, а сохраняют свой основной характер, являясь лишь более краткими. Все они передаются здесь одинаково со знаком краткости.

Sad^zíc'ăs' păn'ičóčyk... s'émd^zăs'ăt hadóu̯...; pam'ór, p'áty hod ják pam'ór... n'ē, n'ăstáry j̯aščé — sóră k try hadý byló... u-wós'ăn' búd^zá jój̯ s'émd^zăs'ăt wós'ăm; slábă wačámy stálă, a-tăk n'ičóhă n'ăbal'ít^e, us'ó d^zélăj̯ú; n'e, n'atrébă; nă-dwaré; n'a-pláč, b'arýt^eă j̯ajé... kón'-wăš s'énă n'a-prós'ă; p'išýt^eă, p'išýt^eă — nam us'ó-dnó, n'ičóhă takóhă my n'a-kážym; pr'ámă pă-šl'achú... naprá wă wóz'm'it^eă.

ehē, rýbku lau̯l'ú... a dl'ă s'ab'é... i warýt^e-i žáryt^e... ă-majá bábă; n'ē, n'astáră, hadóu̯-na trynáca̅t^e malóžy... ă-bahátă, kăl'i pánščynă bylá, a ják-žă pómn'u... chtó j̯ahó znáj̯ă, kăl'í lúčy... chlópčyk byu̯ mal'én'k'i, dačká pam'órlă... Syčás-y l'es... štō-wy p'íšyt^eă? naštój̯tă wam? n'éčăhă d^zélăt^e... takáj̯ă nawúkă! mužýckăj̯ă hawórkă... čudnó.

bahátă hărad^zkóhă (d^z твердое из ds)... čýj̯žă wy búd^zit^eă? a znáj̯im, znáj̯im... hrόšyj̯a kláu̯, s'éd^zăn'k'i tak'í stăryčók, n'echáj̯ zdaróŵy búdut^e... u-skópščykăch ja s-ywánăm byu̯. Iwánă znáj̯ăt^eă?... a wó tut čýr'ăz try dwarý... n'e, n'amá... u-pól'i... u-chát^ei l'ažýt^e... prăščawáj̯t^eă.

dawáj̯ s'udý lóžk'i... drástuj̯t^eă... daj̯-jím krúžku... nă-wad^zánk'i stajít^e... n'ézăštă prăjaždžáj̯t^eă sab'é, my was n'a-znáj̯e^im... sto jon p'íšă? Panás! hukn'i'-kă strážn'ikă!... d^zaržý, d^zaržý jahó!

n'a-b'í jahó!... škúru z-jahó spuščú... astáu̯! štó-ty d^zéláj̯e^iš? n'a-l'éz'!... n'ătwajó d^zélă... w'ar'óu̯ku-u̯ čét^ew'iră...

n'ē, my n'ă-p'aj̯óm... my n'a-znáje^im... hróšy charóšyj̯i, da n'ē, štó-tă n'a-chóčyca̅... báč, jón p'íšă... n'ē, n'a trébă... D^zéu̯k'i! chad^zím skaréj̯, nuj̯hó (= ну его) zus'ím.

što čútnă pră z'aml'ú? u-nas kazál'i, što Dumá păstănawílă... ják-žă tak wy n'a-znáj̯ăt^eă?... Da chtó-tăm kazáu̯? dă t^ei jón-tăm byu̯?

pa-trý kap'éj̯k'i, pa-trý; b'arý, čahó ždžéš?.. jétă l'étăs' byló, a s'ól'ătă n'amá... u-dwaré... Arýnă! id^zí s'udý; n'a-trón' jahó, n'achá j̯ pjé... b'ažý-u̯ búdku... jakáj̯ă hr'áz'... lóšăd^z mălady... try rybl'í... s'em cau̯kówych.

Chl'ébă-b byló bahátă, ják-băb hrádăm n'e^i-pab'ílă... us'ó čýstă pawý-mălăt^eiu̯, chod^z-znóu̯ ats'iwáj̯; hréčku-u̯s'u pab'íu̯.

Z'aml'ú păd^zal'íl'i; já-dă bábă; n'amá... na-waj̯n'é-u̯ b'íl'i; dačká pam'órlă; tréc̄'i hod; kal'ís', kážut^e păd-Ukraj̯ínăj̯ byl'í... m'én'ij̯ plat^eít^e... tut-us'á pryčýna; dă, kazát^e n'a-u̯méj̯e^im, jétă práu̯dă, au̯žéž n'a-l'óhka; praščáj̯t^eă.

čýr'ăz-hrébl'u... b'arý-u̯ práwă... nō, a štób t^eab'é wau̯k'í z'jél'i!.. păd^zaržý tróch'i... răz'm'inúl'is; mastá na-réčk'i n'amá... Nówy Drókău̯... s'aló... d^zaréu̯n'ă... d^začýchă..., tám bráu̯... n'atrébă.

N'a-rúš, tab'é kažú... hl'ad^zí, abréžyš rukú; iš-jăk rukámy wód^ză i n'ă-bajíca̅.

Cyc'! mau̯čý... štój̯ny (что они) hawór'ut^e... b'arý aréšk'i, b'arý... d^zád^ză dau̯... tam hr'áznă, n'ă-prajéd^zit^eă; pădažd^zít^eă, syčás huknú chlópcă. Lawón! ă Lawón! id^zí s'udý skaréj̯... prăkažý jim daróhu.

K-nam pryjéchăl'i... mám'ăn'ku-j̯ s'astrýcu năw'as't^eít^e, d^zélă charó-šăj̯ă... try časý — n'ăbahátă... id^zéž ăstănaw'íl'is'?

Говоры, соседние с Северско-белорусским.

В предыдущих отделах рассмотрен Северско-белорусский говор в современном его состоянии. В нем мы видели ряд черт, свойственных ему во всем его объеме и известных лишь в некоторых его частях, при чем наиболее ярко выступают эти последние в западной полосе Трубчевского уезда. Говоры этой последней подверглись южновеликорусскому влиянию, но все же сохраняют некоторые черты, характерные для Северско-белорусского говора. На ряду с этим отмечено, что говоры городов и других культурных центров отличаются в ряде явлений от говора сел и деревень. Одни из этих явлений имеют свой источник во влиянии русского литературного языка, а другие, как увидим дальше, находят себе объяснение в прошлом, в истории культурных центров в XVII и XVIII вв. Но как бы то ни было, все эти говоры имеют ряд черт, объединяющих их в одну группу. Одной из таких черт следует признать *сохранение звонких согласных в положении их пред глухими и на конце слов*. Явление это, как мы видели, известно всему без исключения говору. Другой, не менее характерной для Северско-белорусского говора чертой является *отвердение*

звука р только пред гласными переднего ряда и j. Черта эта свойственна говору во всем его объеме; лишь в рассмотренных говорах Трубчевского уезда (Акад. програм. №№ 6 и 282), вследствие, может быть, отсутствия соответствующего вопроса в программе, положение с *р* остается несколько неясным. То же представляет и ответ на Акад. програм. № 269 из Мглинского уезда (деревня Старая Романовка). Но наличность определенных указаний других источников на отвердение *р* в таком положении в Мглинском уезде, в частности в с. Новой Романовке (М. В. Ушаков) позволяет признать неполноту в данном случае ответа, вызванную причинами чисто внешнего характера.

Эти две черты неизвестны другим белорусским говорам. Вместе с отмеченными другими явлениями, общими у говора с белорусским языком, они составляют характерные признаки его.

Что же касается аканья, то оно не является однородным на всей территории говора и изменяется в силу указанных выше причин.

Обратимся теперь к говорам, соседним с Северско-белорусским, непосредственно соприкасающимся с ним. Определение особенностей этих говоров даст возможность говорить о территории Северско-белорусского говора.

Северско-белорусский говор граничит на западе с говорами Гомельского и Рогачевского уездов, на севере с говорами Чериковского, Климовичского, Рославльского и Брянского уездов, на востоке с говорами Трубчевского уезда и на юге с говорами Новгород-Северского, Сосницкого, части Новозыбковского и Городнянского уездов.

а) Говоры *Гомельского, Рогачевского, Чериковского и Климовичского уездов.*

Из записей по Гомельскому, Рогачевскому, Чериковскому и Климовичскому уездам использую здесь: 1) записи Е. Р. Романова в «Белорусском Сборнике», тт. I — VIII из следующих мест:

Гомельский уезд — из с. Азарич, м. Антоновки, д. Барановки, г. Белицы, сс. Бобовичей, Борщовки, дд. Будища, Быстры, с. Васильевки, м. Ветки, сс. Вылева, Глубоцкого, Головинцев, г. Гомеля, с. Гордунов, сл. Городни, сс. Грабовки, Громык, Демьянок, д. Диколовки, с. Добруша, д. Дубровки, Дятловицкой волости, сс. Дятловичей, Еремина, Жгуни, дд. Жеребного, Задоровки, Зябровки, Ивановки Старо-Юрковичской волости, Ивановки Телешовской волости, Ивольска, Каменки, сс. Кормы, Красной Буды, Краснобудской волости, с. Круговца, д. Крывска, сс. Кузминич, Купреевки, Марковичей, Нивок, с. Новых Юрковичей, м. Носовичей, Носовичской волости, с. Перероста, д. Поколюбичей, с. Поповки, Поповской волости, с. Романовичей, д. Рудни, Соврюков (предместье Гомеля), с. Старых Юрковичей, Старо-Юрковичской волости, с. Телешей, Телешовской волости, дд. Улуковья, Усохской Буды и с. Чеботовичей;

Рогачевский уезд — из с. Болотни, д. Болсунов, с. Буды, д. Буды Кошелевой, м. Городца, Довской волости, м. Жлобина, с. Журавичей, с. Заболотья, д. Колбовки, м. Кормы, с. Кошелева, Кунторовки, д. Кураковщины, сс. Меркуловичей, Нисимковичей, д. Новоселок, с. Озеран, д. Олешни, сс. Покати, Солонога, д. Станькова, с. Старой Рудни, дд. Ухова и Шараховской Буды;

Чериковский уезд — из с. Братьковичей, Братьковичской волости, дд. Буглаев, Горок, Готовца, Долговичской волости, дд. Журавов, Злочева, Киселевки, с. Лобановки, м. Малятич, с. Михинич, м. Молостовки, сс. Новой Ельни, Палужи, д. Плещина, с. Самотеевич, Самотевской волости, д. Соболей, с. Старинки и м. Студенеца;

Климовичский уезд — из д. Артюхов, м. Белынковичей, Белинковичской волости, с. Березок, д. Ганновки, с. Забелышина, Забелышинской волости, д. Заходов, с. Надейковичей, дд. Нового Дедина, Прудка, м. Родни, д. Селецкого, с. Тимонова, м. Хотовижа и Хотовижской волости;

2) записи П. В. Шейна в «Материалах для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края», т. I, чч. 1 и 2, т. II[1] из следующих мест:

Гомельский уезд — из Красно-Будской волости, с. Ново-Дятловичей, Поповской волости, с. Старых Юрковичей и Старо-Юрковичской волости;

Рогачевский уезд — из д. Дворцов, г. Рогачева и д. Янова;

Чериковский уезд — из Малятичской волости;

Климовичский уезд — из Милославичской волости, м. Милошовичей, Роднянской и Хотовижской волостей;

3) записи А. С. Дембовецкого[2] из следующих мест:

Гомельский уезд — из с. Ути;

Рогачевский уезд — из Рогинского прихода;

Чериковский уезд — из м. Краснополья и д. Соболей;

Климовичский уезд — из Забелышинского и Каничского приходов;

4) записи З. Радченко в Дятловицкой волости Гомельского уезда;[3]

---

[1] «Сборник Отделения русского языка и словесности Акад. Наук», т. 41, 51 и 57.

[2] «Опыт описания Могилевской губернии».

[3] «Гомельские народные песни». («Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии», т. XIII, в. II, 1888 г.).

5) записи из деревни Губенщины Чериковского уезда;[1]

6) заметку проф. И. Г. Голанова о говорах дд. Горок, Мирогощ и с. Озер Чериковского уезда;[2]

7) ответ (ненапечатанный) из с. Гавриленок Климовичского уезда на южновеликорусскую программу Московск. Диалектологич. Комиссии *№ 103*;

8) ответ (ненапечатанный) на краткую Академич. программу *№ 292а* по Черниговской губернии, касающийся, между прочим, говора д. Титовки Климовичского уезда.

Из этих сел и деревень ближайшими к Северско-белорусскому говору будут в *Гомельском уезде:* сс. Азаричи, Борщовка, Глубоцкое, сл. Городня, дд. Диколовка, Дубровка, сс. Корма, Круговец, Кузминичи, сс. Новые Юрковичи, Нивки, Перерост, Старые Юрковичи и д. Усохская Буда; *в Рогачевском уезде:* д. Колбовка, сс. Нисимковичи и Покать; *в Чериковском уезде:* д. Горки и с. Самотеевичи; *в Климовичском уезде:* м. Белынковичи, с. Гавриленки и д. Ганновка.

Отмечу некоторые явления, отличающие говоры этих уездов от Северско-белорусского, и приведу главнейшие примеры.

Говоры *Гомельского* и *Рогачевского* уездов характеризуются:

1) твердым *р* во всяком положении.

Примеры.

Гомельский уезд.

с. Азаричи, V:[3] горачия, 111;

м. Антоновка, V: прачистая, 5; сустракав, ib.; с сярэдины, ib.;

д. Барановка, V: чараз, 72;

г. Белица, I: горку ягоду, 12; трох сынов, 13; бяроза, 17; государ, 18; рабят, 58; гóра, 60; II: грахи, 181; судар, 441; III: бярозы, 435; IV: трох, 143; уперод, ib.; сустракая, ib.; V: прачистой, 18; зарой, ib.; на синям моры, ib.; цара, 274;

с. Бобовичи, VIII: на гарэ, 105; грэчки, ib.; прыбег, ib.;

с. Борщовка, V: урэдность, 79; выговаруй, ib.; горучия, ib.; горачай, ib.;

д. Будище, V: орол, 127;

---

[1] «Два заговора из Чериковского уезда» («Могилевские Губернские Ведомости» за 1889 г., № 2).

[2] «Труды Московской Диалектологич. Комиссии», в. 8, стр. 1—6.

[3] Римские цифры I, II... VIII означают в этом и подобных случаях том «Белорусского сборника» Е. Р. Романова, а следующие за примерами арабские цифры — страницу.

д. Быстра, V: зара, 91;

с. Васильевка, IV: говора, 107; брахня, ib.; зра, ib.; разбярэ, 108; бярэ, 110;

м. Ветка, I: парань, 10; VIII: прыстол, 308; умрэ, ib.;

с. Вылев, IV: пузыр, 1; с пузыра, ib.; говора, ib.; трэба, ib.; покоруся, 2; V: мора, 2;

с. Глубоцкое, V: горучай, 10; трэйчи, ib.; трэба, ib.;

с. Головинцы, V: чераз, 55;

г. Гомель, I: по беражку, 16; говорать, 233; V: празлатыя;

с. Гордуны, V: мора, 73;

сл. Городня, I: рабятами, 36; по беражку, 45;

с. Громыки, V: уговарую, 83, корэньня, ib.;

с. Демьянки, V: трох, 125; VI: бярэменною, 101; урэмя, ib.; цар, ib.;

д. Диколовка, V: прачистой, 10; трыдев'ять дврэй, ib.;

с. Добруш, II: берозки, 189; запрагу, 192;

д. Дубровка, VIII: гавора, 118; мора, ib.; гарэла, ib.; трэтьтяя 119; патярала, 238;

с. Дятловичи, V: выговаруетца, 21; няхрацоною, ib.; Юрай, 46;

Дятловицкая волость: у трох, у чатырох (З. Радченко. «Гомельские народные песни», стр. VIII);

с. Ерёмино, I: горкия, 28; не разсматруючи, ib.; березовая, 164; мора, 165; III: говора, 406; пераночуй, ib.; жараное и вараное, 407; к шинкару, 408;

с. Жгунь, I: говорать, 128; V: сярабром, 84; VIII: ядранист, 105;

д. Жеребное, V: выговаруетца, 78;

д. Задоровка, V: сястрычка, 33; куры рабыя, ib.;

д. Зябровка, II: цара, 369; цар, ib.; царэвну, ib.; запрагайте, ib.; V: отратуй, 9;

д. Ивановка Старо-Юрковичской волости, V: урэм'я, 396; раќа, ib.; ракой, ib.; воскрасэния, ib.; зару, ib.;

д. Ивановка Телешовск. вол., VI: тры, 205; дочары, ib.; гувора, ib.; не страбив, ib.; богатыр, ib.; орол, 206; прыбярог, 208; VIII: зара, 210;

д. Ивольск, V: на золотым крэсли, 57;

д. Каменка, V: раку (= рéку), 71;

с. Корма, IV: говора, 82; писара, ib.; цару, ib.; V: прачистой, 3; царам, ib.; зара, 32; трох, 53;

с. Красная Буда, VIII: кудравая, 150; чаравички, ib.;

Краснобудская волость, IV: урэм'я, 25; VIII: у дварэ, 245; запрагай, ib.; наварыла, ib.; П. В. Ш., т. I, ч. 2:[1] подара, 678; вдара, ib.;

с. Круговец, II: трох, 267;

д. Крывск, V: на чатыры, 121;

с. Купреевка, VI: швырав, 7; крэгли, ib.; говора, ib.; сустракая 10; упярод, 13;

с. Марковичи, IV: Юрай, 103; рабаго, ib.; говора, 105; брахня, ib.; VI: гувора, 440; пахаром, ib.; гуворать, 441; запрагай, 442;

с. Нивки, VIII: курка рабушка, 163; ня бярэ, ib.;

с. Ново-Дятловичи, П. В. Ш., т. I, ч. 1: под раденце, 453;

с. Новые Юрковичи, V: ративаго, 72; горачай, ib.;

м. Носовичи, V: горучую, 79;

Носовичская волость, VIII: бярозкой, 145; тьвярозаму, 237; грабянец, 453;

с. Перерост, I: на берози, 6; мора, 24; гбра, ib.; II: цара, 370; III: у паграб, 60; говора, ib.; тярабить, ib.; дверами, 61; у сераду, 74; IV: говора, 27; V: серада, 71; зара, 84;

д. Поколюбичи, II: грахов, 370;

с. Поповка, V: зорами, 45; VI: бярэмок, 404; говорадь, 405; урэмя, 410;

Поповская волость, IV: грахи, 162; у сяродки, 163; П. В. Ш., т. I, ч. 2: чараз, 652;

с. Романовичи, VI: забярагатял, 15; дворэцкому, 17; говора, 18; тры, ib.;

д. Рудня, VI: говора, 61; упярод, 64; государ, ib.; благодару, 66; бярэ, 68;

Соврюки, I: посмотру;

с. Старые Юрковичи, I: над ракбй, 130; II: под берозою, 265; IV: прамо, 104; VIII: пярайдитя, 143; кудравый, 178; ядраноя, 206; П. В. Ш., т. I, ч. 1: стральцы, 94;

Старо-Юрковичская волость, П. В. Ш., т. I, ч. 1: мора, 36; краститель, 81; пярахристя, ib.; крастом, ib.;

с. Телеши, IV: гувора, 138; запрагай, ib.;

Телешовская волость, IV: гувора, 136;

д. Улуковье, I: говора, 148; V: чараз, 66; парастала (перестала), ib.;

---

[1] П. В. Ш. означает здесь и в других подобных случаях П. В. Шейн; цифры после примеров указывают страницу из «Материалов» П. В. Шейна.

д. Усохская Буда, VI: распорадитца, 460; карэту, ib.; цару, ib.;

с. Уть: за румку (А. С. Дембовецкий. «Опыт описания Могилевской губ., стр. 525);

с. Чеботовичи, V: морам, 57; ўрэмя, ib.; чараз, 66; VIII: тарэлку, 109; гарэлки, ib.

Рогачевский уезд.

с. Болотня, I: пераехав, 22; мору, 66; II: скрабетца, 183; III: сустракають, 63; говоруть, ib.; грабенку, ib.; навару, 64;

д. Болсуны, IV: звера, 91; тераз, 94; бярозу, 140;

с. Буда, V: к синяму мору, 20;

д. Буда Кошелева, V: сустракая, 58;

м. Городец, III: запрог, 148; рабёнка, ib.; на раку, 149; V: уговаруваць, 59; VIII: у пирапечи, 475; прыбыць, ib.; перэпюкся, 477;

д. Дворцы, П. В. Ш., т. I, ч. 2: на горэ́, 296; сястрыцу, ib.; горэлки, ib.; ни прышоў, ib.; бяроза, 301; на дворэ, 303; грукнуло, 309;

Довская волость, IV: перахрисцився, 33; пераливая, ib.; вяровку, 34; жарабцом, 116;

м. Жлобин, III: сярэбраное, 269; беражочку, ib.; смотра, 384; VIII: ў терами, 113; гарэли, 114;

с. Журавичи, I: растропано, 156;

с. Заболотье, VIII: трэба, 331; пасварутца, ib.; пирад. ib.;

д. Колбовка, IV: перавязе, 58; гразь, ib.; сярод, 59;

м. Корма, VIII:васкрос, 165; варыць, ib.;

с. Кошелево, V: перад, 19; на раце, 78; VI: государу, 319; гора, ib.; урэд, ib.; говора, 321; поратовав, 326; VIII: павытрасла, 146;

д. Кунторовка, IV: потраблять, 89; забрахали, ib.;

д. Кураковщина, VIII: трох, 164; трэтьтяму, 165;

с. Меркуловичи, III: жерабя, 173; перакусила, ib.; пераб'е, 173; звера, ib.; сярод, 174; IV: Юрай, 19; говора, ib.; перапрог, ib.;

с. Нисимковичи, III: говорадь, 229; грахи, 358; чараз, 396;

д. Новоселки, III: говора, 156; пáрань, ib.; говоруць, 162; к цару, 164;

с. Озераны, III: курэньня (коренья), 26; гувора, ib.;

д. Олешня, I: на бярози, 18;

с. Покать, VI: гувора, 335; горували, ib.;

г. Рогачев, П. В. Ш., т. II: чыраз, 532;

Рогинский приход: кучеравые, 526; кучеравому, ib. (А. С. Дембовецкий. Op. cit.);

с. Солоное, VIII: пирад, 171; прачыстая, 172; ўскрос (= воскрес), ib.;

д. Станьково, III: дурань, 88; кросная, ib.;

с. Старая Рудня, VI: говора, 213; цар, ib.; сустракая, 214; сярэдняй, ib.; посярод, ib.;

д. Ухов, V: прачистой, 44;

д. Шараховская Буда, III: цар, 350; говора, 350, 351; цару, 351.

Говоры *Климовичского* и *Чериковского уездов*, наоборот, в значительной части представляют правильное употребление *р* мягкого на ряду со случаями вместо *р* твердого.

Примеры.

Чериковский уезд.

Братьковичская волость, V: прячистая, 162; терез, ib.;

д. Буглаи, V: прячистой, 123;

д. Горки, V: горючия, 104; рацивого, ib.;

д. Готовец, V: прячистой, 21.

Долговичская волость, V: Кацярина, 150; прячистая, ib.;

д. Журавы, V: заговарюю, 44; говорить, ib.; выговарюю, 124;

д. Злочево, IV: говорить, 214;

д. Киселевка, IV: говоря, 161; наваря, ib.; отпрёг, ib.; прямудрый, 219; говорюць, ib.; VI: три, 230 и наоборот — виряб'иняты, ib., 230; вирябей, ib. с мягким *р* вместо твердого;

с. Лобановка, V: уговарюю, 144; сярёд, ib.; прячистая, ib.; бяреза, ib.; перяд, ib.;

м. Малятичи, VI: ребёночка, 190; говорить, 194;

Малятичская волость, П. В. Ш., т. II: на реце, 613; крястила, ib.; присвятая, ib.; нихрященным, ib.;

д. Мирогощи: чатыри («Труды Моск. Диалект. Комиссии», вып. 8, стр. 6);

с. Михиничи, V: хрябётной, 35; выговариваю, ib.; прячистая, 109; трёх, 133; ряку, 393;

д. Озеры: чатыри («Труды Моск. Диалект. Комиссии», вып. 8, стр. 6);

с. Палужь, IV: говоря, 204;

д. Плещино, VI: сустрекаець, 27; говорнць, ib.;

д. Соболи, V: прячистой, 70; сяребреный, 133; А. С. Дембовецкий (Op. cit.): берёзочка, 535; пряду, 543;

с. Старинка, V: прячистая, 162.

Климовичский уезд.

с. Березки, V: беряжки, 168;

с. Забелышин, IV: с пузуря, 153; грячиху, ib.; по морю, ib.;

Забелышинский приход: через, 552; три, ib.; берёзка, 565 (А. С. Дембовецкий. Op. cit.).

Милославичская волость, П. В. Ш., т. II: прибывать, принимать, 669;

д. Новый Дедин, IV: вячерящь, 193; повячеряли, ib.; варюць, 195;

д. Титовка: царь, грязь, курю (ответ на Кратк. Академич. Програму по Черниговской губ. № *292 а*).

Хотовижская волость, П. В. Ш., т. II: выскрясения, 620; прячистая, 621;

Лишь в части *Чериковского* и *Климовичского* уездов твердое *р* чередуется с мягким.

Примеры.

Чериковский уезд.

д. Го́рки: барин, Влады́мирь, прijе́дьць,[1] но крыча́ць, прышо́ў («Труды Моск. Диалект. Комиссии», вып. 8, стр. 5—6);

д. Губенщина: цар, зарами («Могилевск. Губ. Ведомости», 1889 г., № 2);

м. Молостовка, III: черада, 254; чераз, 256, но — старятца, 255; IV: говоря, 154; V: ряце, 245; согряшила, 378, но тут же — прабувать (пребывать), 779; прадвешный, 379;

с. Новая Ельня VI: говорить, 106; говоря, ib., но — говора, 107; сустракаютца, 111; жарабца, 112, но также и — жеребец, 503; равно как и обратно — *р* мягкое на месте *р* твердого: брюсок, 498; старятца, 504; яворь, 506.

Самотеевская волость, IV: говорюць, 165; говоря, ib.; но также и — орэш, 165; чераз, 166;

м. Студенец, IV: трёх, 187; изьбярёг, 201, но также — ратуйця, 186.

Климовичский уезд.

м. Белынковичи, VI: говорнць, 462, 464; царю, 468, но также и с твердым *р:* страбиць, 463; сирадзи, 464; поврадзив, 466; ўпирадзе (впереди), 467; опирадзив, 467; тираз, 468;

Белынковичская волость, V: царя, 164; заговарюю, ib.; беряжочку, 175; но и — выговарую, 149; попярошных, ib.;

с. Гавриленки: цар, цара, куру, благодару, гразь (Програм. Моск. Диалект. Комиссии № *103*);

---

[1] ь после *д* означает здесь редуцированный гласный звук на месте *е*, а в остальных случаях имеет значение «мягкого знака».

м. Милошовичи, П. В. Ш., т. II: пришов, призвав, 146, но также и — пирамерыв, чыцвирыков, сирыбра, прышов, говорыць (ib.);

с. Тимоново, III: рячей, 120; цяперь, 205; рябёнку, ib.; IV: ряшоты, 198; запрёг, ib.; уперядзи, ib., пубярець, но и III: горасци, 120; с троми головами, 123; богатыров, 127; IV: повячерав, 127; перавярнувсь, ib. На ряду с этим есть примеры и на *р* мягкое, вместо *р* твердого: старятца (III, 122).

2) Говоры названных уездов знают переход звонких согласных в глухие в положении их пред глухими, а также и в абсолютном конце слова.

Примеры.

Гомельский уезд.

г. Белица, I: Питенбурх, 58; молотцами, 69; молотца, 114; II: два молотцы, 436; потходила, ib.; VIII: штоп, 141; када п, ib.; разламала п, ib.;

с. Васильевка, IV: опстоятельству, 111;

м. Ветка, V: раздуйте ш, 377; развярнися ш, 377;

с. Еремино, III: ис хаты, 407;

с. Перерост, III: с хаты, 421;

д. Рудня, VI: друх, 64;

Старо-Юрковичская волость, П. В. Ш., т. I, ч. 1: пот столом, 35; пот печь, 36;

с. Телеши, IV: ис столика, 138.

Рогачевский уезд.

м. Городец, III: ис школы, 148;

д. Яново, П. В. Ш., т. II: лесь сам (= лезь сам), 333; ўзлес, ib.

Чериковский уезд.

д. Киселевка, VI: друх, 226; кода ш ты, 230;

с. Новая Ельня, VI: лотку, 501;

м. Студенец, IV: потходзиць, 186; VI: пот Питирбурх, 299; потхвацила, 308.

Климовичский уезд.

д. Артюхи, VI: бох, 146; лех, 147;

д. Ганновка, IV: пот паху, 190;

с. Надейковичи, VI: бис конца, 70; дзених-то, ib.; вотку, ib.; муш, 71; запрёх, 74; лех спаць, 75; рох, ib.; куда ш ты идзеш, 77; што ш ты, ib.;

Роднянская волость: нима-ш, нагорюютца-ш (П. В. Ш., т. I, в. 2, стр. 671);

д. Селецкое, IV: пот столом, 218.

О «звонких неполного образования» в конце слов, отмеченных в говоре д. Горок («Труды Моск. Диалект. Комиссии», вып. 8, стр. 5—6), см. выше.

3) В большей степени, чем в Северско-белорусских говорах, встречается спорадическое отвердение согласных пред гласными переднего ряда.

Примеры.

Гомельский уезд.

г. Белица, II: бутэлка, 232;

с. Васильевка, V: сэрца, 55;

с. Вылев, IV: па ўскрасэнию, 5;

с. Глубоцкое, V: бэрэговатую, 10;

с. Демьянки, VI: губэрню, 102;

с. Дятловичи, V: милосэрдному, 28;

с. Корма, V: сэрца, 100.

Краснобудская волость, П. В. Ш., т. I, ч. 2: малэ, 678;

с. Марковичи, V: сэрца, 55; IV: губэрни, 102; небэзпраменно, ib.; мяпэ, 105; VI: тэбе, 441; дайтэ, ib.; здэсь-ня-здэсь, ib.; купэц, 442; идэ, ib.; нидэ (нигде) 444;

с. Новые Юрковичи, V: сэрца, 72;

с. Перерост, IV: пустэльник, 27;

д. Рудня, VI: утэтый (= вот этот), 60; бэрэ, 67, 68;

с. Старые Юрковичи, IV: у мэд, 104; бэзголовий, ib.; ўсэ, ib.

Рогачевский уезд.

д. Новоселки, III: уздэчки, 158; мэдлиць, 159;

с. Нисимковичи, III: лэпаа, 399.

Чериковский уезд.

м. Молостовка, IV: умэрших, 155.

Климовичский уезд.

с. Берёзки, V: молодэнца, 168 и т. д.

4) Более частые случаи сочетаний *губной + j + гласный* на месте старого сочетания *мягкий губной + гласный.*

Примеры.

Гомельский уезд.

с. Васильевка, IV: урем'я, 107;

с. Головинцы, V: урем'я, 56;

д. Диколовка, V: в'ёв, 103;

Краснобудская волость, IV: урэм'я, 23;

с. Марковичи, IV: п'ять, 102; окром'я, 103; м'яса, ib.; в'ёрст, ib.; VI: п'ять, 442;

с. Поповка, VI: пьять, 404; опьять, 408;

с. Старые Юрковичи, IV: оп'ять, 104; прив'ёз, ib.

Рогачевский уезд.

с. Нисимковичи, 111: урем'я, 228;

д. Шараховская Буда, III: урем'ю, 350.

5) В ряде говоров имеет значительное распространение *лабиализация* преимущественно безударных гласных звуков.

Примеры.

Гомельский уезд.

с. Васильевка, IV: мужуков, 108; сувяршенных, ib.; судержався, 110;

м. Ветка, V: бугуродицы, 24; мувчать, 34;

с. Вылев, V: бугуродицу, 2;

г. Гомель, II: прикувати, 342;

сл. Городня, I: пустолет, 37;

с. Демьянки, VI: губурнатором, 102;

с. Добруш, I: на мурози, 7; смуродыня, ib.;

д. Ивановка Телешовской волости, VI: гувора, 205; куробку, 210;

с. Марковичи, VI: гувора, 440; гуворать, 441; пуходя, ib.; турговля, ib.; куроль, ib.; кулёсы, 442; пувялев, ib.; субою, 443; пушов, 444; гувора, 446;

с. Перерост, III: хуть, 331;

с. Телеши, IV: хували, 138; звущика, ib.; гувора, ib.; двура, ib;

Телешовская волость, IV: гувора, 136; вуз, ib.; похував, ib.

Рогачевский уезд.

м. Жлобин, III: пуеду, 269; пуплыв, ib.; пугукаю, ib.; пушла, ib.; гулусок, ib.; куваль, ib.; кучаргу, ib.; вуроты, 270; голус, ib.; пулезу, ib.; гувора, ib.; вылумана, ib.; вузьмимо, 380; пругонимо, ib.; путом, 384; к кулодяжу, ib.; муя, ib.; пру етого, 385; тукое, ib.; IV: хутев, 22; гулову, ib.; вулосами, ib.;

с. Меркуловичи, III: вудой, 173;

с. Нисимковичи, III: гуворащь, 228; пушов, ib.; свую, ib.; гувора, 229; двуром, 358;

с. Озераны: III: суби, 26; удна, ib.; худзем, ib.; пусияў, ib.; пурусло, ib.; пуспытоў, 27; утвищаа, ib.; ня хуча, ib.; пруситца, ib.; чулувича, ib.; пусяруд, ib.; скозку, 322; хлупцы, ib.; пруся, ib.; попытоемся, ib.; здурова, 323; принуся, 328; пуплокали, 329; вут (=вот) ib.; удны, ib.; сынув'юў, ib.; братуў, ib.; шту (= что) ib.; тульки, ib.; нучь, ib.; сычос, ib.; у хотку, ib.; ток саби, 336; пускоць, ib.; прохужих, ib.; куп-

цуў, ib.; помюрло, ib.; кожа, ib.; нянхой, ib.; куплёць, ib.; боба (= баба ib.; пону (= пану) ib.; VIII: муладого, 276; стуўпа, ib.; зулотого, ib.;

с. Покать, VI: гувора, 335; горували, ib.; хурошия, ib.;

с. Солоное, VIII: ўскрос, 172;

д. Станьково, III: уткуль, 88; узёўся, ib.; пунюс, ib.; пудуждали, ib.; пуйдзиця, ib.; кросная (=красная), ib.; кожа юй, ib.; узёў, ib.; юн, 89; раз'ихулися, ib.; вюрст, ib.; цунюс, 92; кули (= коли), ib.; пуйду, ib.; прихудя, ib.; шту юн (=что он), ib.; жунка, 402; дой (= дай), ib.; запруг, 403; твуя, ib.;

с. Старая Рудня, VI: сустракая, 213; сустракаетца, 214.

Чериковский уезд.

д. Злочево, IV: гутував-гутував, 214;

д. Киселевка, VI: схувалися, 231;

м. Малятичи, VI: вуходзиць, 193; пуцуловалися, 198; пувязьли, 199;

м. Молостовка, III: сусловия, 255;

с. Новая Ельня, VI: наготувала, 113; похувалися, ib.;

с. Палужь, VI: сувяршэнныя, 347; тувкачом, 352; пузурьки, ib.;

д. Плещино, VI: вуходзиць, 26; пугуляць, 27; пугудуватца, ib.; пугуляю, 28; пугодуюсь, ib.; хуць, 29; пулумаць, 30; кушуньня, ib.; гутуваць, ib.; пумугаець, ib.; пусубляць, ib.; пуцулувала, 31; уздухнув, 36; вуходзиць, ib.;

с. Старинка, V: пу пужару, 162; умувала, ib.;

м. Студенец, IV: убидзела, 187; вуруваць, 202; згутували, 209; VI: плувец, 302; пубижала, 309; вуносиць, 310.

Климовичский уезд.

д. Артюхи, VI: пугубления, 146; тувпятца, ib.;

м. Белынковичи, VI: пупищиватца, 463;

с. Гавриленки: путаму, бугачов, пусматрю (Програма Моск. Диалект. Комиссии № *103*);

с. Забелышин, IV: пузури, 153; с пузуря, ib.; нучуваць, 196; пунучуваць, ib.;

Забелышинская волость, IV: мужуку, 163; мужучок, 209; благуслувляець, 213;

д. Заходы, VI: занучували, 492; пугулять, ib.; пувяли, 493;

с. Надейковичи, V: блугучесьливая, 329; VI: булуватца, 71; хуть, 73;

д. Новый Дедин, IV: згутували, 191; пумяци, 192; вучуваць, 193; мужуков, 194; лумаюць, ib.; братум, 194; загутували, 195;

д. Прудок, IV: перенучуваць, 198; туваришов, 199; пусубляв, ib.; туваришами, ib.; пусмотри, 200; вуззвав, ib.;

м. Родня, IV: пругожая, 216;

д. Селецкое, VI: хуць, 88; пуцулувала, 90;

с. Тимоново, III: хуць, 121; скували, 122; хуваетца, 126;

м. Хотовиж, V: бугряную (= багряную), 403.

6) в говорах *Гомельского* и *Рогачевского* уездов отмечается выпадение *i* между двумя гласными.

Примеры.

Гомельский уезд.

с. Васильевка, IV: хорошаа, 107; буваа, ib.; слухаа, 108; понимаа, ib.; думаа, ib.; прибягаа, ib.; замыкаа, 109; знаа, 111;

д. Ивановка Телешовской волости, VI: отвящаа, 205; ня пускаа, ib. прилятаа, ib.; туу, 208; прыяжжаа, 209; таа, ib.; знаа, ib.; ядомаа, ib.; тоа, ib.; хурошаа, 211; думаа, ib.;

д. Крывск, V: крапивнаа, 121; подтыннаа, ib.; сирановаа, ib.; межоваа, ib.: потколоднаа, ib.;

с. Марковичи, IV: бываа, 105; якаа, ib.; хорошуу, ib.; дожидаам, ib.; прияжжаа, 106; штырхаа, ib.; VI: тоа, 440; такоа, ib.; дурацкаа, 441; мужицкуу, ib.; большаа, ib.; ня знааш, 442; цэлнаа, 443;

с. Поповка, VI: питаа, 405; посилаа, 406; падаа, ib.;

с. Романовичи, VI: понимаа, 16;

д. Рудня, VI: спрашуа, 66; накладаа, 68;

с. Телеши, IV: на туу, 137; пытаа, ib.; отвящаа, ib;

Телешовская волость, IV: таа, 136; першаа, ib.; у туу, ib.

Рогачевский уезд.

д. Болсуны, IV: нясходимаа, 91; пугаа, ib.;

м. Городец, III: вынимаа, 182; отвящаа, ib.; пытаа, ib.; такаа, ib.; красиваа, ib.; пригожаа, ib.;

м. Жлобин, III: гукаа, 269; ня знаа, ib.; противнаа, 384; выяжжаа, ib.; пропадаа, ib.;

с. Кошелево, VI: ст'яжжаа, 320; сустракаа, ib.; посылаа, ib.; которуу, 327;

с. Меркуловичи, IV: хорошаа, 20; наўчаа, ib.;

с. Нисимковичи, III: выкашуа, 228; туу, ib.; тоа, ib.; своу, ib.; зделаам, ib.; разумныа, ib.; троа суток, 229; своу, ib.; под'яжжаа, ib.; сярэбранаа, 230; разумнаа, 289; туу, ib.; бяздолнаа, ib.; твоа, 290; ня стоа ничого, ib.; хорошуу, 357; другаа, ib.; такаа, ib.; туу, 390; тыа, ib.;

перваа, 391; голаа, 392; таа, ib.; прияжжаа, 397; гукаа, 399; лэпаа, ib.; праведнаа, ib.;

с. Озераны, III: попытаам, 322; утбираа, 329;

с. Покать, VI: туу, 335; посылаа, 337; спрашуа, ib.; прыяжжаа, 339;

д. Станьково, III: дужидаа, 89; ня пупадаа, ib.;

с. Старая Рудня, VI: погулям, 215; приянжаа, ib.; которуу, 223; занимаа, ib.

7) Неодинаковы говоры названных уездов и со стороны *аканья*. См. «Труды Моск. Диалект. Комиссии», вып. 3, стр. 209, 210; см. ответ на краткую Академич. программу по Черниговской губ. № *292а*.

8) Встречаются формы местного падежа множ. числа имен существительных на-*ох*.

Примеры.

Гомельский уезд.

г. Белица, IV: мястох, 111;

Дятловицкая волость: в болотох, в Михальких (название деревни; З. Радченко. Op. cit., стр. VIII).

Рогачевский уезд.

д. Болсуны, IV: по лядох, 91.

Чериковский уезд.

м. Молостовка, III: по мохох, 255; по болотох, ib.;

с. Новая Ельня, VI: по садох, 110.

9) Формы сложного и местоименного склонения на-*эй*,-*эя* и т. д.

Примеры.

Гомельский уезд.

с. Еремино, III: тэй, 407;

с. Вылев, V: конь тэй, 70.

Рогачевский уезд.

д. Болсуны, IV: тэй, 94;

м. Городец, VIII: хорошэй чылядзины, 478;

Довская волость, IV: тэй (им. ед.), 115;

д. Колбовка, IV: тэй (им. ед.), 58;

с. Меркуловичи, III: орол тэй, 173; IV: тэя (род. ед. числа жен. р.), 19, 20; тэй (им. ед.), 20; тэя (вин. мн.) ib.;

с. Нисимковичи, III: тэй, 291;

с. Покать, VI: тэй (им. ед.), 338;

с. Солоное, VIII: ўсё залатэя, ўсё и налитэя, 171.

Чериковский уезд.

с. Братьковичи, V: святэй, 184;

с. Киселевка, VI: в однэй, 225;

м. Малятичи, VI: тэй, 190, 193, 195; старэй, 195; молодэй, ib.; золотэй гвоздь, 197; оцец наш роднэй, 198;

м. Молостовка, III: тэй, 255; IV: тэй, 154; V: души прегрышнэя, 389;

с. Новая Ельня, VI: тэй, 106, 113;

с. Палужь, IV: тэя (им. мн. ч.), 206;

д. Плещино, VI: тэй (вин. ед. муж. рода), 26;

м. Студенец, IV: тэй, 187; морозы такея большэя, 201; старэй стырычок, ib.; другей бедный, 206; рож зародзив густэй, ib.; у беднаго плохей, ib.; чужея доли, ib.; у другей город, 207; тэя пиць захоцели, ib.; VI: другей раз, 299.

Климовичский уезд.

д. Артюхи, VI: якея, 147;

м. Белынковичи, V: злэй годзины, 428; VI: горыд якей, 463; к старусцы тэй, 465; у тэй криницы, ib.; злэя души, 466; золотэя дзеньги, 467; такей огромный, 468; гроб золотэй, ib.; молодэй, ib.; такей, 469;

Белынковичская волость, V: зубы гнилэя, 164; становицеся зубы сталянэя, ib.;

с. Гавриленки: тэй, маладэй (Прогр. Моск. Диалект. Комиссии № *103*);

д. Ганновка, IV; якея, 190; тэю, ib.;

с. Забелышин, IV: такей, 153, 196;

Забелышинская волость, IV: святэя, 212; большей вецер, 213; из большэя, ib.;

д. Заходы, VI: такей, 491, 492; другей, 493; тэй, ib.; небольшэя (имен. пад. мн. ч.), 494;

с. Надейковичи, III: тэй, 37;

Надейковичская волость, V: нябеснэя (имен. пад. мн. ч.), 341; VI: чужэй, 74;

д. Новой Дедин, IV: у воднэй, 191; другэй, ib.; глупэй, ib.; якей, ib.; трудовэй, ib.; худэя годы, 193;

д. Селецкое, IV: тэй, 219; VI: тэй, 88;

с. Тимоново, III: тэй, 120; на'днэй, 130;

д. Прудок, IV: уторэй раз, 199; тэй (род. ед. ч. женск. род), ib.;

м. Хотовиж, V: другей, 336.

10) В некоторых говорах *Гомельского* уезда встречаются в сложном склонении формы местного падежа, равные творительному.

Примеры.

г. Гомель, II: по серебраным блюдечку, 344;

с. Грабовка, V: по калиновым мосту, 10.

11) Местоимение *гэтый* встречается в прямых и косвенных падежах.

Примеры.

Гомельский уезд.

Поповская волость, П. В. Ш., т. I, ч. 2: гэтых, 651.

Рогачевский уезд.

м. Городец, VIII: гэтаму, 474;

д. Яново, П. В. Ш., т. II: гэту, 63; гэто, 64; гэтый, ib.

Климовичский уезд.

м. Милошовичи, П. В. Ш., т. II: гэто, 146; гэтыго, ib.; гэтым, ib.

12) В области глагольных форм 3-е лицо единств. числа или бессуффиксное или с окончанием *-ть*.

В говоре *Гомельского* уезда формы преимущественно бессуффиксные.

Примеры.

г. Белица, I: побуджае, 58; мяте, 140; заметае, ib.; III: гоня, 435; ня будя, но и I: живеть, 113; п'еть, 115; шлеть, ib;

с. Васильевка, IV: слухаа, 108; виляа, ib.; понимаа, ib.;

г. Гомель, I: гуляе, 16;

сл. Городня, I: не выходить, 36; держить, 37;

Дятловицкая волость: формы бессуффиксные (З. Радченко. Op. cit., стр. V);

с. Уть: говорить (А. С. Дембовецкий. Op. cit., 525).

В говоре *Рогачевского* уезда формы бессуффиксные (см. названные выше сборники).

В говорах *Чериковского* и *Климовичского* уездов формы 3-го лица ед. числа преимущественно с *-ть*.

Примеры.

Чериковский уезд.

д. Губенщина: едить («Могилевск. Губерн. Ведомости» за 1889 г., № 2);

м. Краснополье: вымееть, 528; расчешеть, 529; ходить, ib. (А. С. Дембовецкий. Op. cit.);

Малятичская волость, П. В. Ш., т. II: разгадаить, 613; разбираить, ib.; прочитаить, ib.

Климовичский уезд.

Каничский приход: играеть, 548; пытаеть, ib. (А. С. Дембовецкий. Op. cit.);

Милославичская волость, П. В. Ш., т. II: прибываить, 669; принимаить, ib.; очищаить, ib.;

Роднянская волость, П. В. Ш., т. I, ч. 2: ня пустить, 644;

Хотовижская волость, П. В. Ш., т. II: пынимаить, 621; будить, ib.; зыкупляить, ib.

13) Отдельные говоры изредка представляют в 3-м лице един. и множ. числа окончание *-ти*.

Примеры.

Гомельский уезд.

с. Васильевка, IV: хай нас волость разбярути, 107;

сл. Городня, I: миж собой речи говорати, 117;

Дятловицкая волость: пеюти, скачути (З. Радченко, стр. V);

с. Еремино, III: ён стоити, 409;

д. Ивановка Телешевской волости, VI: гуворати ворону (= говорят ворону) 209;

с. Корма, IV: возьмути, 83;

с. Перерост, III: як будути лезть, 61; хтось кричити, 297; б'юти, ib.; жывути, 298; прибягаяти, 380; хочати, 421; IV: устанути, 27;

с. Поповка, VI: на собаку кричити, 406.

Рогачевский уезд.

с. Меркуловичи, IV: яны говоруци, 19.

14) Большая распространенность, сравнительно с Северско-белорусским говором, глагольных форм 1-го лица множ. числа на *-ом*.

Примеры.

Гомельский уезд.

г. Белица, I: пойдом, 14; IV: поедом, 143; приедом, 144;

с. Васильевка, I: напиом, 126; IV: сядом, 110; поедом, ib.;

м. Ветка, I: поедом, 118;

Дятловицкая волость: отнесом, покладом, довезом, подметом, загребом, сядом (З. Радченко. Op. cit., стр. VIII—IX);

д. Ивановка Телешовской волости, VI: будом, 205;

с. Корма, V: идом, 100;

с. Купреевка, VI: проедом, 11;

с. Марковичи, VI: будом, 442;

с. Перерост, III: будом, 75;

с. Поповка, VI: понясом, 404; закиком, ib.;

д. Рудня, VI: пойдом, 65; будом, 66; погибном, 67; уедом, ib.

Рогачевский уезд.

д. Болсуны, IV: пасом, 93;

м. Городец, III: кликном, 149;

м. Жлобин, III: будом, 380.

15) Формы повелительного наклонения с окончанием *-мо* (иногда *-ма*) в первом лице множ. числа и с гласным *е* из *ѣ* в первом и во втором лице того же числа.

Примеры.

Гомельский уезд.

м. Ветка, I: ходем, 118;

г. Гомель, II: идете, 342; ведете, ib.; ходем, ib.;

с. Ерёмино, III: нумо (повелительная частица), 408;

с. Поповка, VI: ходемтя, 405.

Рогачевский уезд.

м. Городец, III: зарежма, 150; прорежмо, ib.; раскрыймо, ib.; гонимо, ib.;

м. Жлобин, III: вузьмимо, 380; ходем, 384.

16) В говоре Дятловицкой волости infinitiv'ы на *-ти:* пити, ести, ведати (З. Радченко. Op. cit., стр. V).

17) В говорах *Климовичского* и *Чериковского уезда* нередки деепричастия настоящего времени на *-мши*.

Примеры.

Климовичский уезд.

с. Белынковичи, VI: схоронёмши, 468;

д. Заходы, VI: пусьтёмши, 492;

Надейковичская волость, V: возлюбемши, 340; узрасьцёмши, ib.;

с. Селецкое, VI: ожанёмши, 89;

д. Тимоново, III: помолёмшись, 122; проглыцёмши, 129; народзёмши, 205;

м. Хотовиж, V: осудзёмши, 403.

Чериковский уезд.

с. Палужь, IV: получомши, 205;

Самотеевская волость, IV: положомшы, 165.

18) Ряд украинизмов, характеризующих преимущественно *Гомельский* и *Рогачевский* говоры, каковы:

а) переход *ѣ* в *і* (после *р* — *ы*).

Примеры.

Гомельский уезд.

д. Будище, V: билых костей, 127; билыя кости, ib.;

с. Глубоцкое, V: тилу, 10; тистом, ib.; зрызать, ib.; горылки, ib.;

с. Кузминичи, V: дива (= дева), 111;

с. Марковичи, IV: дило, 102; сусидкой, ib.; ня здилая, ib.; побиг, ib.; з'или, 103; VI: саби, 440; таби, ib.; дилать, 442;

с. Новые Юрковичи, V: тила, 72; билый, ib.;

с. Поповка, VI: полизла, 405;

д. Рудня, VI: дивсь, 61; издилан, ib.;

с. Старые Юрковичи, IV: побигла, 104; прибигли, 104; приихали, ib.;

с. Телеши, IV: заихав, 138;

Телешовская волость, IV: от'ила, здилав, ib.

Рогачевский уезд.

с. Озераны, III: дзид, 26, 27; хлиба, 322; узлизла, 329; заихаў, 336; прихаў, ib.

б) Такие украинизмы, как: *чом, дэ, ще, що, шо.*

Примеры.

Гомельский уезд.

г. Белица, I: ще, 15; 140; IV: ще, 143;

с. Васильевка, IV: що, 107; щоб, ib.; дэ, 109;

г. Гомель, II: на що, 342; чом ты рожа й одна у городи; чом ты девочка одна ў таточки, 344;

сл. Городня, II: чом ты замуж не даеш, 185;

д. Дубровка, VIII: що, 70;

Дятловицкая волость: що и шо (З. Радченко. Op. cit., стр. VII);

с. Еремино, I: чом не сказуеш, 129; III: ще, 406;

д. Ивановка Телешовской волости, VI: де, 205;

с. Корма, IV: що, 82; ще, 181;

Краснобудская волость, VIII: щоб, 245; що, ib.;

с. Марковичи, VI: що таби, 440;

с. Поповка, VI: що, 406; щоб, ib.;

д. Рудня, VI: дэ, 62; що, ib.

Рогачевский уезд.

д. Болсуны, IV: ще, 91;

м. Жлобин, III: шо, 380; 385;

с. Кошелево, VI: ще, 320.

б) Говоры *Рославльского уезда.*

Из записей по Рославльскому уезду использую здесь:

1) записи В. Н. Добровольского[1] из следующих мест, из сел: Васьковки, Клечетова, Летошников, Митюлей, Михайловки, Полуева, Романовки, Черепова и деревни Шимановки;

2) обработку проф. Н. Н. Дурново ответов на краткую Академич. Програм.[2] из сел: Каталина Каталинской волости, Жабина Хорошовской волости, Луг Луговской волости, Сукромли Прыщанской волости, д. Моцылевки Кузьмичевской волости и деревень Тюнинской волости: Алферова, Бабинок, Литвинова, Стреченова, Тюнина и Щепета;

3) записи песен Вл. Костылева из с. Краснозаборья.[3]

Из перечисленных здесь сел ближайшее к Северско-белорусскому говору с. Каталино.

Судя по данным, извлеченным из этих источников, говор Рославльского уезда отличают от Северско-белорусского следующие черты:

1) Ярко выраженное диссимилятивное аканье.

Примеры.

с. Васьковка, IV: ни пырядычик, 362;

с. Жабино: сла́ва́, каня́, на́шла́, тъла́ка́, съба́ка;[4]

с. Каталино: выда, ныга, вдыва, ib., 84;

с. Клечетово, IV: быяри, 210;

с. Летошники, IV: стыять, 76; мыя, 265; 387; выда, 354; пышла, 355;

с. Луги: гыра, гылыва, гырячыга («Труды Московск. Диалект. Комиссии», ib., 84);

с. Михайловка, I: стыяў, 177; выгынять, ib.;

с. Полуево, II: мыя, 362; кыса, 362; IV: мыя, 38;

с. Романовка, IV: стыяли, 624;

с. Сукромля: выда, кыса («Труды Московск. Диалек. Комис.», id., 85);

д. Шимановка, IV: сыбаччая, 516; скызаў, ib.;

---

[1] «Смоленский этнографический сборник», ч. I, II и IV («Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии», т. XX, т. XXIII, в. 1, т. XXVII).

[2] «Труды Моск. Диалектолог. Комис.», вып. 2, стр. 76, 84—86.

[3] «Русский Филологич. Вестник» за 1884 г., № 3, стр. 55—61.

[4] «Труды Моск. Диалект. Комис.», в. 2, стр. 85. Предударное *а* в первых четырех примерах проф. Н. Н. Дурново обозначает буквой *а* с точкой над ней, а в пятом примере буквой ъ; буквой ъ передано неударяемое *а* и во втором предударн. слоге четвертого примера. Эти буквы означают: 1) *а* неполного образования (редуциров.), близкое к звукам среднего ряда, и 2) средний, сильно редуцированный и очень краткий звук среднего ряда. См. ib., стр. 79.

с. Краснозаборье (Р. Ф. В., 1884 г., № 3): пыхать, 55; сылдатушки, ib.; шытаетца, 57; быранык, 58.

2) Случаи иканья при преобладающем диссимилятивном яканьи.

Примеры.

д. Алферово: висна, мидведь, бирёза, вирёвка, дирюга, силёдка («Труды Московск. Диалект. Комис.», в. 2, стр. 85);

с. Летошники, II: на сиребреным, 191; тимну, 192; IV: нимецкыми, 59; в дивитёх, 76; пралитал, 210; ни ем, 211; висёлую, ib.; твиты (рядом с цвяты), ib.; митался, 262; висна, 273; сырую мать-зимлю, 274; тисовенькая, 281; лижить (рядом — ляжить), ib.; систра, 355; либёдку, 378; чичотка (рядом — чечотка), ib.; бирёзу, 437; тисмовенький, 530;

с. Митюли, I: дирива, 172; Аликсандра, 208;

с. Романовка, IV: тисовая, 179;

с. Черепово, IV: литаить, 257;

д. Шимановка, IV: рибяты, 515; систра, 516 и т. д. и —

с. Летошники, II: прячистая, 192; бялити, 193; IV: вянок, 211; цвяты, ib.; ляжить, 281;

с. Митюли, I: дятей, 182; змяиную, ib.; агняную, ib.; разнясеть, ib.; твятоў, 190; биряги, 208; ряки, ib.; вярбовыя, ib. и т. д.

3) Замена редуцированных гласных на месте *о* и *а* в прочих неударяемых слогах, кроме конечного открытого, звуком *ы*.

Примеры.

с. Васьковка, IV: золыта, 362; ни пырядычик, ib.;

с. Летошники, II: с пад сырыга дуба, 192; IV: девык, 25; самыва, 150; рынык, 274;

с. Митюли, I: ярысти, 179; юнысти, ib.; гадысти, ib.; яснысть, ib.; госпыда, 182; саборым, 190;

с. Михайловка, I: с сукым, 177; рыбью, 178;

с. Полуево, II: сивыга волыса, 362; самыга, 362; чорныга ворына, ib.; ясныга сокыла, ib.; белыга, ib.;

с. Романовка, IV: дубовыю, 186; сасновыю, 186;

с. Черепово, IV: Китай-горыд, 58; таварыў, ib.; падаркым, ib.; пад крылычкым, 257;

д. Шимановка, IV: ластыўка, 258; вишнёвыга, 294; падарычки, ib.; сорык, 515; вылачили, 516 и т. д.;

с. Краснозаборье (Р. Ф. В., 1884 г., № 3): приятныва, 56; ягыдка, 57.

4) Лабиализация неударяемого звука *о* в соседстве преимущественно с губными звуками.

Примеры.

с. Васьковка, IV: пу писках, 362;

с. Летошники, II: красувалась, 195; IV: пу маем, 59; начувать, 262; начувал, ib.; пу бару, 265; пубялила, 265; шляпуньку, ib.; пумалиў, ib.; публюдай, 267; пу празничках, ib.; пупрасила, ib.; шурокими, 268; красувался, ib.; пупили, 269; векувать, 270; пубраў, 273; пубажиўся, 273; лумал, 312; лумала, 347; пу Дунаю, 354; пудумать, ib.; хувать, 354; таскувала, 386; пубялиўши, 554;

с. Митюли, I: лумала, 209; пумяни, 173; пупалить, 182;

с. Михайловка, I: пумаги, 177; пувяду, 178; пупярешныя, ib;

с. Полуево, II: красувалысь-ба, 362; IV: дарувала, 557; палумали, ib.;

с. Романовка, IV: дивувалыся, 39; умувалыся, ib.;

с. Черепово, IV: пу пастрещику (пастрещика — стреха), 258; зимувать, 258;

д. Шимановка, IV: пу шурокий, 515;

с. Краснозаборье (Р. Ф. В., 1884 г., № 3): пуплачь, 56; пумянеш, 57; пупрянник, 58.

5) Звук *о* после мягких согласных вместо *е* в таких формах настоящего времени, как: живёть (с. Летошники, IV, 464), даждётца, абальлётца, даётца (ib., 554).

6) Частые случаи отсутствия перехода *л* в *ў* в формах несклоняемого причастия прошедшего времени и в сочетаниях, восходящих к старым *ъл*.

Примеры.

с. Васьковка, IV: жолтиньках, 362; литал, ib.; стаял, ib.; ўздыхал, ib.;

с. Летошники, II: полначи, 191; заставался, 194; IV: ни сватал, 73; ни винчал, ib.; ни любил, ib.; падкрался, 150; ухватил, ib.; патанул, 207; курил, 209; зарадился, 212; долаг, ib.; шатался, 261; зайшол, ib.; патирял, 262; брасался, ib.; пришол, 268; спагубил, 271; пашол, 272; был, ib.; хаживал, ib.; ступил, ib.; на жолтым, ib.; лавливал, ib.; налавил, ib.; хаживал, 274; долга, 309; палучал, 312; ня был, ib.; прайшол, ib.; прасвистал, ib.; падавал, ib.; сменил, 437; приказал, ib.; любил, 463; сталбавая, 555 и т. д. при более многочисленных случаях с *у* неслоговым;

с. Митюли, I: ишол, 187; жолтыя, 208;

с. Михайловка, I: жолтыи, 178;

с. Романовка, IV: заступил, 624.

7) Отсутствие дзеканья и цеканья.

8) Отсутствие отвердения *р* при весьма редких, повидимому, случаях употребление мягкого *р* вместо твердого, каковы: намирьгайтись (с. Полуево, II, 362; IV, 202), вирябей (с. Черепово, IV, 30).

Примечание. В записи из с. Краснозаборья (Р. Ф. В., 1884 г., № 3) встречаются случаи сочетания *р* с *ы* вм. *и*.

9) Отсутствие смягчения задненебных в известных падежных формах.

Примечание. Случай такого смягчения представляет форма *дарози* (с. Летошники, II, 192), рифмующаяся с местным падежом *ў абози*.

10) Отсутствие в ряде случаев приставочного *в* пред начальным гласным звуком.

Примеры.

с. Летошники, IV: два утёнка, 150; утка, ib.; па улицы, 151.

11) Отсутствие аффрикаты *дж*.

Примеры.

с. Летошники, IV: вижу, 79; хажу, 386; прабужала, 530;

с. Полуево, IV: хажу, 238; вижу, ib.; прихажу, 265;

с. Черепово, IV: сяжу, 257; гляжу, ib.

12) Переход звонких согласных в глухие на конце слов и пред глухими.

Примеры.

с. Летошники, IV: сапох (род. мн. ч.), 76; гаспотский, 151; друх, 262, 268, 312; пирядрох, 266; пирох, 275; с нох, 530; крух (=вокруг), 554.

13) Долгое или двойное *ж* в падежных формах слова *дождь*.

Примеры.

с. Летошники, II: дожжу (родит. ед. ч.), 192; IV: при дожжичку, 268;

с. Полуево, IV: дажжи, 557.

14) Случаи перехода *с'* в сочетании *с'с'* в *т'*.

Примеры.

с. Романовка, IV: брусьтя (вм. брусься), 179; па тым брусьтю, ib.;

с. Черепово, IV: пирявернистя, 258;

с. Краснозаборье (Р. Ф. В., 1884 г., № 3): сыбиранстя, 59; выбиранстя, ib.

15) Нередки формы именит. и винительн. падежей мн. числа имен среднего рода на *а*.

Примеры.

с. Летошники, IV: балата, 150;

с. Митюли, I: балота, 172;

с. Романовка, IV: дрова, 39.

16) Весьма частые формы именит. падежа единств. числа имен прилагательных муж. рода сложного склонения на *-ой* при более частых формах на *-ый* и *-эй*.

Примеры.

с. Васьковка, IV: маладой, 362; мяньшой, ib.;

с. Клечетово, IV: маладой, 210;

с. Летошники, II: маладой, 191; IV: другой, 59; маладой, 152, 308, 463; кривой, 151; сырой, 193; халастой, 265; дарагой, 272;

с. Черепово, IV: другой праздник, 16.

17) Формы родит. падежа единств. числа имен прилагательных мужеского и среднего рода сложного склонения и местоимений на *-ово* при более частых формах и стоящих нередко рядом с ними на *-ого*.

Примеры.

с. Жабино: таwo («Труды Московск. Диалект. Комис»., в. 2, стр. 85);

с. Каталино: чаво (ib., 84);

с. Летошники, II: чаво, 193; IV: самыва, 150; никаво, 272; за таво, ib.; седьмова, 378;

с. Митюли, I: такова-та, 172; такова, 190;

с. Краснозаборье (Р.Ф.В., 1884, № 3): приятныва, 56.

18) Такие формы косвенных падежей, как: аднэй, маладэй и т. д. при наличности и нередко рядом с ними форм на *-ый* и *-ой*.

Примеры.

с. Летошники, II: з бальшею, 191; IV: маладэй, 59; у тэй 73; в бальшей сон, 139; па широкей, 151; за крутэю, 261; на чужей, ib.; у чужей пир, 265; к тэй, 266; аднэй школи (местн. ед. ч.). 268; чужей (дат. пад. ед. числа жен. рода), 270; ў тэй, 273; тэя (вин. мн. ч. жен. рода), ib.; к сырэй зямле, ib.; в халаднэй погриб, 274; маладэй (дат. пад. ед. ч. жен. рода), 275, 307;

с. Митюли, I: с такей, 179; з буйнэй галавы, 209;

с. Михайловка, I: тимяннэй зубица, 177; якей, 178;

с. Полуево, IV: а ў тэй дяреўни, 557;

с. Романовка, IV: па широкей, 179; у тэй, ib.

19) Формы именит. падежа мн. числа имен прилагательных сложного склонения на *-эя*.

Примеры.

с. Черепово, IV: харомы навэя, 257; каморы патайнэя, ib.; каравати тисавэя, ib.; пярины пухавэя, ib.; адиялы тяплэя, ib.;

с. Краснозаборье (Р.Ф.В., 1884 г., № 3): мыладе(э)я (им. пад. мн. числа), 60; пухове(э)я, 61; гулубе(э)я, ib.; зылате(э)я, ib.

20) Исключительно формы 3 лица единств. числа настоящего времени глаголов на *-ть*.

Примеры.

с. Клечетово, IV: пишить, 210;

с. Летошники, IV: приговаривавть, 76; запивать, 139; свищить, 268; разсуждать, 378;

с. Митюли, I: разабьеть, 179; разнясеть, ib.;

с. Романовка, II: ня лезить, 190; IV: плачить, 179; унимать;

с. Черепово, IV: пустить, 58; литаить, 257; стриляить, ib.;

д. Шимановка, IV: едить, 516;

с. Краснозаборье (Р.Ф.В., 1884 г., № 3): ни пайдеть, 56.

21) Такие формы изъявительного и повелительного наклонения, как: разбей (с. Летошники, II, 192), сашью (ib., IV, 20), шьеть (ib., 122), савейте (= свейте, ib., 207), сшей (ib., 268), убей (ib., 270, 273, 312) и т. д. при наличности таких, как: сшию (IV, 265, 266), вышию (ib.), шшить (ib., 355).

22) Причастия на *-мши*.

Примеры.

с. Летошники, II: прилажимши, 193; IV: заламёмши, 24; свимши, ib.; правадёмши, 59; расчесамши, 265; пригладимши, ib.; срубёмши, 354.

23) Сочетание числительных 2, 3 и 4 с формами двойственного числа, при наличности сочетаний с формами множ. числа.

Примеры.

с. Летошники, II: два мароза, 192; чатыри утёнка, 194; IV: два клубочка, 19; два маточка, ib.; два мазалёчка, 20; два утёнка, 150; два вяночка, 262; два рубля, 268; два вала, ib.; три катла, 269; три папа, ib.; три дуба, 354; но также IV: три ряды, 208; два саколики, 274; три карабли, ib.; три браты, 275; три палки, 354; с. Полуево, IV: три сыдаты, 557; с. Черепово, IV: три праздничи, 16.

24) Отсутствие употребления предлога *до* в значении *к*.

25) Неизвестные Северско-белорусскому говору особенности в словаре и словообразовании, например: нетути (с. Летошники, II: 191; IV: 77, 530); свякрова (с. Черепово, IV: 57), свекра (с. Летошники, IV: 77),

нет (ib., 193, 266); пусть (ib., 210); дижа (ib., 266); хаживал (ib., 272, 274); лавливал (ib., 272); зачем (ib., 312) и т. д.

в) Говоры *Брянского уезда*.

Из говоров Брянского уезда использую здесь следующие наблюдения: 1) проф. Е. Ф. Будде над говорами села Мужилова Акулицкой волости (в западной части Брянского уезда),[1] 2) акад. Е. Ф. Карского над говором с. Акулич и говорами Акулицкой и Лутенской волостей, лежащих по соседству с Мглинским и Рославльским уездами[2] и 3) проф. И. Гр. Голанова над говорами названного уже с. Акулич и деревень, лежащих: а) в восточной части Брянского уезда: Чайковичей, Липова, Буды, Дарковичей, Большого и Малого Полпина и б) в северозападной — села Пятницкого и деревни Давыдчичей.[3]

По наблюдению проф. Е. Ф. Будде, говор с. Мужилова характеризуют следующие черты:

1) аканье «на переходной ступени из сильного к умеренному»,

2) отсутствие дзеканья и цеканья,

3) отсутствие отвердения *р*, хотя есть 2—3 случая твердого *р* вместо мягкого (рашато, пираулак),

4) отсутствие перехода *л* в известных фонетических условиях в *ў*,

5) мягкое *к* на месте старого твердого рядом с твердым,

6) особенно мягкое *ч*,

7) случаи *с* вместо *ц*,

8) звуки $з^{ш}$ и $с^{ш}$,

9) мягкое *т* в 3-м лице глаголов,

10) мена *у* и *в* и

11) звук *h* вместо *г*.

Сделанные проф. Е. Ф. Будде записи в с. Мужилове дают возможность присоединить сюда еще две черты:

а) переход звонких согласных в глухие в положении их пред глухими и на конце слова (стр. 85): салотка, сат, друх, муш пашыть и т. д. и

б) родит. пад. един. числа муж. р. местоимений с окончанием *-во:* майво.

Акад. Е. Ф. Карский, наоборот, отмечает, что говор с. Акулич, по его наблюдению, характеризуют следующие черты:

---

[1] «Сборник Отделения русского языка и слов.», 1904 г., т. 76.

[2] «Новый сборник статей по славяноведению в честь Вл. Ив. Ламанского», 1905 г., стр. 314—320.

[3] «Труды Московск. Диалект. Комиссии», вып. 3, стр. 154—161.

1) аканье «в полной силе»: галава, цана, салотка, майго, яны, яси, баляць,

2) дзеканье, хотя заметна склонность к чистым *д* и *т* мягким,

3) мягкое *р*,

4) переход в известных условиях *л* в *ў*: маўчаць, купаўся, паймаў и т. д.,

5) переход *в* в *ў*: ўнук, ўсей, ў мяне,

6) удвоение в известных условиях согласных: Ильлю, Илья, но *р* не удваивается — Ягорья,

7) приставочное *и*: конь иржець, ирваць,

8) -эй (-ей) под ударением вместо -ой: ў аднэй руце, у другей, такей, на аднэй, тэй,

9) редкое отвердение *л*,

10) *г* = *h*,

11) *dj* смягчается в *ж* (вижу, ражать),

12) зват. падеж в форме — мам, бaць, цёт,

13) при числительном *два* ставятся формы множ. числа,

14) в вопросах всегда употребительна частица *ци*.

Кроме того, в записях песен, сделанных акад. Е. Ф. Карским, встречаются следующие примеры перехода звонких согласных в глухие в положении пред глухими и на конце слова (стр. 316): ягатка, пирявос, дорох и т. д.

Таким образом, у проф. Е. Ф. Будде и акад. Е. Ф. Карского говор характеризуется рядом несходных, а иногда и взаимно противоположных черт (§§ 1, 2, 4 и др.). Правда, наблюдения проф. Е. Ф. Будде касаются говора с. Мужилова, а акад. Е. Ф. Карского — с. Акулич, но говор с. Мужилова, по сообщению Е. Ф. Карскому местных жителей, не отличается от говора с. Акулич.

Не вижу других причин для объяснения противоречия в наблюдениях проф. Е. Ф. Будде и акад. Е. Ф. Карского, как те, которые указаны акад. Е. Ф. Карским.[1] Возможно также, что объект наблюдения Е. Ф. Будде не был уроженцем с. Мужилова: в некоторых чертах говор, описанный Е. Ф. Будде, сходен с говором восточной части Брянского уезда.

По наблюдению проф. Ив. Г. Голанова, говор с. Акулич характеризуют следующие черты:

[1] «Новый Сборник статей по славяноведению в честь Вл. Ив. Ламанского». 1905 г., стр. 317.

1) Диссимилятивное аканье,

2) гортанный звук *г*,

3) твердое *ч*,

4) *щ* = *шч* (с твердым *ч*),

5) переход в глагольных формах *л* в *ў*,

6) переход *в* в *ў*,

7) случай, повидимому, спорадического сохранения звонких согласных на конце слов: муж (не муш), горад, злазь, но также и злась.

8) Формы местного падежа един. числа с окончанием *i* под ударением у слов мягкой разновидности.

Отличие этой записи от наблюдений акад. Е. Ф. Карского заключается в определении аканья и в указании на случаи спорадического сохранения звонких согласных лишь на конце слов.

Примечание. Отсутствие в записи проф. Ив. Г. Голанова некоторых черт, отмеченных акад. Е. Ф. Карским, имеет свою причину, повидимому, в краткости записи.

Другие говоры Брянского уезда, известные из записи проф. Ив. Г. Голанова, говоры дд. Чайковичей, Липова, Дарковичей и Буды, характеризуют следующие черты, представляющие до некоторой степени сходство с чертами, отмеченными проф. Е. Ф. Будде в с. Мужилове:

1) мягкое *ч*,

2) мягкое *т* в 3-м лице глаголов,

3) род. пад. ед. числа имен прилагат. и местоим. мужеск. и средн. рода на *-ва* (рядом с *-га*),

4) род., дат. и местн. падежи ед. числа женск. рода и имен. пад. ед. числа муж. рода на *-эй*; твор. ед. числа женск. рода на *-эй*, *-эю*: тэю.

О говоре дд. Большого и Малого Полпина, с. Пятницкого и дер. Давыдчичей сведения, даваемые проф. Ив. Г. Голановым, весьма кратки; наличность в них мягкого *ч* позволяет отождествить их в большей или меньшей степени с предыдущими говорами.

Ближайшими из этих говоров к Северско-белорусскому будут говоры сс. Акулич и Мужилова.

г) Говоры *Трубчевского уезда.*

О говорах Трубчевского уезда, помимо входящих в состав Северско-белорусского говора, имеются сведения: 1) у акад. Е. Ф. Карского из с. Семецев в названной выше статье и 2) в ответах на Академич. великорусскую программу № 1 из с. Гололобова, № 3 из с. Кокаревки и на

такие же белорусские: № 2 из с. Негина, № 4 из с. Радутина и № 5 из с. Красной Слободы (рукописные материалы).

Говор с. Семцев характеризуют следующие черты:

1) дзеканье и цеканье,

2) переход в известных условиях *л* в *ў*,

3) переход *в* в *ў*,

4) изредка твердое *р* на месте мягкого и обратно,

5) мягкость губных в сочетании с *и*,

6) смягчение задненебных в формах соответствующих падежей,

7) такие формы звательного падежа, как: мам, тат и т. д.,

8) такие формы местного падежа, как — у тэй руце,

9) *-ый* в окончании именит. падежа имен прилагательных муж. рода единств. числа,

10) формы родит. пад. единств. числа прилагат. муж. и средн. рода на *-во* и некот. другие.

Говор сс. Гололобова, Кокаревки, Негина, Радутина и Красной Слободы характеризуется, между прочим, 1) мягким *ч*, 2) произношением *щ*, как *шш*, 3) переходом звонких согласных в глухие в положении их пред глухими и на конце слова, 4) формами родит., дат. и местн. пад. ед. числа жен. р. на -эй (-ей), 5) формами причастий на *-мши* и т. д.

В ответе из с. Радутина отмечена, между прочим, и форма *таво*. (Подробнее см. в ответах на названные программы).

Ближайшим из говоров Трубчевского уезда к Северско-белорусскому будет говор с. Семцев.

д) *Говоры, граничащие с Северско-белорусским с юга.*

О говорах, граничащих с Северско-белорусским с юга, имеются сведения: 1) в ответах на кратк. Академ. програм. из Новгород-Северского, Сосницкого и Городнянского уездов, 2) в сборнике Б. Д. Гринченка «Из уст народа» — из с. Юриновки № 307 и из сс. Каменки и Дуплиновки № 308 Новгород-Северского уезда, 3) в статье исторического и этнографического содержания с песнями, касающейся того же с. Юриновки Новгород-Северского уезда, помещенной в «Черниговских Губернских Ведомостях» за 1854 г., № 15 и 1855 г., №№ 19—21, 4) в том же сборнике Б. Д. Гринченка, из с. Лав Сосницкого уезда (№№ 280, 281, 284 и 286), 5) в названной выше статье А. Ф. Полевого, в части, касающейся говора юговосточной части Новозыбковского уезда и 6) в описании О. Курило говора села Хоробрич бывш. Городнянского уезда.[1]

[1] «Фонетичні та деякі морфологічні особливості говірки села Хоробричів». Київ. 1924.

В Новгород-Северском уезде ответы на программы даны из сс. Старой и Новой Гуты и д. Васильевки (№ *199*), сс. Фаевки, Форостовичей (№ *202*), Жадова (№ *204*) и Ображеевки (№ *293*).

В Сосницком уезде — из с. Загребелья (№ *211 а*), мм. Стольного и Новых Млинов (№ *211 б*), д. Гуты Студенецкой и с. Киреевки (№ *211 в*).

В Городнянском уезде — из сс. Петровки, Смяча, Конотопа, Хотунич, Носовки, Дырчина, дд. Камки, Гвоздиковки, м. Новых Боровичей (№ *291 а*) и д. Старых Боровичей (№ *291 б*).

Говоры сс. Фаевки, Форостовичей и Жадова (Новгород-Северского уезда) характеризуется, с одной стороны, аканьем или смешением неударяемых *о* и *а*, а с другой — отвердением согласных пред *е* и *і*, произношением *ѣ*, как *і* и *іе*, звуками сложной артикуляции, т. наз. дифтонгами, на месте *о* и *е* в закрытых слогах, твердым *р* и некотор. друг.; говор с. Ображеевки представляет отсутствие аканья, произношение *ѣ*, как *е*, отвердение согласных пред *е* и *і* и твердое *р* во всяком положении. Говор с. Юриновки характеризуется дзеканьем и изредка смешением *ы* и *і*.

Примечание 1. Сведения о говоре с. Старой и Новой Гуты и д. Васильевки Новгород-Северского уезда весьма кратки: отмечено отвердение согласных пред *е* и *і* и бессуффиксные формы 3 лица ед. числа глаголов.

Примечание 2. Со статьей, касающейся говора с. Юриновки, помещенной в «Черниговск. Губерн. Ведом.» за 1854 г., № 15 и 1855 г., №№ 19—21, к сожалению, не имел возможности познакомиться непосредственно. Сообщаю о ней на основании данных, имеющихся у акад. Е. Ф. Карского.[1]

Записи в сборнике Б. Д. Гринченка, №№ 307 и 308, содержат указание на аканье на ряду с украинизмами, особенно № 308.

В Сосницком уезде говор Гуты Студенецкой характеризуется аканьем, отвердением согласных пред гласными переднего ряда, так называемыми дифтонгами и некотор. друг.; говор местечка Стольного имеет аканье, отвердение согласных пред *е* и *і*, дифтонгическое произношение *ѣ*, твердое *р*, так называемые дифтонги в закрытых слогах; говор сс. Загребелья, Киреевки и м. Новых Млинов, наоборот, характеризуется отсутствием аканья и наличностью отчасти других черт, известных предыдущим говорам.

Примечание. Говор с. Лав, судя по записям в сборнике Б. Д. Гринченка, чисто украинский.

[1] «Белорусы», т. I, стр. 223—224.

В Городнянском уезде говор сс. Петровки, Смяча, Конотопа, Хотунич, Носовки, Дырчина, дд. Камки, Гвоздиковки, Старых Боровичей и м. Новых Боровичей характеризуется аканьем, спорадическим произношением *ѣ*, как *і*, кроме д. Старых Боровичей и м. Новых Боровичей, где *ѣ* всегда произносится как *і*, так называемыми дифтонгами или звуком *і* на месте *е* в закрытых слогах, твердым *р* во всяком положении, отвердением согласных пред гласными переднего ряда лишь в некоторых говорах (в дд. Гвоздиковке, Старых Боровичах, с. Носовке и м. Новых Боровичах) и дзеканьем, отмечаемым в говоре сс. Петровки и Старой Рудни.

В юговосточном углу Новозыбковского уезда говор, по определению А. Ф. Полевого, очень близок к «малорусскому».

Говор с. Хоробрич характеризуется аканьем, но также и звуками сложной артикуляции, так называемыми дифтонгами, на месте *ѣ* и *о* в известных фонетических условиях.

Ближайшими из них к Северско-белорусскому говору будут говоры д. Гуты Студенецкой и с. Жадова.

Территория Северско-белорусского говора.

Рассмотренные говоры, граничащие с Северско-белорусскими с запада, севера, востока и юга, в ряде явлений не сходны с Северско-белорусским; они отличаются от него прежде всего отсутствием черт, характерных для этого последнего, и, наоборот, часто характеризуются неизвестными ему чертами. Это обстоятельство дает возможность судить о границах Северско-белорусского говора. К сожалению, сведения о говорах, особенно граничащих с Северско-белорусским с севера, востока и юга, весьма недостаточны и не дают возможности точно установить эти границы. Приходится поэтому, исходя из этих сведений, лишь приблизительно наметить их и занимаемую говором территорию. Ближайшие из соседних с Северско-белорусским говором села и деревни являются теми пределами, по сю сторону которых проходит в настоящее время граница говора на западе, севере, востоке и юге. В некоторых местах, например, на севере бывшей Черниговской губ., в части, прилегающей к Климовичскому уезду, она проходит, может быть, значительно южнее ближайших сел этого уезда, на что дают указание особенности говора с. Казарич и д. Стодолы бывш. Суражского уезда (ненапечатанные материалы Моск. Диалект. Комиссии № *292а*). Этот говор, надо полагать, подвергся влиянию, идущему с севера и сказавшемуся прежде всего на характере его аканья. «Все жители вышеупо-

мянутых местностей», говорится в ответе (§ 3), «раз будут говорить ныѓа́, гылыва́, дыска́, а в другой в том же случае скажут наѓа́, галава́, даска́». Далее здесь же приводятся примеры: «ны ваде́», «ны траве́» (§ 14), на́ нычь (§ 16), пыпраси́ (§ 21), до́брыга, гаря́чыга (§ 22). Что же касается судьбы звонких согласных, то она неясна: в ответе на вопрос (§ 7) о способе артикуляции звука *г* приведены примеры «Питянбурх, друх». Не ясно однако, какое значение имеет здесь передача конечного звука чрез *х*: является ли она непосредственным ответом на вопрос программы: «не произносят ли *г* в роде, как *х*?» или же она есть результат перехода звонкого фрикативного в соответствующий ему глухой. Нет также никаких указаний и на судьбу звонких в положении их пред глухими.

Примечание. То же относится и к ответу на тот же вопрос (§ 7) в программе № *295 а* из с. Осколкова бывш. Мглинского уезда. Вопроса же, касающегося непосредственно судьбы звонких согласных, в программе нет.

На отвердение же *р* только пред гласными переднего ряда в с. Казаричах и д. Стодоле в ответе есть прямые и косвенные указания: на ряду с царь, грязь, курю имеем — старык, тры, чатыры (§ 24), бяры, прынясом, прыдом (§ 2), скарэй (§ 4).

В этих границах в Северско-белорусском говоре можно различать ряд диалектов: говоры дзекающие и цекающие и не знающие этих черт, говоры с исчезающим отвердением *р* пред гласными переднего ряда и т. д. Есть однако основание полагать, что эти явления позднейшие. Сравни здесь сказанное раньше о дзеканьи и цеканьи в Северско-белорусском говоре и в частности замечание Ан. Ф. Полевого о дзеканьи в говорах Новозыбковского уезда; сравни также сказанное выше о судьбе *р* и т. д. При всем том всем этим диалектам свойственны указанные выше черты, объединяющие их в один Северско-белорусский говор.

Северско-белорусский говор среди других белорусских говоров.

Наметив территорию Северско-белорусского говора и установив отличие его от говоров соседних с ним уездов, посмотрим, какое место занимает он среди других белорусских говоров. Как уже сказано выше, вопрос этот не был предметом специального рассмотрения в научной литературе. На протяжении 50 слишком лет отдельные исследователи и наблюдатели касались его лишь мимоходом. Понятно, что 50 слишком лет назад, при недо-

статочности знакомства с говором не могло быть правильного разрешения вопроса. Проф. Ал. Аф. Потебня, например, относил говор Мглина, Суража, Погара, Стародуба и Новозыбкова к «области южновеликорусского наречия»;[1] Е. Р. Романов видел в говорах бывш. Могилевской губернии продолжение белорусского говора бывшей Черниговской губ.;[2] З. Радченко отождествляет говор Гомельского уезда с говором бывших северных уездов Черниговской губернии,[3] чего в настоящее время, разумеется, нельзя принять (см. главу «Говоры, соседние с Северско-белорусским»); в «Трудах этнографическо - статистической экспедиции в западно - русский край», т. VII, под редакцией П. П. Чубинского (1872 г.), К. П. Михальчук в статье «Наречия, поднаречия и говоры южной России в связи с наречиями Галичины» говор Стародубского, Суражского, Мглинского и Новозыбковского уездов определяет, как переходный «к наречиям Юговосточно-Русскому и Белорусскому», и называет «Северско-Велико-Русским разноречием», составляющим лишь часть «Северского поднаречия», другую часть которого составляет «Собственно-Северское разноречие», обнимающее уезды Черниговской губ., лежащие к северу от Десны: Городнянский, почти весь Сосницкий и часть уездов Остерского, Черниговского, Кролевецкого и Новгород-Северского.[4]

В работах, вышедших сравнительно недавно, в «Белорусах» акад. Е. Ф. Карского, т. I, стр. 193—196, 1904 г., позднее в его же «Русской диалектологии», стр. 117—118, 1924 г. и в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова[5] Северско-белорусский говор отнесен к общей массе белорусских говоров, причем акад. Е. Ф. Карский и составители «диалектологической карты» несколько расходятся между собой в определении его места среди других белорусских говоров. Акад. Е. Ф. Карский целиком относит его к северовосточным белорусским мягкоэрым говорам; составители же «карты» распределяют его между югозападными и северовосточными белорусскими говорами и переходными от белорусских к южновеликорусским. К югозападным белорусским говорам относится здесь западная часть Суражского и Новозыбковского уездов и северная часть Городнянского уезда (стр. 52),

---

[1] «Заметки о малорусском наречии». («Филологич. записки», 1871 г., стр. 3).

[2] «Белорусский сборник», т. I, в. 3, стр. XIV, XVI.

[3] «Гомельские народные песни», стр. IX. («Записки Русского Географического Общества по отд. этнографии», т. XIII, в. 2).

[4] Стр. 491.

[5] «Труды Московск. Диалект. Комиссии», вып. 5, стр. 52 и след.

к северовосточным — Стародубский уезд, большая часть Суражского, Новозыбковского и Мглинского уездов (стр. 54) и, наконец, к переходным от белорусских к южновеликорусским — небольшая восточная часть Мглинского уезда (стр. 57).

Остановимся несколько на этих группировках. Нетрудно видеть, что Северско-белорусский говор ни целиком ни в отдельных частях не вкладывается в классификацию белорусских говоров ни акад. Е. Ф. Карского ни составителей «диалектологической карты русского языка». Прежде всего Северско-белорусский говор по характеру звука *р*, твердого только в положении пред гласными переднего ряда и сохраняющегося мягким пред другими гласными, не подходит под группировку акад. Е. Ф. Карского — не может быть отнесен к мягкоэрым говорам.

Еще в большей степени это касается классификации составителей «диалектологической карты русского языка», относящих большую часть говора к северовосточной белорусской группе, между тем как говор характеризуется чертами, не дающими права относить его к северовосточной группе этой классификации. Говор, как мы видели, характеризуется, во-первых, преимущественно сильным аканьем (второго типа, по терминологии акад. А. А. Шахматова), а во-вторых, рядом черт, свойственных, по этой классификации, исключительно западным белорусским говорам, каковы, например: а) отпадение, а местами ослабление конечного *і* в именит. пад. един. числа имен прилагательных муж. рода; б) всему Северско-белорусскому говору, в том числе и на крайнем севере его, свойственно сохранение звонких согласных в положении их пред глухими и на конце слов — черта, отмечаемая составителями «карты» лишь на юге белорусской территории (стр. 54), а в северовосточных говорах только в тех из них, которые непосредственно соприкасаются с украинскими (стр. 55); в) не только западным частям Суражского и Новозыбковского уезда и северной части Городнянского, относимым составителями «карты русского языка» к югозападным белорусским говорам, но и другим частям Северско-белорусского говора, принадлежащим, по классификации составителей «карты», к северовосточной группе, свойственны, как мы видели, формы творительного падежа множ. числа на *-мы*, характеризующие, по этой классификации, лишь некоторые говоры югозападной группы и г) Северско-белорусскому говору свойственны в известных условиях преимущественно бессуффиксные формы 3-го лица един. числа настоящего времени глаголов 1-го и 2-го спряжения — черта, свойственная, по классификации составителей «карты», югозападным белорусским говорам (стр. 53).

Другие черты, характеризующие говоры югозапада и северовостока Белоруссии (ib., стр. 52—56), в Северско-белорусском говоре не встречаются.

Неизвестно также, на основании каких материалов составители «диалектологической карты русского языка» относят к переходным от белорусских к южновеликорусским говорам небольшой, самый восточный край Мглинского уезда. В примечании 194 (стр. 103—104) ссылка делается па Академическую великорусскую программу № *269* из с. Старой Романовки Мглинского уезда, но этому говору, судя по ответу на программу, не известны черты, характерные для переходных говоров от белорусских к южновеликорусским, каковы: отсутствие дзеканья, мягкое *р*, мягкое *ч*, формы деепричастий на *-мши* и т. д.;[1] наоборот, как уже отмечено, говор характеризуется слабым дзеканьем (§ 103), твердым *ч* (§ 120), отсутствием форм деепричастий на *-мши* (§ 218) и т. д. и имеет лишь одну черту — диссимилятивное яканье, свойственную по этой классификации переходным говорам. Правда, к ответу на программу № *269* приложен «Сказ о 12 пятницах», записанный у слепца Семена Витюгова из того же села Старой Романовки, и язык «Сказа» действительно имеет черты, характерные для переходных говоров от белорусских к южновеликорусским. Но язык «Сказа» в данном случае нехарактерен: сравн. язык аналогичных записей в 5 вып. «Белорусского сборника» Е. Р. Романова с его записями из тех же мест в других выпусках; кроме того, с. Старая Романовка находится в центральной части Мглинского уезда, несколько ближе к западной границе его, а отнюдь не на восточной окраине его.

Таким образом, Северско-белорусский говор не вкладывается ни в одну из известных классификаций. Находясь в восточной части белорусской территории, принадлежа географически к северовосточным белорусским говорам, он нередко характеризуется чертами югозападных белорусских говоров, не говоря уже о том, что имеет и характерные для него черты, неизвестные ни югозападным ни северовосточным говорам Белоруссии. Все это дает основание видеть в нем *один из диалектов современного белорусского языка.*

Возникает здесь вопрос, каково прошлое Северско-белорусского говора, отличающегося, с одной стороны, от белорусских говоров, непосредственно соприкасающихся с ним, с другой, имеющего ряд черт, общих с говорами югозападной Белоруссии и, наконец, родняцегося в некоторых

[1] «Труды Московск. Диалект. Комиссии», вып. 5, стр. 57.

чертах с говорами украинского языка? Для разрешения вопроса обратимся к истории края, данным археологии и к актам, писанным на территории говора.

История края и данные археологии.

Северско-белорусский говор занимает часть территории прежней Северской земли. Акад. Д. И. Багалей в своей «Истории Северянской земли до половины XIV века» так определяет эту территорию для эпохи IX—XI в. «На западе северяне граничили с полянами . . . на севере — с радимичами, жившими по реке Соже, притоке Днепра; на северо-востоке — с вятичами, жившими по верховьям Оки; на юге-востоке и юге — с различными степняками . . .[1] Если землю северян наложить на современную карту, то она займет часть губерний: Черниговской, Курской и Полтавской», при чем северные соседи северян «радимичи приблизительно занимали часть Городнянского и Новозыбковского уездов Черниговской губернии, а также Гомельский, Рогачевский, часть Старобыховского, Чериковского и Чауского уездов Могилевской губернии».[2]

Этими словами определена историком в общих чертах территория северян и, что наиболее важно, северяне отграничены от их ближайших соседей радимичей. На долю этих последних акад. Д. Ив. Багалей относит лишь часть Городнянского и Новозыбковского уездов, признавая, следовательно, Мглинский, Суражский, Стародубский и часть Новозыбковского и Городнянского уездов за северянами, хотя это и не оговорено у него.

Другой историк северян П. Голубовский[3] в числе северянских городов называет, между прочим, и г. Стародуб.

Несколько подробнее определяются старые поселения северян на основании археологических раскопок. Городища и курганные могильники, сохранившиеся в области бассейна Десны, Сейма и Сулы позволяют проф. Д. Я. Самоквасову[4] видеть северянскую землю языческой эпохи в следующих пределах. «На северо-западе землю Северян от земли Радимичей отделяли непроходимые и пустынные области болот Перистого и Замглая и лесные области среднего течения Снова и Ваги, в которых не имеется городищ и курганных кладбищ. Пограничные городища Северянской земли со стороны земли Радимичей сохранились у поселений Любеча, Старого Листвена,

[1] Д. Ив. Багалей. «История Северянской земли до половины XIV века». Киев. 1882 г. стр. 12.

[2] Ib., стр. 15.

[3] «История Северской земли до половины XIV века», стр. 14.

[4] «Северская земля и северяне по городищам и могильникам». М. 1908 г.

Буховца, между Ранцем и Звеничевым, у Великого Листвена, между Большим Щимелем и Шишкою, у Старого Робска, Сытой Буды и Мизирич.

В области бассейна Сожи, по левым его притокам Ипути и Беседе, поселения Радимичей выдвигались в пределы Новозыбковского и Суражского уездов до городищ у Старых Бобович, между Поконом и Ирванцом, и у Поповой Горы между которыми и ближайшими поселениями Северян Стародубского уезда лежала лесная и болотистая незаселенная полоса земли, не имеющая городищ и курганов.

На севере болотистая и лесная область истоков Унечи, Ельни и Дубны отделяла поселения Северян от южных поселений земли Вятичей . . .

Северные пограничные городища Северянской земли сохранились у поселений Стародубского уезда: Найтоповичей, Гарцева, Щекотова и Рогова, а южные земли Вятичей у поселений Мглинского уезда: Овчинца, Лялечей, Разрытого, Старопочепья, Доманичей и Волжина.

На восточной границе Северянской земли, с левой стороны рр. Судости и Десны, тянулась незаселенная обширная полоса земли до северянских городов, лежавших в пределах областей бассейнов рр. Клевени и Сейма. Пограничными черниговскими поселениями с этой стороны были города, памятниками которых служат городища, сохранившиеся на р. Судости у поселений: Рогова, Юркова, Подсудичей, Погара и Чубарова, и на правом берегу р. Десны, у поселений: Очкина, Пушкарей, Лесконог, Ленькова, Новгород-Северска, Комаля, Чулатова, Араповичей, на р. Свете у с. Пустогорода, на р. Клевени у с. Ястребщины, на р. Сейме у поселений: Студенка, Коробина и Городиска на р. Курице у с. Путова и на р. Рати у с. Городища.

С левой стороны Сейма, в пределах Курского и Обоянского уездов не имеется городищ, сопровождаемых кладбищами северянских погребальных обрядов; но такие городища и курганные могильники имеются в областях бассейнов Псла и Сулы, ограниченных городищами, сохранившимися у следующих поселений: в Суджанском уезде при рр. Псле и Рябице, у поселений: Корочек, Ломаковки, Белой, Суходола, Куриловки, Николаевской пустыни, Мирополья, Рыбицы, Глиницы и Криничного; в Сумском уезде, при р. Псле, у поселений: Барановки, Сум и Закладной; в Лебединском уезде, при р. Псле, у поселений: Михайловки, Горок или Анненберга и Городища; в Посульских уездах, у поселений: Липового, Медвежьего, Ромна, Сенчи, Снетина и Горошина».[1]

[1] Ib. 25—26.

Таким образом проф. Д. Я. Самоквасов, основываясь на археологических раскопках, относит на долю северян значительную часть бывшей Черниговской губернии, за исключением, между прочим, частей Мглинского, Суражского, Новозыбковского и Городнянского уездов, часть Курской и Полтавской губернии.

Несколько восточнее проводит западную границу северян П. М. Еременко. Он выдвигает дальше на восток, чем проф. Д. Я. Самоквасов, поселения радимичей, относя к местам, занятым радимичами, значительную часть Новозыбковского и Суражского уездов. Сохранившиеся здесь курганы характеризуются признаками, свойственными курганам радимичей: отсутствием трупосожжения, медными семилопастными височными привесками, характерными пластинчатыми шейными гривнами и проч.[1] Эти курганы расположены в большей северной части Новозыбковского уезда, преимущественно в восточной ее половине, при чем крайний восточный курган радимичей находится к востоку от с. Бутовска, вблизи границы между Новозыбковским и Стародубским уездом.[2] Крайние же восточные курганы в Суражском уезде при сс. Высоком и Ляличах также находятся недалеко от границы его со Мглинским уездом.[3]

Таким образом проф. Д. Я. Самоквасов и П. М. Еременко несколько расходятся между собой в определении территории древних северян, но, расходясь в частностях, они приходят к одному выводу относительно Стародубского уезда — устанавливают поселение здесь северян.[4]

Из событий исторической эпохи отмечу следующие. В конце IX века северяне входят в состав Киевского княжества и остаются в единении с ним с небольшими промежутками до 1054 г. В 1054 г. сын Ярослава Святослав получил в удел Чернигов и Северскую землю; с этих пор Северская земля живет отдельно от Киева. В половине XIII века, в эпоху монгольского ига Северское княжество входит в состав вновь образовавшегося Брянского удела. В начале XIV века оно принадлежит уже Литве. В половине XV века великий князь литовский Казимир отдал часть земель Черниговской и Курской губернии в удел бежавшим из Московского государства в Литву князьям Можайскому и Шемятичу, при чем первый получил область с гг. Черниговом, Моровском, Любечем, Поповой Горой Суражского уезда,

[1] «Записки Русского Археологич. Общества», т VIII, 1896 г., в I и II, стр. 65—84.
[2] Ib., стр. 66—67.
[3] Ib., А. С., стр. 84.
[4] Ср. проф. М. К. Любавский. «Историческая География России в связи с колонизацией». Курс, читан. в Московск. Университете в 1908—9 акад. году. М. 1909 г. (Литографир. изд.) стр. 75 и друг.

Гомелем и Стародубом, а второй — область с гг. Новгород-Северском, Почепом, Радогощем (Погаром) и Рыльском. В начале XVI в. (около 1500 г.) эти уделы отделились от Литвы и отошли под власть Московского государства. Затем в течение почти 100 лет литовцы делают ряд тщетных попыток отнять эти земли. По Деулинскому перемирию край этот был уступлен Польше. Польша вводит новое управление в приобретенном ею крае: некоторые города получают Магдебургское право, вводится судопроизводство по Литовскому Статуту и т. д., при чем при административном делении края гг. Любеч и Стародуб не вошли в состав Черниговского воеводства, а были присоединены к Смоленскому воеводству. С 1637 года, после поражения Павлюка под Кумейками, права и привилегии, дарованные Стефаном Баторием, были отняты, и население разделено на мещан и холопов, при чем мещане пользовались гражданскими правами только в тех городах, которым дано было Магдебургское право, остальные же вместе с холопами стали в полную зависимость от шляхты. Шляхта в силу этого владеет рядом уездов Черниговской губернии; например, весь Глуховский и значительная часть Конотопского уезда принадлежит князьям Пясочинскому и Оссолинскому, огромными поместьями в Сосницком, Борзенском и Нежинском уездах владеет Адам Кисель, между прочим, ему здесь принадлежат: Мена, Макошин, Максаки, Киселевка, Едуты, Холмы, Прачи, Высокое, Красный Став, Кобыжча, Носовка и др.; Юрий Зтечина владеет Батурином, Шпонка — Сосницей, Вышел — Борзной, Хвощ — Городней и т. д.; большинство земель южных уездов принадлежит князьям Вишневецким. Восстание Богдана Хмельницкого приводит к изгнанию из края поляков и присоединению его на известных условиях к Москве. Вместе с остальными землями он получил новое административное устройство — был разделен на полки. Деление это, правда, не было устойчивым, и лишь со времени гетмана Брюховецкого Черниговская губерния была разделена на три полка: Черниговский, Нежинский и Стародубский.[1]

В дальнейшем история Стародубского полка одинакова с другими полками: следует ряд ограничений в различных сторонах политической и административной жизни, приводящих в конечном итоге к утрате полком автономии и к разделению его (1777 г.) на уезды сначала в составе Новгород-Северской, а потом Черниговской губернии вплоть до событий, следовавших после Октябрьской Революции и разделивших Черниговскую губернию между Украиной и РСФСР.

---

[1] М. Домонтович. «Материалы для географии и статистики России. Черниговская губерния». 1865 г., стр. III—XXI.

Такова в основных чертах история края. Наиболее характерным в ней следует признать: а) польское владычество и б) вхождение края в состав тогдашней Малороссии, результатом чего явилась общая с нею административная жизнь в течение ста слишком лет.

В до-историческое время на указанной выше территории, по данным археологии и истории, жили северяне, и в истории края, как мы видели, не было обстоятельств, повлекших к уничтожению или уходу его населения и колонизации его новыми поселенцами. Имеем ли мы право, возникает здесь вопрос, видеть в современном населении этого края потомков северян?

Территория его говора в настоящее время простирается, правда, несколько дальше на запад и восток, чем земля северян, но расширение территории, увеличение ее объема сравнительно с первоначальным — явление вполне нормальное и не может служить препятствием для принятия этого положения.

Гораздо важнее другое обстоятельство — положение вопроса о северянах в научной литературе.

Вопрос о северянах в научной литературе.

Акад. А. А. Шахматов относит северян к той же южной группе, к какой отнесены им поляне, древляне, бужане, хорваты, уличи и тиверцы, т.-е. видит в них также предков теперешней украинской народности.[1]

Примечание. Термин «украинский» употреблен здесь, как и в других местах исследования, в применении к южной народности вместо «малорусский».

На такой точке зрения, повидимому, находилась и Московск. Диалект. Комиссия в заседании 10 ноября 1907 г., когда ею делались возражения по докладу А. В. Маркова «Данные по говору Стародубского уезда Черниговской губернии», высказавшего предположение, что говор с. Кустич-Бряновых «малорусский с сильным белорусским влиянием и слабым великорусским... и что на него приходится смотреть, как на непосредственного потомка северских говоров».[2]

---

[1] «Введение в курс истории русск. языка», ч. I, стр. 100, 101. То же и в «Очерке древнейшего периода истории русского языка», стр. XXIII и XLII. Ср. также его статью «К вопросу об образовании русск. наречий и русских народностей» (Ж. М. Н. П. 1899 г., IV).

[2] Ненапечатанный Протокол «Московск. Диалект. Комис.», № 32, 10 XI 1907.

Примечание. Возражения, сделанные докладчику в Комиссии, побудили его отказаться от мысли «видеть в Стародубских говорах непосредственных потомков древних северских говоров». Несколько позднее доклад был напечатан в «Извест. Отд. русск. языка и словесн.» за 1910 г., т. XV, кн. I, где не имеется уже вывода о принадлежности говора к потомкам северских говоров.

Также и проф. Е. Ф. Будде в статье «О говорах Тульской и Орловской губерний»[1] считает северян «Северными малоруссами», точнее, видит «в северянах предков северно-малорусских племен» (стр. 11), а отнюдь не белорусских, хотя «на долю северян» и относит умеренное аканье, твердое *к*, *с* вместо *ц*, формы на-*эй* вместо-*ой* и полагает, что у северян и их потомков не было ни дзеканья, ни цеканья, ни твердого *р*, ни перехода *л* в *ў* (ib.).

С другой стороны, акад. Ал. Ив. Соболевский, указывая на отсутствие каких бы то ни было данных об особенностях говора северян, отмечает, между прочим, что «малоруссы XVII века видели в коренных жителях Чернигова московских людей» и высказывает предположение, что «весьма вероятно считать потомками северян сильно акающих жителей Брянского и Путивльского уездов».[2]

Проф. Д. Н. Ушаков, перечисляя племена древней южно-русской группы, говорит о северянах следующее: «К этой группе, может быть, принадлежали и северяне, жившие по Десне, хотя вопрос о принадлежности северян к той или иной племенной группе, за недостатком исторических сведений о них, остается в науке открытым».[3]

Приблизительно то же находим и у историков. Проф. М. С. Грушевский относит северян к предкам украинцев.[4] Ал. Яблоновский полагает, что «северная часть Черниговщины подпала влиянию вятичей, радимичей и выработала белорусский язык; южная же часть северян, соседи полян и древлян, вошла вместе с ними, как близкими по происхождению, в состав «малорусского» племени и выработала «малорусский» язык.[5]

К предкам украинцев относит северян и Н. В. Василенко, отмечая, что уезды: Новозыбковский, Суражский, Мглинский, Стародубский и часть

---

[1] «Сборник Отдел. русск. языка и словесн.», 1904 г., т. 76.

[2] «Лекции по истории русск. языка», изд. 4, стр. 38.

[3] «Основы научной грамматики русск. языка», 2-е литограф. изд. 1911 г., стр. 13 и 3-е изд. 1914 г., стр. 14.

[4] «Спірні питання староруської етнографії». (См. «Статьи по Славяноведению», в. I).

[5] Н. П. Василенко. «Очерки истории Западной Руси и Украины», стр. 485.

Новгород-Северского заняты белоруссами и что «Черниговские белорусы, вероятно, потомки летописных радимичей».[1]

Таковы взгляды на северян. В количественном отношении в них перевес на стороне признания северян предками украинской народности. Этот взгляд исключает возможность видеть в населении северных уездов бывшей Черниговской губернии и однородной с нею по говору западной полосы Трубчевского уезда потомков северян. Остановимся потому несколько на этом взгляде. На чем основан этот взгляд? — Основанием ему, повидимому, служит то обстоятельство, что территория старых северянских поселений, лежащая к югу от рассмотренного нами говора, занята в настоящее время украинскою народностью. Но здесь необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства.

Записи, собранные Б. Д. Гринченком в сборнике «Из уст народа», говорят о наличности аканья на ряду с украинизмами и местами с сохранением неударяемого *о* в с. Сорокошичах (№ 295) Остерского уезда, в м. Понорнице (№№ 179, 246, 247) Кролевецкого уезда и некотор. др.

Ответ на краткую Академич. программу из Глуховского уезда (№ *206 а*) отмечает наличность аканья в следующих селах: Суходоле, Уланове, Ястребовщине и дер. Кореньке.

То же и в ответе из Остерского уезда (№ *208 а*) в деревнях: Евменке, Сувиде и Боденках, в последней на ряду с сохранением неударяемого *о* и украинизмами.

Сюда же следует отнести, судя по записям в сборнике Б. Д. Гринченка «Из уст народа», и говоры северной части Козелецкого уезда (№ 215).

Примечание. Составители «Карты» не упоминают северной части Козелецкого уезда в числе «переходных говоров» от украинских к белорусским.[2]

Как понимать наличность в этих говорах такого явления, как аканья и других черт, не свойственных украинскому языку? А. Ф. Шафонский,[3] характеризуя язык «Малой России» в конце XVIII века (1786 г.), отмечает, что Полесье, т.-е. часть Новгород-Северского, Глуховского, Кролевецкого, весь Погарский,[4] Мглинский, Стародубский, Суражский, Ново-

---

[1] Ib., стр. 554.

[2] «Труды Московск. Диалект. Комис.», в. 5, стр. 72—73.

[3] «Черниговского Наместничества топографическое описание». Киев, 1851 года, стр. 24—25.

[4] Позднее заштатный город.

меский,[1] западная часть Сосницкого, Городницкий[2] уезд и селения Черниговского уезда, лежащие на правом берегу Десны «имеют почти такой выговор, как в Белоруссии и в Литве», т.-е. он объединяет говоры этих уездов в одно целое и противопоставляет их говорам, лежащим южнее. В говорах Полесья в его время произносили: конь, нож, вол, между тем как в южной части Черниговской губ. имело место произношение: кунь, нуж, вул, а еще южнее, за Лубнами — кінь, ніж, віл (стр. 25). В современном же состоянии в значительной части говоров Новгород-Северского, Глуховского, Кролевецкого, Сосницкого и Городнянского уездов (см. выше) мы находим уже не *о* и *е*, а звуки сложной артикуляции,[3] называемые обыкновенно дифтонгами, или их заместителей. Конечно, сведения, сообщаемые А. Ф. Шафонским, очень кратки и вызывают ряд вопросов. Не ясно, например, что хотел сказать автор, употребив выражение «почти такой выговор, как в Белоруссии и Литве?» что означает здесь слово «почти»? Но как бы то ни было, эти сведения показывают, что говоры той части Черниговской губернии, которая лежит к югу от современного Северско-белорусского говора, в конце XVIII века не имели еще звуков сложной артикуляции или их заместителей: появились они в них лишь позднее, как результат влияния, шедшего с юга или запада. Эти выводы, может быть, подтверждаются приведенным выше замечанием акад. А. Ив. Соболевского, что «малоруссы XVII в. видели в коренных жителях Чернигова московских людей». Правда, Ал. И. Соболевский говорит здесь о взгляде в XVII в. на черниговцев, как на московских людей, а не как на белоруссов, но в данном случае легко могло быть смешение в названии не украинского говора, сходного в вокализме с великорусским, т.-е. московским по понятиям того времени. Наконец, в ответе на краткую Академич. программу № *206 а*, в с. Полковничьей Слободе Глуховского уезда отсутствует аканье, а согласные в положении пред гласными переднего ряда тверды. Отмечая эти особенности говора сравнительно с другими селами (Суходол, Уланов, Ястребовщина и друг., о говоре которых уже было говорено), автор ответа указывает на местное предание, по которому население Полковничьей Слободы пришлое и переведено из Украины помещиком Кулябкой, т.-е. украинские черты в говоре этой части Глуховского уезда не свойственны говору, как таковому, а вос-

[1] Теперь Новозыбковский.

[2] Т.-е. Городнянский.

[3] См. Вс. М. Ганцов. «Характеристика поліських дифтонгів і шляхи їх фонетичного розвитку». («Записки Історично-філологичнаго відділу Всеукраїнск. Акад. Наук». Кн. II—III, стр. 116—144).

приняты им от украинских переселенцев. Где гарантия за то, что не такого же происхождения украинские черты и в других частях бывших северянских поселений? Факты колонизации как раз дают основание принять это положение.

Колонизация Северянской земли.

История Нежинского полка дает определенные указания на позднее заселение его, не ранее начала XVII века людьми, пришлыми из-за Днепра, которые бежали в эту часть Северской земли,[1] когда Пясочинские, Оссолинские, Пацы, Кисели и др. польские паны получили здесь от короля более или менее обширные земли. Занимая южную окраину Руси, территория будущего Нежинского полка не отличалась плотностью населения уже в глубокой древности, до татарского нашествия. После же татарского погрома с половины XIII века эта местность запустела. Судя по данным «Книги Большого чертежа», на территории Нежинского полка вовсе не было городов в эпоху составления «Книги». Не было в это время и других каких-либо поселений в южной безлесной его части, лежащей к югу от течения Сейма и Остра. «Повидимому», говорит историк «Старой Малороссии» Ал. Лазаревский: «эта местность до XVII в. представляла собою полную пустыню, разделявшую русские и польские владения».[2] Пустынный характер местности к югу от Сейма и Остра усматривает Ал. Лазаревский еще и в том обстоятельстве, что русская «сторожа», оберегавшая Путивльский рубеж от нападений татар, «стояла по берегам р. Сейма, не далее 40 верст к западу от Путивля, т.-е. примерно около границы теперешнего Конотопского уезда», а дальше к западу от этого пункта тянулись поля, т.-е. незаселенные земли. Обширное пространство пустынных земель к западу от Путивля в конце XVI в. составляло угодья далекого отсюда Канева, при чем эти угодья не были заселены каневцами, а представляли места, известные под именем «уходов», куда они приходили поохотиться на зверя и половить рыбу.[3] Лишь к северу от Сейма и Остра существовали поселения, но «еще в начале XVII в. они встречались лишь изредка» (ib.). Теперешние города: Нежин, Глухов, Батурин, Кролевец, Конотоп, Борзна и др. были поселены или возобновлены вновь не ранее первой четверти XVII в., приблизительно после Деулинского перемирия. В польском акте 1624 г., между прочим, говорится, что «Мѣсто Нѣжинъ, отъ многихъ лѣтъ опустошалое, значне за ла-

[1] А. М. Лазаревский. «Описание Старой Малороссии», т. II, стр. 3.

[2] Ib., стр. 1.

[3] Ib., стр. 2.

скою Божiею ростеть, и що разъ людей до его пребуваеть»,[1] т.-е., что заселение города быстро идет вперед. В грамоте Сигузмунда III, данной городу Нежину в 1625 г., город Нежин назван еще «Новооселым»[2] городом. Также Глухов, обезлюдевший в половине XIV в., когда, по известию Никоновской летописи, «Того же лета[3] бысть моръ силенъ зѣло . . . в Глуховѣ же тогда ни единъ человѣкъ не остася, вси изомроша»,[4] был заселен лишь чрез три века, когда к концу первой половины XVII в. «Пясочинский посадил слободку Глуховскую».[5] Любопытно при этом отметить, что акты первой четверти XVIII в. (1723 г.) сохраняют еще отчасти память о пришлом населении города; таков, например, Савка Четвериков «барзо старый человѣкъ» (дело идет в 1723 г.), «родимец Заднѣпровскiй, зъ мѣстечка Городища, подъ Корсунемъ лежачаго, зайшовъ до Глухова скоро Глуховъ осаженъ . . .; чувалъ отъ иншихъ и самъ совершенно вѣдаетъ, же Годунъ старый, козакъ, прибувъ сюды зъ нѣякогось города до Глухова, въ тотъ часъ, якъ еще Глуховъ осажовался, напередъ отъ него Савки, зъ гетмана Хмельницкого».[6]

Таковы свидетельства документов. Это пришлое население колонизовало территорию будущего Нежинского полка и подвигаясь, надо думать, далее к северу, смешалось там с местным населением и приняло тот вид, какой оно имеет в настоящее время в северных окраинах украинской части Черниговской губернии.

Что же касается частей теперешней Курской и Полтавской губернии, входивших в состав Северской земли, то здесь с конца первой половины XIII века картина была еще более печальная: Переяславльское княжество было так сильно опустошено, что с этого времени «вовсе исчезает уже с исторического горизонта».[7] Такова же была судьба и Курска, отстроенного вновь лишь в конце XVI века.[8] В 50-х годах XVI в. самым южным городом тогдашней Руси был Путивль, входивший в переднюю линию укреплений, которую составляли города: Алатырь, Темников, Кадом, Шацк, Ряжск, Данков, Епифань, Пронск, Михайлов, Дедилов, Новосиль, Мценск,

---

[1] А. Ив. Ригельман. «Летописное повествование о Малой России». М. 1847 г., стр. 142.
[2] Ib., стр. 188.
[3] 6860.
[4] «Полное собрание Русских Летописей», т. X, стр. 224.
[5] А. М. Лазаревский. «Описание Старой Малороссии», т. II, стр. 427.
[6] Ib., стр. 427.
[7] Д. Ив. Багалей «Очерк истории колонизации степной окраины Московского Государства.» 1887 г., стр. 63; ср. Ляскоронский «История Переяславской земли до половины XIII в.» Киев. 1897 г.
[8] Д. Ив. Багалей Op. cit., стр. 65.

Орел, Новгород-Северский, Рыльск и Путивль.[1] За этими городами начиналась степь. Заселены эти места были лишь позднее, в XVII в., путем колонизации, при чем эта последняя направлялась главным образом из-за Днепра.

Украинские летописцы половины XVII века как раз повествуют о массовом переходе в это время населения из-за Днепра. «Козацтво зась», говорит Самовидец: «зостаючое в городахъ, волно сходили з тихъ городовъ, кидаючи набитки свои, у городи ку Полтавѣ, и тамъ слободи поосажовали, не хотячи з жолнѣрами зоставати и стацеи имъ давати, бо незносную стацiю брали», при чем поляки не могли воспрепятствовать этому переходу, так как переселенцы «из гарматами выходили з городовъ».[2]

То же приблизительно находим и у Грабянки: «и повелѣ народу», говорится про Хмельницкого, «волно сходити зъ городовъ, кидаючи свои набитки ку Полтавщинѣ такожъ и за границу у Великую Россiю, абы там городами осѣдали».[3]

Аналогичные сведения дают и другие историки.

Переселения эти были не только добровольные. Самовидец, Грабянка, Симоновский, Ригельман и другие летописцы и историки говорят, между прочим, о насильном переселении в левобережную Украину жителей Ржищева, Корсуня, Мошны, Драбовки, Черкас, Жаботина и друг., которые взял в 1679 г. гетманич Семен Самойлович, сын гетмана Самойловича, а жителей этих городов согнал на левый берег Днепра.[4] Гетман Самойлович в своем донесении об этой «экспедиции» говорит, между прочим, что все «жители ржищевские, каневские, корсунские, староборские, мошенские, грабовские, белозерские, теганковские, драбовские, черкасские на его сторону согнаны и от неприятеля отстранены, а города, и села, и местечки, и деревни их, где они прежде жили, на той стороне все без остатку выжжены».[5]

О количестве поселенцев говорить не приходится — оно весьма значительно; например, гетман Самойлович в 1675 г. ведет переговоры с русским правительством о поселении 20000 таких семейств.[6] Переселение вообще было массовое[7] и обнимает время с 1652 по 1712 год,[8] не говоря уже о поселении отдельных семейств, которое всегда имело место.

---

[1] Ib., стр. 36.
[2] «Летопись Самовидца». Киев, 1878 г., стр. 29.
[3] «Летопись Григория Грабянки». Киев, 1854 г., стр. 111—112.
[4] Д. Ив. Багалей Op. cit., 402.
[5] Ib., 404 стр.
[6] Ib., 403, 405.
[7] Ib., 410.
[8] Ib., 442.

При таком положении отпадает следовательно вопрос об исконном отличии населения бывш. северных уездов Черниговской губ. от остальной ее части и от частей Курской и Полтавской губ.: это отличие в настоящее время есть; оно значительно и в языке и в типе населения, но возникло оно, как мы уже видели, гораздо позднее, когда старое северянское население исчезло в южных уездах Черниговской губ. или покинуло места своего поселения, подвигаясь к северу, а его место заняли переселенцы из-за Днепра. Лишь на крайнем севере Черниговщины, где жизнь шла сравнительно спокойнее, сохранились северяне, как племенная разновидность западной части русской, или восточно-славянской, народности.

Необходимо здесь обратить внимание еще на одно обстоятельство, именно, на наименование в актах XVII — XVIII века населения этой части Черниговской губернии «малороссийским», между тем как в настоящее время оно признается белорусским. Как понять это противоречие? Едва ли здесь можно допускать, что первоначальное «малороссийское» население северской Украины было заменено путем колонизации белорусским: факты языка не дают права для такого предположения; нет также ни прямых ни косвенных указаний на массовое переселение сюда белоруссов, которые поглотили бы старое «малорусское» население. Наоборот, мы имеем указание, что переселенцы, например, из Рославльского уезда ассимилировались с местным населением и при том в такой степени, что в четвертом поколении уже не отличались от него.

Имеется документ первой четверти XVIII века, содержащий дело по челобитью М. В. Мясоедова о сысканных им в 1725 году в с. Дареевске Стародубского уезда беглых его крестьянах, поселившихся здесь издавна и живших уже четвертым поколением.[1] Речь идет о беглых крестьянах Макаре Артемове из Рославльщины с женою и детьми, правнуки которого, Илья и Парфен Парфеновы, жили в первой четверти XVIII века в с. Дареевске бывш. Погарской сотни. В этом документе обращает на себя внимание показание «попа Романа з атаманом, товариством и посполыством», что никто из селян его времени уже не знает, были ли беглые Макар Артемов с женою и детьми «Московской породы» (т.-е. великоруссы) или нет. Следовательно в четвертом поколении произошла уже ассимиляция по языку пришлого населения с местным; оно смешалось с ним и не было, очевидно, возможности отграничить его.

---

[1] Пользуюсь им из труда М. И. Лилеева. «Из истории раскола на Ветке и в Стародубе в XVII — XVIII в.» ч. I, 1895 г., стр. 69 и след.

С другой стороны, историк М. И. Лилеев отмечает усиленный наплыв в эти уезды «беглых крестьян, слуг и разных служилых людей» после присоединения Малороссии к Московскому Государству.[1] Московское Государство этого времени вменяет в обязанность гетману и всей старшине «сыскивать воров-беглецов, отдавать их помещикам» и вотчинникам и угрожает «карать смертию» тех, кто будет принимать беглых людей и крестьян.[2] Несмотря однако на эти распоряжения, по мнению того же историка М. И. Лилеева, число беглых людей из Московского Государства было значительно. Живут они, по его мнению, преимущественно в Почепском, Погарском, Стародубском, Новгород-Северском, Глуховском, Черниговском уездах, но «главным образом в селах и деревнях стародубских полковников».[3] Однако здесь необходимо отметить, что беглые живут не оседло, а «переходя» с места на место;[4] часть их живет непосредственно в Новгород-Северске, Почепе, Стародубе, но при этом невидно, чтобы они превратились в постоянных мирных жителей этих городов. В «новых статьях» (п. 16), введенных московским правительством при избрании в гетманы Юрия Хмельницкого (1659 г.), ставится на вид, что беглые «из тех городов приходячи к помещикам своим и вотчинникам, всякие злости и разорение нестерпимые делают».[5] Таким образом, этот род населения едва ли мог колонизовать край. Нет также указаний на поселение этими людьми деревень, слобод и проч. Едва ли и возможно это было при существовании угрозы «карать смертию» тех, кто будет принимать беглых людей. Очевидно, они жили среди массы основного населения и ассимилировались с ним. Во всяком случае, о массовом переселении, какое, например, имело место в Слободской Украине (губернии Харьковская, часть Воронежской и Курской)[6] и составило весьма значительный процент населения, говорить здесь не приходится. В данном случае скорее это были мелкие переселения, переходы отдельных лиц и их семей.

Планомерной колонизации подверглись в XVII в. при польском владычестве главным образом обширные пространства Черниговской губернии, лежащие к югу от территории Стародубского и других северных уездов бывш. Черниговской губ. Историк «Старой Малороссии» Ал. Лазаревский

---

[1] Ib., стр. 71.

[2] «Летопись Самоила Величка». Киев, 1848 г., т. I, стр. 419.

[3] М. И. Лилеев. Op. cit., стр. 74.

[4] Ib.

[5] «Летопись Самоила Величка». Киев, 1848 г., т. I, стр. 419.

[6] Д. Ив. Багалей «Очерки из истории колонизации степной окраины Московского Государства». Москва 1887 г., особенно V-я глава; ср. акад. М. Ф. Сумцов. «Слобожане. Історично-Етнографична розвідка». Харьків, 1918 г., стр. 13.

говорит о колонизаторской деятельности М. Стахорского, управителя обширных поместий Пясочинского, владевшего Погаром, Новгород-Северском и Глуховом с окольными селами.[1]

Таким образом лишь Погар Стародубского уезда, как видим, принадлежал тому же Пясочинскому, и колонизаторская деятельность Стахорского, полагаю, могла коснуться некоторых частей прилегающей к нему территории. Также были колонизованы поместья, принадлежащие Криштофу Фащу, находившиеся на территории теперешнего Городнянского уезда. Фащем, например, была основана слободка, из которой впоследствии образовался город Городня.[2]

Таковы факты колонизации. Они не дают права предполагать вытеснение украинского населения, если бы оно здесь жило, белорусским. Наоборот, приходится признать, что наименование «малороссийский» применено здесь к населению, отличавшемуся по языку от «малороссов», но имевшему одинаковое с ними административное устройство и управление — также управлявшемуся казацкой старши́ной. Население это, как уже сказано, являлось потомками северян.

Свидетельство источника конца XVII века о северянах и сведения о них в 60-х годах XIX столетия.

Весьма любопытно отметить здесь показание одного акта конца XVII века, указывающего на нетождество в XVII веке понятий «украинец» и «северянин»: имею ввиду письмо Казимира Халецкого, старосты Мозырского, к полковнику Стародубскому С. И. Самойловичу от 9 августа 1684 г.[3]

Примечание. Знакомством с этим документом всецело обязан покойному акад. А. А. Шахматову, указавшему мне на него.

В этом письме, между прочим, имеется выражение: «Какъ і у насъ люди Сѣверские и украинские бываютъ» (ib., л. 10). Следовательно, Казимир Халецкий, а вместе с ним, надо полагать, и С. И. Самойлович не отождествляет украинцев с северскими людьми, т.-е. с северянами, жителями Северской Украины; для него два нетождественных понятия «украинец» и «северянин». Пови́димому, и во времена Халецкого здесь была приблизительно та же

[1] А. М. Лазаревский. «Описание Старой Малороссии», т. I, стр. 3.
[2] М. И. Лилеев. Op. cit., стр. 70.
[3] Древлехранилище (бывш. Московск. Архив М. Ю.) Столбец Малороссийск. приказа, № 5901/90.

разница в языке и типе, какая налицо и в настоящее время. Правда, название «северяне» в настоящее время вовсе не встречается на севере бывш. Черниговщины и у ближайших ее соседей с востока, севера и запада. Население ее известно в настоящее время под именем «литвинов» (М. Н. Косич, Op. cit.; П. Н. Тихонов. «Сборн. Отд. рус. яз. и слов.», т. 76, 1904 г.). Литвинами обыкновенно называют их соседи (М. Н. Косич, Op. cit., стр. 6); сами же они затрудняются определить свою национальность и в статистических сведениях последних годов обыкновенно относятся к «неопределенной национальности».

Примечание. Проф. И. Г. Голанов в заметке о говоре Мглинского уезда[1] отмечает, что жители Старопочепья, Юськовой (Бяльковой) Слободы и из-под Почепа называют себя «хохлами» и говорят, что за Мглином живет «другой народ — литвинки́». Трудно сказать, чем в данном случае вызвано это название. Отмечу здесь, что жители бывш. северных уездов Черниговской губ. обыкновенно стесняются своей принадлежности к белоруссам и нередко, особенно в разговоре с великоруссом, охотно называют себя «хохлами». То же отмечает в своей статье и А. Ф. Полевой. «Хохлами» также называют местное население, разумеется, по недоразумению и великоруссы-старообрядцы.

Несколько иначе обстояло в этом отношении дело в 60-х годах XIX столетия с южными соседями бывшей северо-Черниговщины. Интересные сведения о названии ее населения находим в журнале «Основа» за 1862 г., август, в статье, подписанной Леся-ій и озаглавленной «О городницком наречии» (т.-е. о городнянском). «Самый север губернии (уезды: Суражский, Мглинский, Стародубский и Новозыбковский) заняли белоруссы, известные у жителей других уездов губернии под именем литвинов, сіверян, полісцев, подзегун» (отдел XX, стр. 47). Здесь, следовательно, на ряду с другими названиями для населения бывшей северо-Черниговщины встречается и старое название *северяне*, забытое как на севере бывш. Черниговской губернии, так и ее ближайшими соседями с запада, севера и востока, но имевшее когда то, надо полагать, более широкое употребление. Лишь позднее оно было заменено более новыми названиями: литвины, полесцы и т. д. Применение названия «северяне» в более общей форме, в приложении к жителям за-Десенья, отмечает также у украинского населения и К. П. Михальчук,[2] правда, указывая при этом на изменение «сіверяне» в «сиворяне».

[1] «Труды Московск. Диал. Комис.», в. 3, стр. 161—162.
[2] «Труды этнографическо-статистическ. экспедиц. в западно-рус. край», т. VII, стр. 462.

Таким образом и документ конца XVII века (письмо Казимира Халецкого) и сохранявшееся у южных соседей старое название разрешают вопрос о населении края в пользу признания его северянским, отличным от украинского. Название же его в актах XVII — XVIII века «малороссийским» имеет свою причину в административном объединении с Украиной бывших северных уездов Черниговской губернии.

Северяне в Летописи и некоторые стороны быта бывших северных уездов Черниговской губернии.

Отмечу еще одно обстоятельство, подтверждающее выводы о нетождественности северян с украинцами. В древней русской Летописи северяне сближаются с радимичами и вятичами, а отнюдь не с полянами или древлянами: «Радимичи и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяхуть», читаем в ней.[1] Правда, выше мы отметили черты, общие у Северско-белорусского говора с украинским. Черт этих, мы видели, немного, и они теряются в массе явлений, общих у говора с белорусским языком. То же приходится сказать и о бытовой стороне населения бывш. северных уездов Черниговской губ. Еще в 60-х годах XIX века М. Домонтович[2] писал об этом, указывая, что в северных уездах Черниговской губернии «смысл свадебных обрядов совершенно украинский — разница только в том, что песни при этом поются белорусским наречием». Отмечено им также сохранение здесь украинского обычая «Свечи и канунов храмового праздника» — обычаи, которые все более и более «изглаживаются из памяти народной в южных уездах губернии» (533—534). Объяснение этого сходства М. Домонтович видит в предполагаемом им происхождении населения этих уездов из смешения великоруссов, украинцев и белоруссов (ib.). Однако явления рассмотренного нами говора и факты истории и колонизации Черниговской губернии не дают права предполагать такое смешение. Скорее приходится допустить, на основании общих с украинцами бытовых и лингвистических явлений, большую близость племенных групп, легших в основу украинской народности, с северянами, чем с другими древне-русскими племенами.

Остается сказать несколько слов о языке актов XVII—XVIII вв.

---

[1] «Полное собрание Русских Летописей», т. I, стр. 6.

[2] «Материалы для географии и статистики России. Черниговская губерния». 1865 г.

Некоторые черты языка актов XVII—XVIII века бывших северных уездов Черниговской губернии.

Язык актов XVII—XVIII вв., писанных на территории бывших северных уездов Черниговской губернии, отличается от современного языка рядом украинизмов преимущественно в словаре и отчасти в фонетике и формах словоизменения. Как понять это отличие? Отметим здесь, что в актах XVII—XVIII века мы встречаемся лишь с *деловым языком* края, имевшего общее административное управление с Украиной, часть которой он составлял, и употреблявшего один язык в делах администрации и суда. Ведь и современный деловой язык (русский литературный) в этих уездах также не менее резко отличается от народного языка, который никогда не имел доступа в печатную книгу или рукописную бумагу.

Со времени присоединения Малороссии и до 1719 года Стародубским полком управляла казацкая старши́на; с 1719 г. по 1782 г. главным образом — разного рода русские офицеры: отставные майоры, поручики гвардии и проч., а с 1782 г., когда Стародубский полк вошел в состав Новгород-Северского наместничества, управление велось на общих для всей России основаниях. Во всех этих случаях не было простора местному языку. Казацкая старшина, естественно, держалась языка, имевшего официальное употребление во всей Украине. Это тем более было естественно, что Стародубские полковники почти исключительно были людьми пришлыми — уроженцами главным образом правого берега Днепра;[1] в значительном большинстве пришлыми из-за Днепра были также и полковые писаря.[2] Все это, разумеется, отводило официальному языку Украины широкое место в деловом употреблении и делало его, надо думать, по мере сил и возможности, языком города. Это обстоятельство дает объяснение отмеченному уже отличию говора города Стародуба, Погара отчасти и других городов от говора сел и деревень. Твердое *р* пред гласными не переднего ряда, характеризующее только городские говоры, сочетание губных с *и* вместо старого *ы* имеют свой источник в официальном языке, в речи казацкой старши́ны, знавшей только твердое *р*, звук средний между *ы* и *и* и др. Официальные акты XVII—XVIII вв., как увидим дальше, представляют ряд случаев такого употребления. Сохранившиеся вплоть до нашего времени в языке г. Стародуба эти явления представляют один из следов

---

[1] Ал. Лазаревский. Op. cit., т. I, стр. 13—63.

[2] Ib., стр. 92—100.

влияния официального языка XVII—XVIII века на местный язык. Повидимому, в XVII веке влияние это было гораздо шире и захватывало различные стороны языка.

С другой стороны, при всех неблагоприятных условиях местное произношение просачивалось в официальный язык деловых бумаг XVII—XVIII вв. От 2-й половины XVII и XVIII вв. сохранилось значительное количество актов Стародубского полка. Большинство из них хранится в Московском Древлехранилище (бывш. Архив Министерства Юстиции); из них изданы:

1) «Протокул до записования справ поточних на рік 1690». Изд. М. Н. Белозерским в «Черниговских Губернских Ведомостях», 1852 г.

2) «Протокул справ поточних» 1683 г. Изд. в «Черниговских Губернских Ведомостях» за 1857 г., №№ 21—34.

3) «Отрывки из Стародубовской мѣской книги» за 1664—1673 г. Изд. В. Л. Модзалевским в «Трудах Черниговской Губернской Ученой Архивной Комиссии», вып. 8, 1911 г.[1]

4) «Стародубского Магистрата книги справ поточних» за 1690—1722 г. Изд. Д. П. Миллером и М. М. Плохинским в «Сборнике Харьковского Историко-Филологического Общества», т. 6, вып. 2, 1894 год.[2]

5) «Актовая книга Стародубского городового уряда» 1693 г. Изд. «Черниговск. Губернск. Ученой Комиссией», 1914 г. под редакц. В. Л. Модзалевского.

Примечание. По сообщению В. Л. Модзалевского, №№ 1, 2, 4 изданы с ошибками.[3]

Из этих актов мною привлечены для настоящей работы следующие:

1) «Отрывки из Стародубовской мѣской книги» за 1664—1673 год по рукописи Московской Публичной библиотеки Союза ССР имени В. И. Ленина, № 76.

2) Книги «Справ поточних» Стародубского Магистрата за 1706, 1716, 1717, 1725 гг. по рукописям Московского Древлехранилища (Опись 1-я, вязка 1-я, № 5; опись 1-я, вязка 3-я, №№ 22, 24, 35).

3) Книги «Справ вечистых» Стародубского Магистрата за 1691, 1716, 1717, 1725 гг., по рукописям Московского Древлехранилища (Опись 2-я, вязка 14, № 165; опись 1-я, вязка 3-я, №№ 21, 23, 36).

[1] Подлинник хранится в Москве, в Публичной библиотеке Союза ССР имени В. И. Ленина, под № 76.

[2] Подлинник хранится в Харьковском Историческом Архиве.

[3] «Докладна записка про видання міських актових книг Лівобережжя» («Записки Історично-філологічного відділу», кн. II—III. Додаток до протоколу № 1, стр. 3—6).

4) «Журналы решительные» за 1798 год по рукописи Московского Древлехранилища (Опись 2-я, вязка 14, № 163).

5) «Дела Стародубского Магистрата» 1786 год по рукописи Московского Древлехранилища (Опись 2-я, вязка 2-я, № 20).

Кроме того, при проезде летом в 1923 году чрез город Погар я имел возможность, как уже сказано выше, познакомиться 1) с сохранившейся у К. Ив. Бурого частью «Книги Стародубского Земского суда» за 1765 г. и 2) с архивом Успенской церкви г. Погара. Архив довольно обширен, но мне удалось извлечь материал из следующих актов: а) из «Метрических книг» за 1722—1771 г., б) из «Книги присяг о бракосочетании» за 1783—1838 г., в) из разного рода заметок на листках половины XVIII века, повидимому, церковного старосты о приходе и расходе церковных сумм и г) из описи церковного имущества, составленной в 1746 г., IX 16.

Посвящая в ближайшем будущем языку актов Стародубского полка XVII—XVIII века специальное исследование,[1] приведу здесь лишь случаи проникновения в этот язык аканья.

Примеры.

Амелянович (Стародубовская мѣская книга. Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина, № 76, л. 93 об.), звышемянованого (ib., л. 93 об.), Авъдакима (ib., л. 94), Авхим (ib., л. 81), Асипу (ib., л. 109 об.), Гарбача (ib., л. 110), Ганчара (ib., л. 110), Ахърему (ib., л. 110 об.), Криваусенок (ib., л. 113), каралей трое (ib., л. 122), кажух (ib.), Барысом (ib., 122 об.), Ярмоловичом (книга Вечистая, 1691 г., лл. 3, 19, 25. Древлехранилище), Яремина (ib., л. 26 об.), Ярофѣевичъ (ib., л. 30), Ярмоловнѣ (ib., л. 33), Алистратом (ib., л. 51), имянно (Журн. решит., 1798 г., I 8, ib.), стульцов такарских (книга Земского суда, 1765 г., л. 114 об., по рукописи К. И. Бурого) и т. д.

С другой стороны, те же слова в тех же актах встречаются и с отсутствием аканья: Олистрат (Стародуб. мѣская книга. Публич. библиот. СССР. имени В. И. Ленина, № 76, л. 91 об.), Отрошку (ib.), Ермолович (ib., л. 93), Евъхимовичу (ib., л. 112 об.), Олексѣевичом (ib., л. 117), Омельяновичом (ib.), Омеляна (ib.), Ермоловичомъ (Книга Вечистая, 1691 г., лл. 28 об., 32, 33, 42. Древлехранилище), Ермоловичъ (ib., л. 29) и т. д.

[1] Работа уже начата, и ряд актов рассмотрен со стороны языка.

Таковы же случаи смешения *о* и *а* в одних и тех же словах: Росторгуй (Дела Стародуб. Магистрата, 1786 г., VIII 14, № 20, л. 1), Расторгуй (ib., л. 3), Растаргуя (ib.) и далее везде *а*, но подпись с *о:* Росторгуй; также Лобочевскому (ib., л. 2) и Лобачевскому (ib., л. 4).

Гораздо чаще встречаются случаи аканья в документах из названного выше церковного архива: о раждающихся (1722, А, л. 1), бабилей (1730, В, XI 28), чинам (ib.), бабылей (1733, В, IX 6), паламара (= понамаря; 1735, В, VII 10), катляра (1737, В, III 16), Рамана (1738, А, X 21), Наскова (ib., X 28), Петрачонков (1740, А, III 23), панамариха (ib., VI 24), Листратавъ (1741, А, I 4), Руденъкава (1742, А, IV 1), катляр (1754, Б, XII 5), Ляпехи (1767, А, V 5), Гардей (книга Присяг, 1789, IV 16), Пагарский (ib., 1795, VI 10), дварянин (ib. 1797, I 20), Петраченокъ (ib., 1797, I 25), староны (ib., 1799, II 19) и т. д.

Из заметок о приходе и расходе церковных сумм: ярмолак (1746 г.), деняг (ib., 1746 г., дважды), панамору (ib.) и т. д.

Нередки также случаи колебания между *о* и *а* при преобладании написаний с *о:*

Шугоевъ (1738, А, X 21), Холецкого (1742, А, VI 10) и Халецкого (ib., VIII 26), кровца (1742, А, I; IV 11), Гамолѣея (1749, А, VI 18), при Гамалѣй (1750, А, VII 15; Б, V 1) в ряде предыдущих и следующих лет, также и Гомолѣевой (1768, Б, V 13), Растаргуй (1749, В, II 12) и Росторгуева (1738, А, X 5) при Расторгуя (1740, А, III 9) и Расторгуева (1742, А, I 31), постуха, (1754, VIII 14), Авсѣенковаго (1755, А, V 8) и Овсѣенковаго (ib., III 30), Петроченка (1759, В, XII 17) при Петраченок (книга Присяг, 1797, I 25), Лепехи (1768, А, IX 17) при приведенном выше Ляпехи (1767, А, V 5), Потапа (1770, В, IX 28) при Патапа (1767, А, VIII 14), оксамитнiи (опись церковного имущества, 1746, IX 16), отласовый (ib.) и т. д.

Приведу также из этих актов примеры на отвердение *р* перед гласными не переднего ряда. Черта эта и до сих пор удержалась в городском говоре.

Примеры.

Бранского (книга Поточная, 1706, л. 67), роспорадити (книга Вечистая, 1691, л. 7), распоражаю (ib., л. 7 об.), шинкара (ib., л. 33), трох (книга Вечистая, 1716, л. 89), ноябра (книга Земского суда, 1765 г., л. 120, по рукоп. К. И. Бурого), Дегтярова (Метрическая книга, 1730, В. V 11), паламара (ib., 1735, В, VII 10), панамора (ib., 1738, А, I 15), Пушкаровъ (ib., 1740, А, III 9; 1754, А, IX II) бондара (ib., 1740, А, VII 22),

веровочника (1744, В, VII 3), цорокъ (1758, А, IV 28), бразкальных денег (из заметок о приходе и расходе сумм в 1746 г.), веровокъ (ib., 1746, I 12), выбразкал (ib., 1748) и т. д.

Чаще однако в подобных случаях наблюдается сохранение мягкого *р*.

Примеры.

Урядомъ (книга Вечистая, 1691 г., л. 9) поламоря (Метрич. книга, 1734 г., В, XI 10), бондаря (ib., 1734, В, II 7; ib., 1743, В, I 20), писаря (ib., 1743, А, X 25), Лазаря (ib., 1744, В, I 4), генваря (книга Присяг, 1784, I 14) брязкальных (из заметок о приходе и расходе церковных сумм в 1746 г.), ноября (ib.), декабря (ib.) и т. д.

Относя другие явления в специальное исследование «О языке актов Стародубского полка XVII—XVIII вв.» (о чем см. выше), остановлюсь несколько на переселении в край старообрядцев и о влиянии их на местный язык.

Старообрядческие переселения и вопрос о влиянии их на язык местного населения.

Охарактеризовав Северско-белорусский говор в современном его состоянии и указав на проникновение аканья в деловой официальный язык, естественно поставить вопрос: было ли влияние на него языка переселенцев-старообрядцев из Московского государства?

Старообрядческие поселения в Стародубьи в XVII—XVIII вв. были весьма значительны. Не говоря уже о более раннем (1628 г.) поселении великорусских людей в Стародубьи, вызванном разными причинами,[1] с конца 70-х годов XVII века в Стародубье устремляется волна старообрядческой эмиграции. Вслед за попом Кузьмой, пришедшим вместе с 20 старообрядцами и поселившимся в с. Понуровке, и другие старообрядцы благодаря усилившемуся в Великороссии гонению на них, «оставляюще своя природная места, сродники и други, течаху в Стародубскую область, и тамо пустыни населяюще. Откуда населися Белый Колодезь и Синий, Замишево, Шеломы, слободы».[2]

Начавшееся затем в правление царевны Софии гонение здесь на старообрядцев вынудило их переселиться отчасти в тогдашнюю Польшу — «в область пана Лецкого при реке Ветке».[3] Однако эти гонения не прекра-

[1] М. И. Лилеев. «Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв.» Киев. 1895, стр. 21 и след.

[2] Ib., стр. 4; ср. А. М. Лазаревский. «Описание старой Малороссии», т. I, стр. 440.

[3] М. И. Лилеев. Op. cit. и А. М. Лазаревский. Op. cit, стр. 441.

тили движения старообрядцев в Стародубье: в 1684 г. ими была основана слобода Еленка и вслед затем слободы: Деменка (1694—1695), Воронок (1691 г.), Лужки (1694 г.), Зыбкая (1701 г.), Злынка (1702), Клинцы (1701 г.), Климов (1708), Чуровичи (1709), Городище (1710 г.), Ардонь Чернецкая (1711 г.), Млынка (1712 г.), Святская (1713 г.), Тимошкин Перевоз (1703), Митьковка (первоначально в 1682—1684 и вторично в 1709 г.)[1] и друг.

Таким образом на протяжении почти 30 лет старообрядцами было основано и поселено 15 слобод. Есть возможность судить и о количестве населения в слободах. Такую возможность представляют сохранившиеся переписные и окладные книги 1715—1718 г. полковника Ергольского и капитана Брянчанинова 1729 г.[2] Правда, книги известны далеко не по всем слободам: лишь 7 слобод представлены в них: Еленка, Воронок, Лужки, Зыбкая, Клинцы, Климов и Радуль (последняя Городнянского уезда и не входит в рассматриваемый нами район). В этих слободах жило всего около 2800 человек. Как бы ни смотреть на эту цифру, считать ее огромной или незначительной, факт заселения края великоруссами-старообрядцами, по крайней мере, частичного заселения налицо.

Обратим здесь однако внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, великоруссы-старообрядцы жили в отдельных слободах, на первых порах особняком от остальной массы. Во-вторых, в своем отношении к этой массе они характеризуются высокомерием во всех сторонах жизни. Отсюда замкнутость их и обоюдная отчужденность. Историк раскола М. И. Лилеев в названном выше исследовании «Из истории раскола на Ветке и в Стародубье в XVII—XVIII вв.» отмечает, что «Старообрядцы вообще не смешивались с коренным населением Малороссии, как и теперь в слободах чрезвычайно редки родственные связи с малороссиянами».[3] Косвенным образом некоторое указание на жизнь старообрядцев особняком дает следующее место переписных книг 1623 г.: «Въ семъ же селѣ» (речь идет о селе Демьянках) «3 двора раскольниковъ: сіи всѣ кгрунтовіи и велми можніе, а селу жаднай помощи не чинятъ».[4]

Наблюдения А. Полевого, произведенные им в 1924 году над говором

---

[1] Хронология указана по М. И. Лилееву, стр. 50—63; несколько иначе у А. М. Лазаревского, стр. 440—465.

[2] Пользуюсь данными, приведенными из них в книге М. И. Лилеева «Из истории раскола...», стр. 79.

[3] Стр. 31.

[4] Пользуюсь данными, приведенными из них в той же книге М. И. Лилеева, стр. 26.

Новозыбковского уезда, указывают на тот же характер новозыбковских старообрядцев и в настоящее время.

С своей стороны, отмечу то же и о старообрядцах Стародубского уезда, сохранивших в этой замкнутости свой язык с некоторыми, правда, изменениями, костюм и обычаи. Отношение к ним местного населения далеко недружелюбное, по крайней мере, было таким еще в 90-х годах XIX в. Известны они у него под именем «москалей», при чем «москаль» и «московка» — термины не национальные, а религиозные: москалями называются исключительно старообрядцы. Улица в Стародубе, на которой когда-то были и отчасти сохранялись до 90-х годов прошлого столетия дома старообрядцев, известна под именем «Московской»; старообрядческое кладбище также называется «Московским». Вместе с тем слово «москаль» является символом чего-то грубого: «привязался москалем», говорится обыкновенно про назойливого, надоедливого человека; «загнуть москаля» — выругаться неприлично; «настоящий москаль» — говорится про девицу с резкими, размашистыми манерами; «москалем» пугают маленьких детей: «маскаль у мяшок забярэть» и т. д., не говоря уже о неприличных анекдотах про «москалей».

С другой стороны, местное население известно у старообрядцев под именем «хохлов» или более презрительно «хохликов». Слияние «москалей» с «хохлами», смешанные браки опять таки крайне редки.

Отношение местного населения к языку старообрядцев отрицательное (как равно и к некоторым их обычаям и привычкам, например, к частому мытью рук): «уш-та да нуш-та», «я-та и ты-та» и т. п. выражения употребляются для характеристики их языка. При таком положении, разумеется, не может быть и речи о взаимном влиянии языков.

Таким образом поселение в Стародубье великоруссов-старообрядцев не отразилось на языке местного населения; скорее, наоборот, нередко замечается как раз обратное явление.

Заключение.

Итак мы видели, что история, археология и колонизация края не дают оснований полагать, что население его в значительной своей части пришлое. Не отрицая частичной колонизации края в польскую эпоху (XVII в.), нельзя не признать, что она, повидимому, не имела огромного влияния на его язык: более или менее однородный состав современного языка скорее говорит за

ассимиляцию ему языка пришлого элемента. При таком положении в основной массе населения бывш. северных уездов Черниговской губернии приходится видеть *потомков древних северян*, населявших когда то значительную часть Черниговской губернии, Курской и Полтавской и входящих в настоящее время в состав белорусской народности.

Выводы.

1. Северско-белорусским говором назван в настоящей работе говор, находящийся на территории бывших северных уездов Черниговской губернии, т.-е. на территории Мглинского, Новозыбковского, Стародубского и Суражского уездов, и говор западной полосы Трубчевского уезда бывшей Орловской губернии.

2. Исследование произведено на основании непосредственного знакомства автора с говором, а также на основании рукописных и печатных материалов.

3. Принадлежа географически к северовосточным белорусским говорам, Северско-белорусский говор имеет ряд черт, общих с югозападными белорусскими говорами и неизвестных другим чистым говорам Белоруссии.

4. Говоры, граничащие непосредственно с Северско-белорусским с запада, севера, востока и юга, отличаются от него в ряде фонетических и морфологических явлений.

5. Принимая во внимание эти отличия и особенности говора, выделяю его в особую группу белорусских говоров и называю его Северско-белорусским, т.-е. в носителях говора вижу потомков древних северян, территориально, правда, расширившихся на северо-востоке и западе насчет своих соседей.

6. История и археология края устанавливают поселение северян на части теперешней территории говора, в частности в Стародубском уезде.

7. Наблюдения А. Ф. Шафонского в конце XVIII в. над фактами языка устанавливают, что говоры Мглинского, Новозыбковского, Стародубского и Суражского уездов в XVIII в. были одинаковы с говором Городнянского уезда, части Новгород-Северского, Глуховского, Кролевецкого, Сосницкого уездов и селений Черниговского уезда, лежащих на правом берегу Десны, и что эти говоры не имели звуков сложной артикуляции, называемых дифтонгами. Эти звуки появились в этих уездах лишь позднее, как результат влияния, шедшего с юга.

8. Имеющееся в ответе на Краткую Академическую программу № 206а местное предание о пришлом из Украины населении в селе Полковничьей

Слободе Глуховского уезда, характеризующемся отсутствием аканья и отвердением согласных пред гласными переднего ряда, подтверждает выводы, сделанные из наблюдений А. Ф. Шафонского.

9. Заселение после татарского нашествия южной части Черниговской губернии, как показывают документы, шло с запада и приходится на первую четверть XVII в.

10. О массовой же колонизации северной части Черниговской губернии не имеется указаний в документах.

11. Указание историка раскола М. И. Лилеева на наплыв в Стародубщину во второй половине XVII в. беглых не меняет выводов о колонизации Стародубщины: беглые в силу целого ряда причин не могли колонизовать ее.

12. Что действительно северяне не были предками украинцев, об этом свидетельствует документ конца XVII в., проводящий разницу между северянами и украинцами.

13. В Летописи северяне сближаются не с полянами и древлянами, предками украинцев, а с радимичами и вятичами.

14. В современном своем состоянии население севера бывшей Черниговской губернии не помнит о своей принадлежности к северянскому племени и известно у соседей под именем «литвинов», но в начале 60-х годов XIX в. оно было известно у жителей южных уездов губернии не только под именем «литвинов», «полісцев» и «подзегун», но и «сіверян».

15. Язык актов XVII — XVIII в. отличается, правда, рядом украинизмов, но в этих актах мы встречаемся лишь с деловым языком края, имевшего во второй половине XVII и в XVIII веке общее административное управление с Украиной.

16. Этот деловой язык был, надо думать, по мере возможности, языком городской интеллигенции, передавшей некоторые черты его, неизвестные говору сел и деревень, городским массам.

17. Местный язык просачивался в официальные деловые бумаги XVII — XVIII вв. и нашел себе выражение в фактах аканья и в смешении неударяемых *о* и *а*.

18. Язык населения бывших северных уездов Черниговской губернии не подвергся влиянию великоруссов-старообрядцев, поселения которых в Стародубье слабодами в конце XVII и начале XVIII в. были значительны.

Schlussfolgerungen.

1) Als sewersk-weissrussischer Dialekt wird in vorliegender Arbeit die Mundart bezeichnet, welche im Gebiet der früheren nördlichen Bezirke des Tschernigow'schen Gouvernements, d. h. der Kreise Mglinsk, Nowozybkow, Starodub und Surash verbreitet ist, sowie der Dialekt der westlichen Zone des Kreises Trubtschewsk des früheren Orel'schen Gouvernements.

2) Die Untersuchung des Verf. ist auf Grund persönlicher Kenntnis desselben mit dem betr. Dialekt, sowie auf Grund von Manuskripten und Drucksachen vorgenommen worden.

3) Der sewersk-weissrussische Dialekt, seiner geographischen Lage nach zu den nord-westlichen weissrussischen Dialekten angehörend, weist eine Reihe von Zügen auf, welche er mit den süd-westlichen weissrsussischen Dialekten gemeinsam hat und die in anderen Dialekten Weissrusslands fehlen.

4) Die Dialekte, welche an den sewersk-weissrussischen Dialekt von Westen, Norden, Osten, Süden angrenzen, unterscheiden sich von ihm durch eine Reihe phonetischer und morphologischer Erscheinungen.

5) In Anbetracht dieser Unterschiede und Eigenarten des betr. Dialektes, scheide ich ihn in eine besondere Gruppe der weissrussischen Dialekte aus und nenne ihn «sewersk-weissrussischen», d. h. ich betrachte die Träger dieses Dialektes als Nachkommen der alten Sewerjanen, welche allerdings ihr Territorium auf Kosten ihrer Nachbarn erweitert haben.

6) Die Geschichte und Archäologie des Gebietes stellt eine Ansiedelung der Sewerjanen auf einem Teil des Territoriums, wo jetzt der Dialekt vorkommt, u. a. im Starodub'schen Kreis, fest.

7) Die Beobachtungen von A. F. Schafonskij am Ende des XVIII. Jahrhunderts haben festgestellt, dass die Dialekte der Kreise Mglinsk, Nowosybkow, Starodub und Surash im XVIII. Jahrhundert dieselben waren wie die Dialekte des Kreises Gorodnjansk, eines Teiles der Kreise Nowgorod-Sewersk,

Gluchow, Krolewetz, Sosnitza und der Dörfer des Kreises Tschernigow, die am rechten Ufer der Desna gelegen sind, und dass sie keine Laute einer komplizierten Artikulation sogen. Diphtonge hatten. Solche Laute traten in diesen Kreisen erst später, als Resultat eines von Süden kommenden Einflusses, auf.

8) Die in dem «Kurzen akademischen Programm», № 206a (Manuskript) registrierte lokale Ueberlieferung über die aus der Ukraine in dem Dorf Polkownitschja Sloboda, Kreis Gluchow angesiedelte Bevölkerung, welche durch Fehlen des «Akanje» und Härtung der Konsonanten vor den Vokalen der vorderen Reihe charakterisiert wird, bestätigt die aus den Beobachtungen von Schafonskij gezogenen Schlussfolgerungen.

9) Wie durch Dokumente nachgewiesen worden ist, erfolgte die Ansiedelung des südlichen Teiles des Tschernigow'schen Gouvernements nach dem Einfall der Tataren von Westen und fällt auf das erste Viertel des XVII. Jahrhunderts.

10) Dagegen fehlen in den Dokumenten Hinweise auf eine Massenkolonisation in den nördlichen Teilen des Tschernigow'schen Gouvernements.

11) Der Hinweis des Historikers der Kirchenspaltung Lilejew auf einen Andrang von Flüchtlingen in das Starodub'sche Gebiet in der zweiten Hälfte des XVII. Jahrhunderts vermag die Schlussfolgerungen über die Kolonisation dieses Gebietes nicht zu ändern: die Flüchtlinge waren infolge einer Reihe von Gründen nicht imstande das betr. Gebiet zu kolonisieren.

12) Dass die Sewerjanen nicht die Vorfahren der Ukrainer waren, wird durch ein aus dem Ende des XVII. Jahrhunderts stammendes Dokument bezeugt, in welchem ein Unterschied zwischen Sewerjanen und Ukrainern gemacht wird.

13) In der Ljetopis werden die Sewerjanen nicht mit den Poljanen und Drewljanen, den Vorfahren der Ukrainer, sondern mit den Radimitschen und Wjätitschen näher in Verbindung gebracht.

14) Heutzutage entsinnt sich die Bevölkerung des Nordens des früheren Tschernigow'schen Gouvernements nicht ihrer Zugehörigkeit zum Sewerjanen Stamm und ist bei den Nachbarn unter dem Namen «Litwiny» bekannt Im Anfang der 60 Jahre des XIX. Jahrhunderts war aber diese Bevölkerung bei den Bewohnern der südlichen Bezirke dieses Gouvernements nicht nur unter den Bezeichnungen «Litwiny», «Poliszy» und «Podseguny», sondern auch als «Siwerjane» bekannt.

15) Die Sprache der Akten des XVII—XVIII. Jahrhunderts zeichnet sich allerdings durch eine Reihe von Ukrainismen aus, doch bietet dieses Aktenmaterial blos die offizielle Sprache des Gebietes, welches in der zweiten Hälfte des XVII. und im XVIII. Jahrhundert eine mit der Ukraine gemeinsame Verwaltung hatte.

16) Diese offizielle Sprache war offenbar teilweise die Sprache der städtischen Intelligenz, welche einige, dem Dialekt der Dörfer nicht eigenen, charakteristischen Züge dieser Sprache den städtischen Massen übermittelte.

17) Der Lokaldialekt drang allmählich in die offiziellen Akten des XVII. und XVIII. Jahrhunderts und fand daselbst seinen Ausdruck in dem «Akanje» und der Verwechslung der nicht betonten o- und a- Laute.

18) Die Sprache der Bevölkerung der ehemaligen Nordbezirke des Tschernigowschen Gouvernements unterlag nicht dem Einfluss der grossrussischen Altgläubigen, deren Ansiedelungen im Starodubschen Gebiete zu Ende des XVII. und Anfang des XVIII. Jahrhunderts beträchtlich waren.

Поправки.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Следует.*
1	1 сн.	пред *я, ю* и *е*	пред *я, ю, ё* и *е*
11	1-2 св.	записи дают материалы из следующих сел и деревень	в записях представлены следующие села и деревни
16	5 »	Дубовки	Дубиновки
17	1 »	чирты	черты
32	6 »	не наблюдаются	не наблюдается
35	8 сн.	змяя́	вы́нясла
36	17 св.	вместо старого *ѣ*	вместо *ѣ*
41	3 сн.	«Сборник белорусских песен»	Сборник «Белорусские песни»
45	6 »	пага́воры	пагаво́ры
47	11 »	това́рышч	тава́рышч
49	26 св.	вігз, вдребе́згі	візг, вдре́безгі
54	21 »	нача́ваў	начава́ў
59	26 »	имееяст	имеется
61	12 сн.	баи́ся	бая́ўся
67	1 »	дзя́сяцерка	дзяся́церка
74	6 »	тавстю́шчы(й)	таўсьцю́шчы(й)
77	17 »	по́там и	по́там
79	14 »	краю́	кра́ю
87	14 св.	сконяются	склоняются
88	4 сн.	бру́сься, зе́льля, каме́ньня	бру́сься, каме́ньня
91	11 св.	па-пад кло́ьлю	па падко́льлю
94	11 »	рука́мы (ib.), были́наю (Шапочка, ib., 63) и т. д.	рука́мы (ib.) и т. д.
»	6 сн.	ви́шань, я́блань и т. д.	ви́шань и т. д., как я́блань.
»	14 »	с окончанием	с измененным окончанием
113	14 св.	ходя́	хо́дя
114	11 »	в д. Горицы	в д. Горицах
121	16 »	ёсць	ёсьць
123	7 »	три	тры
127	17 сн.	ізде́	ідзе́

Бялковой везде следует читать: Бяльковой.
Ропск » » » Робск.

Другие недосмотры оставляю без исправления.

Оглавление.

СТРАН.

Предисловие . . . . 1— 2

Северско-белорусский говор.

Предмет исследования . . . . 3— 4
Литература о говоре и источники для его характеристики . . . . 4— 7
Печатные материалы . . . . 7— 8
Рукописные материалы . . . . 8— 16
Отрицательные и положительные стороны источников . . . . . . 16— 18
Фонетика.
Гласные под ударением . . . . 18— 19
Безударные гласные . . . . 19— 37
Переход звука *е* в *о* . . . . 37— 38
Звуки *у* и *i* 38
Сочетание гласных с согласными . . . . 38— 39
Согласные.
Звонкие согласные и звук *р* . . . . 39— 48
Гортанный и задненебные звуки . . . . 48— 50
Смягчение задненебных . . . . 50— 51
Звук j 51
Зубные звуки . . . . 51— 56
Губные звуки . . . . 56— 61
Сонорные звуки. Звук *л* . . . . 61— 63
Явления в области согласных звуков . . . . 63— 66
Явления начала и конца слова . . . . 66— 67
Словообразование . . . . 67— 78
Морфология.
Склонение имен существительных муж. рода . . . . 78— 89
Имена среднего рода . . . . 89— 92
Имена женского рода . . . . 92— 97
Краткие прилагательные . . . . 97— 99
Личные местоимения I и II лица и возвратное . . . . 99—100
Местоименное склонение . . . . 100—105
Сложное склонение . . . . 106—110
Спряжение.
I. Тематические глаголы . . . . 110—121
А. Личные формы глагола . . . . 110—118
Б. Именно-глагольные формы . . . . 119—121
II. Нетематические глаголы 121

Главнейшие синтактические явления . . . . 122—134
Ударение . . . . 134—138
Словарь . . . . 139—154
Приложение . . . . 155—157
Говоры, соседние с северско-белорусским . . . . 157—188
а) Говоры Гомельского, Рогачевского, Чериковского и Климовичского уездов . . . . 158—176
б) Говоры Рославльского уезда . . . . 176—183
в) Говоры Брянского уезда . . . . 183—185
г) Говоры Трубчевского уезда . . . . 185—186
д) Говоры, граничащие с северско-белорусским с юга . . . . . . 186—188
Территория Северско-белорусского говора . . . . 188—189
Северско-белорусский говор среди других белорусских говоров . . . 189—193
История края и данные археологии . . . . 193—197
Вопрос о *северянах* в научной литературе . . . . 197—201
Колонизация Северянской земли . . . . 201—206
Свидетельство источника конца XVII в. о *северянах* и сведения о них в 60-х годах XIX столетия . . . . 206—208
Северяне в *Летописи* и некоторые стороны быта бывших северных уездов Черниговской губ. 208
Некоторые черты *языка актов XVII—XVIII в.* бывших северных уездов Черниговской губ. . . . . 209—213
Старообрядческие переселения и вопрос о влиянии их на язык местного населения . . . . 213—215
Заключение . . . . 215—216
Выводы . . . . 217—218
Schlussfolgerungen . . . . 219—221
Поправки 222
Оглавление . . . . 223—224

КАРТА
СЕВЕРСКО-БЕЛОРУССКОГО
ГОВОРА
МАСШТАБ 15 10 5 0 15 в.
СУРАЖ
МГЛИН
ПОЧЕП
УНЕЧА
КЛИНЦЫ
НОВОЗЫБКОВ
СТАРОДУБ
ТРУБЧЕВСК
ПОГАР
Митьковка
Климов
Нов. Робск
Лужки
НОВГОРОД-СЕВЕРСК
Беседь
Ипуть
Десна
Судынка
Вара
Рог
Унеча
Ирвапень
Ревна
Снов
Цата
Терюха
Титева
Живода
Слод
32
33
53
52